

Татьяна Денисова

Без названия

Татьяна Денисова
Книга 1. Без названия

«Автор»

2021

Денисова Т.

Книга 1. Без названия / Т. Денисова — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-98609-1

"Мне повезло в жизни. Я повстречала людей с сердцем, оголенным до крайности. У них ничего не может быть наполовину: либо все, либо ничего. Все – это любовь. О ней не кричат, не дают клятву, что она вечная. Для них по-другому жить не дано. Странные – может быть. А может, нет? Доказывать, что день – это день, а ночь – это ночь, не надо. Зачем ежечасно клясться в вечной любви? По-моему, абсурд..." Судьба героев трудная, всех их объединяет одно качество – честь. Пройдя через множество испытаний, они выстояли, остались людьми. А что может быть ценнее, чем называться человеком?!

ISBN 978-5-532-98609-1

© Денисова Т., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть 7 она же 0	5
Вместо предисловия	5
Часть 1	9
ЭСВ	9
Часть 2	14
Юли	14
Глава 1	14
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Татьяна Денисова

Книга 1. Без названия

Часть 7 она же 0

Вместо предисловия Татьяна

Ритус думал, как быть. Он поверил словам мальчика безоговорочно, но как передать их Иоганну и Кате? Вопрос без ответа. Надо дать разрядку аккумулятору: потом заряд будет прочнее. Он ехал к другу, не зная, что станет говорить и станет ли вообще. Может, просто посидят за чашкой чая.

Татьяна по привычке торопилась в школу. Терпеть не могла понедельник, потому что начало недели, много уроков, дежурная на этаже, классный час в своем «замечательном» 9 классе. Так хотелось остаться дома наедине с собой, в тишине и покое почитать интересную книгу или просто поваляться на диване (чего греха таить, лодырь она каких свет не видывал)... Помечтала и будет... Реальность заключалась в том, что на работе помимо детей, которые категорически не желали учиться – это полбеда – ждали ее будни жизни, как-то сплетни, шепот за спиной, перемигивания – надо говорить, когда не было никакой охоты, улыбаться, когда хотелось плакать, либо молчать и тем самым не показывать своих подлинных чувств. Хотелось набраться смелости и послать все далеко-далеко, но нет у нее на это право по той простой причине, что, как бы ни избито звучало, надо кормить детей, а их у нее с мужем было трое, воспитывать, давать образование. Это только в новых русских фильмах показывают «сказку» вместо реальности. Деньги сами собой не делаются, не печатаются, не появляются.

Они с мужем пытались быть честными и по возможности не причинять вреда другим, но в последнее время, увы, это не всегда получалось. Может, потому что, прожив большую часть своей жизни, они поняли, что не сделали и четверть того, что обязаны сделать. Это давило, но изменить что-либо у них не получалось. Порой, страдая от бессонницы, Татьяна ждала, когда произойдет чудо, но оно не происходило.

Она только хлопнула входной дверью, как техничка предупредила, что ее ожидает незнакомый мужчина. Машинально посмотрев на часы – совсем немного времени – а надо приготовиться к уроку, да еще не мешало бы посмотреть расписание, что, собственно, за урок, спросила, где он. Ей ответили: пошел на третий этаж к ее кабинету. Татьяна, как всегда, зашла в учительскую за журналом (оказывается, все-таки шестой) и поднялась к себе на этаж. У окна она увидела, как ей показалось на первый взгляд, незнакомца. Ритус!

– Здравствуй, призрак! – сказала она и начала медленно рассматривать мужчину. После нескольких мгновений продолжила. – Так ты существуешь?

- Как видишь.
- Интересно... Что случилось?
- С чего ты решила, что что-то случилось?
- Я же твое второе я.
- Ах, да, я забыл.
- Ты многое забываешь.
- Обычно нет. Как ты?

Татьяна в ответ засмеялась:

– Очень остроумно.

– Но все же?

– Пытаюсь вымучить роман. О вас.

– И?

– И никак. Не получается. Дала себе слово закончить прошлой весной – куда там: писать и писать. Мыслей много, но нет сердцевины – однотипно. Разные характеры, но финал один и тот же: все хорошо. В жизни так не бывает. Попробовала убить нескольких героев – не тут-то было. Сопротивляются. Я их так-то хочу закрутить, а они по-другому, словно специально дразнят меня. Вот и получается очередное мыло, а хочется глубины, чтобы читал и думал. Скорее всего, брошу, как первый вариант, хотя этот лучше, но все равно много наигранности, непонятности, не хватает элементарных фактов. А где их взять? Я же по характеру лодырь, искать – целая проблема.

– Да, целая проблема... – протянул собеседник, всматриваясь в лицо женщины.

– Вот именно. Вообще-то, у меня урок.

– Можно я посижу?

– Если хочешь... только у меня их много. К тому же, последний – классный час.

Ритус сидел молча за последней партой, как исправный ученик. На большой перемене в класс заглянула завуч, принесла измененное расписание. Ритус поздоровался кивком головы и отвернулся к окну. На следующей перемене пришел муж. Его уже предупредили, что у Татьяны посторонний мужчина.

– Знакомся, мой брат, – сказала Татьяна.

– Не понял.

– Вот и хорошо, что не понял, а то вот я все понимаю, оттого и хреново.

Ритус улыбался, но молчал.

На классный час собирались медленно. Кто с размаху бросал сумку, кто спрашивал, может его не будет, но, как оказалось, будет.

– Что бы вам такого интересного рассказать?

Класс притих – нотаций не будет.

– Итак... Поговорим о... Я не раз говорила, что каждый творит судьбу по своему желанию. Я расскажу вам историю, а вы – хотите верьте, хотите нет.

Жил-был человек. Замечательный, удивительный. Я бы сказала единичный экземпляр. Он... добился многого. Очень. Почему? Потому что так захотел. Сам. Для него история, или жизнь, началась со смерти. Да, со смерти его самого. Не больше, не меньше... Скажете, не может быть. Еще как может.

Представьте себе конец семидесятых годов прошлого века. Граница на западе. Небольшой военный городок, скажем, НН, где все знают друг друга, ходят в гости, отмечают вместе праздники. Застава. Начальник – молодой офицер (фамилию придумайте сами). Его два старших сына проходят срочную службу на хорошо знакомой, близкой сердцу, заставе. Все настолько тихо, по-домашнему, что в один из дозоров старший брат берет младшего, совсем мальчишку, с собой: романтика, песни слагают.

Когда раздастся выстрел, мальчишка рухнет как подкошенный. Братья, рванувшись к нему, не поверят тому, что увидят. Солдаты, собаки, крики по рации – все сольется в один гул, а они будут смотреть на него: хватит шутить, пора подниматься. Он не встанет. Поймут это, когда увидят лицо отца. Вернее, неотца...

Пройдут годы, долгие-долгие, седые, как паутина, промозглые, будто склизкая осень, тяжелые, словно пьяный угар. Мальчишка, сразившийся со смертью, победит ее, и наступит для него нежизнь. Почему нежизнь? Что такое жизнь – понятно каждому. А как определить состояние, когда тело выполняет естественные функции, а душа погасла? Думаю, слово

«нежизнь» подходит как нельзя лучше, главное – понятнее. Мальчик... Он заставит себя не умереть. Не имел он права на смерть перед живущими. Ему заново придется осваивать мир, простой и понятный в прошлом, новый и пугающий в настоящем.

Обладающий недюжинными способностями, он обратит свои силы, нет не во зло, а во благо, хотя под благом каждый подразумевает свое. У мальчика появится дар находить человека. Есть люди, а есть человеки. Людей много, человек единичен. Возьмет за правило жить так, чтобы по возможности не вредить в мире, не досаждать ему своим присутствием. Если уж не получится, то... А, собственно, что то? Мне кажется, он и сам не дошел до последнего пункта. Значит, есть ради чего жить.

Каков вывод? При наличии интеллекта, способности противостоять смерти (не одна остановка сердца), желания познать непознанное, имея в багаже скарб из нескольких образований, пары десятков языков и, как следствие, знакомства с оригинальными теориями, (к примеру, ницшеанством), находясь на изломе двух религий и знанием остальных, обладая материалом из человеческих судеб, он решил ... переделать мир. Нет, никаких революций, боже упаси: не вредить миру – главное кредо. (Хотя многие кровавые боины устраивались как раз из предстоящего блага для мира).

Но, пожалуй, я увлеклась... Что же в реальной жизни? Все просто. Будучи ребенком, он имел талант к музыке. Ему прочили будущее великих... Автоматная очередь все изменила. После травмы позвоночника руки не смогли двигаться подвижно и плавно, как ему хотелось. Он мечтал о божественном Олимпе в музыке – на меньшее не был согласен. Если нет такой возможности – стать богом в музыке и передать все звуки мира, дневного и ночного – можно стать кем-то вне нее.

Кто сказал, что слепой не может научиться видеть, а инвалид – ходить?! Пустяки! Кто сказал, что человеческий мозг не может воспринимать информацию в таком объеме? Ерунда! Наконец, кто выдумал, что тело нельзя научить не умирать? Еще как! Все можно... Каждый творит судьбу по своему желанию...

Вы знаете, мне повезло в жизни. Я повстречала людей с сердцем, оголенным до крайности. У них ничего не может быть наполовину: либо все, либо ничего. Все – это любовь. О ней не кричат, не дают клятву, что она вечная... Просто для них по-другому жить – не дано. Странные – может быть. А может, и нет. Ведь доказывать, что день – это день, а ночь – это ночь не надо. Зачем же нужно ежечасно клясться в вечной любви. По-моему, абсурд...

Все, словно по команде, повернулись к Ритусу. Он спокойно смотрел на Татьяну.

– Все вроде бы ни о чем? – спросил он.

В ответ она пожала плечами.

Ритус познакомился с домашними, оценил обстановку, пролистал написанное... Наконец, вечером они уединились на кухне. За очередной чашкой чая Татьяна спросила:

– Так что?

– Не знаю. Честно. Так плохо мне еще не было.

– Давай разберемся во всем по порядку. Первое – это Юли и его заморочки. Артур. Иоганн. Катя. Наташа...

– А что Наташа? – перебил Ритус.

– Она, конечно, не знает, что Соня – твоя дочь?

– А ты-то с чего взяла, что она моя дочь?

– Ну, если ты приехал поесть торт, то он съеден, а я хочу спать, а не выслушивать бред умопомешанного...

– Не понял, объясни, черт возьми! – взорвался Ритус.

– Что ты просишь объяснить, братец? Ты, вероятно, забыл, что мы в какой-то степени, действительно, брат и сестра, а значит, можем чувствовать друг друга...

– Нет, не забыл. Я, во всяком случае, не читаю твоих мыслей.

– Можешь прочесть, ничего страшного.

– Меня сейчас интересует, что делать с мальчиком, которого спасла Наташа.

– По-моему, надо поговорить с Иоганом. Что за дурасть – отпустить жену. Она, видите ли, страдает. А он нет? Да и вообще настойчивее надо быть. Я это по своей жизни знаю. Если бы не смалодушничала, сейчас не сидела бы здесь.

– Помочь? – спросил Ритус.

– Пока не знаю. Попробую сама. Если уж совсем ничего не получится, тогда позаботишься о детях.

– Кто из них?

– Что кто? Ах, кто будущий Мастер? Не знаю. Раньше казалось, что средний. Теперь на распутье – возможно, и старший. Не знаю. Не могу определить. Как-то все перемешалось в жизни.

– У тебя здесь нет друзей.

– У меня их никогда и не было, не считая тебя.

– Я же предлагал тебе пойти в ЭСВ.

– Хотелось сделать что-то самой.

– Ты уже сделала. У тебя трое сыновей. Нас прославишь.

– Ты думаешь, люди поверят в ваше существование?

– Не знаю. Во всяком случае, задумаются. И знаешь что, не говори, что все однотипно и финал только хороший. Вспомни Риту, Виталия...

– Не могу писать о смерти.

– Почему?

– Слишком больно переживать. Ты же знаешь: самому умереть легче.

– Да. Так значит, от помощи отказываешься. Может, телефон оставить?

– Нет. У меня сразу появится соблазн воспользоваться твоей помощью, что я и сделаю бессовестным образом.

– А так будешь жалеть...

– Разумеется. Я всегда сожалею о том, что не сделала, а тем более о том, что сделала...

Они рассмеялись...

Часть 1

ЭСВ

Как это началось, уже никто не помнил.

В 1981 году в село Б..., что находится в центре Черноземья, Станислав Карлович Бланки привёз десятилетнего сына, который... должен был умереть. У жены Бланки, Светланы Юрьевны, не было сил, ни физических, ни моральных, наблюдать за тем, как на её глазах умирает ребёнок, ещё один. Врачи ничего не могли сделать. Всё, что им удалось, – частично восстановить зрение.

Бланки попросил обычную русскую старушку по имени баба Катя присмотреть за умирающим, оставил номер телефона, пообещал приехать при первой необходимости, дал денег. Он вернулся через месяц. К своему удивлению, обнаружил, что сыну хуже не стало. Баба Катя поинтересовалась, можно ли ей полечить ребёнка травками. Ещё через месяц сын делал первые неуверенные шаги. Станислав Карлович боялся сглазить, решил не говорить жене раньше времени.

В свой третий приезд мужчина познакомился с несколькими мальчишками и девочками, подружившимися с сыном. Они не замечали его недостатков. По вечерам допоздна засиживались около костра в ожидании пёкшейся картошки или варящейся ухи; рассказывали, как водится у детей, страшные, на их взгляд, истории, хохотали до упада, пели песни, иногда сочиняли их сами, упражнялись в меткости (картошкой по пустым банкам) – одним словом, дурачились.

Знал ли кто-нибудь из сидящих возле костерка, что ждёт их впереди?! А если знал, выбрал бы тот путь?! Кто знает.

Станислав Карлович через полгода понял, что сыну стало лучше, причём настолько, что тот пошёл в школу. Врач, приехавший осмотреть ребёнка, развёл руками:

– Не знаю, что и сказать. Надо провести обследования.

Бланки наотрез отказался. Виктор Вениаминович спрашивал у бабы Кати, чем она лечила мальчика.

– Да чем лечила? На всё ведь воля Господа. В церковь ходила, сорокоуст за здоровье заказала, водичкой из святого колодца умывала утром и вечером. Пил он водичку-то эту, потому как полезительная она. Ноги с позвонками парила – хвою собирала в лесу и парила. Бульончик варила. Черничкой кормила да черничный отвар давала – для глаз дюже полезительный. Да к бабке мы водили его. Сливала она... Вода-то была чёрная, словно уголь; три раза водили, и все три раза вода угольная. Большой на нём наговор, дабре большой. Ещё надо бы, да бабушка, которая сливала-то, после него дюже болеет – она ж наговор на себя берёт. Обождать надобно... А так болей ничего. Вы-то вот, поди, и в бога не верите, а я ему крестик повесила на шею, что в святой воде свячёный. Он защитит от дурного глаза.

Ещё через два с половиной года Ритус Бланки – а был это именно он – ходил без посторонней помощи, даже поднимал ведро с водой. Жил он по-прежнему в семье бабы Кати, которая состояла из пяти человек: её дочери и троих внуков. Младшая внучка училась с Ритусом в одном классе.

У Ритуса за эти три года появилось много друзей, кто чуть старше, кто одного возраста. По чистой случайности, у многих из них родители оказались военными, как, впрочем, и у самого Ритуса. В лесу, который окружал село со всех сторон, находился полигон.

Естественно, больше всего мальчишкам нравились военные игры: с паролями, заданиями, явками, стычками с врагом. Ребята придумали себе врага, разработали диспозиции (свои и вражеские), сшили экипировку. У них появился штаб со всеми военными регалиями, чины, несколько отличные от армейских.

Станислав Карлович посмеивался над их затеей, но видел в глазах сына огонь – желание жить, чтобы играть в эту новую (нет, далеко не тимуровскую) игру. Познакомился с начальником полигона – подполковником Москвиным Алексеем Ивановичем. Его дети (Олег и Рита) учились в одном классе с Ритусом.

– Эти игры могут плохо закончиться... для меня, – как-то вечером, сидя на крыльце собственного дома и закуривая сигарету, произнес Алексей Иванович.

– Что случилось? – спросил Станислав Карлович.

– Неделю назад были учения – плановые полёты истребителей с базы в Л... Представляешь, летит себе лётчик над глухоманью, вёрст за двадцать от всех населённых пунктов, там, где даже грибников и ягодников нет, прицеливается – оп, откуда не возьмись – ребята с девочками меж сосен бегут... ландыши собирали.

– По шее?

– Орден на грудь, а на шею медаль...

– Чёрт... Ритус. Уже второй раз, – Станислав Карлович покачал головой.

– О чём ты? – спросил Москвин.

– Да так, как-нибудь в другой раз.

– Хорошо.

Про орден и медаль Алексей Иванович сказал в шутку, а вот взбучка была совсем не шуточная. Вспомнили всё: самоуправство, вольность, неподчинение начальству.

– Забыл, как на ковре вот здесь стоял в прошлый раз? Думаешь, раз пожалели – и другой сойдёт. Тогда друг помог – всю вину взял на себя. Теперь кто? Молчишь? Да ты знаешь, какая обстановка в стране, в Советском Союзе? Мало тебе, что из партии вышибли, в звании понизили. Думаешь – ас... Да мы таких асов – тьфу и растереть. Что у тебя там за детский сад на полигоне? Ну, докладывай.

Генерал расстегнул ворот, выпил воды. В кабинете кроме них двоих никого не было. На дубовом столе перед генералом лежала папка с личным делом подполковника Москвина. Раскрывать не стал – знал с прошлого раза.

– Ты мне тут не молчи, Москвин. Что это, понимаешь, взял за моду такую – молчать. Виноват – будь добр отвечать. Я не посмотрю, что у тебя на руках две семьи – вымету из армии к чёртовой матери и дело с концами. Всё уяснил?

– Так точно, товарищ генерал.

Москвин стоял смиренно и молчал.

– Ну, что ты будешь делать? – откинулся в кресле генерал. – Ну, прям кадр из фильма: «Допрос партизана». Я, значит, фашист, а ты, конечно, – партизан: не скажешь – лучше умрёшь. Так выходит?

– Никак нет.

– Так точно, никак нет. Тьфу... – в сердцах плюнул генерал, пожевал усы. – Ну-ка, присядь, Алексей Иванович. Присядь-присядь.

Москвин отодвинул ближайший к себе стул.

– Да ты не туда, ты сюда – поближе садись, а то, как школяр за последней партой.

Москвин подошёл ближе, сел. Генерал нажал кнопку:

– Чайку нам покрепче.

Он обошёл стол, сел рядом с Москвиным.

– Давай, Алёша, поговорим с тобой, потолкуем. Мне теперь уж, по большому счёту, всё равно. В любой момент могу на дачу к грядкам с огурчиками. А вот тебе...

О чём шел разговор, доподлинно не знает никто. Алексей Иванович не распространялся на эту тему даже тогда, когда стало возможно. Что это было? Генеральская прихоть? Раскаяние за бывшие грехи? Об этом уже не узнает никто, так как оба участника беседы почили с миром.

Работа у ребят кипела. Собирались после школы в заброшенном, еще из плетня, сарае, обсуждали, бурно спорили, не соглашались, переделывали, опять спорили. И так на протяжении нескольких месяцев. Зимой собирались у Москвиных или Измайловых. К весне большую часть работы закончили. Решили приурочить день рождения нового военного объединения к ближайшему дню рождения кого-нибудь из ребят. Им оказался, по воле случая, Ритус и дата 21 мая. В объединение вошли:

1. Бланки Ритус Станиславович.
2. Верещагин Владислав Сергеевич (Остап).
3. Воробьев Сергей Сергеевич (Воробей).
4. Воропаева Наталья Владимировна.
5. Измайлов Владимир Владимирович (Усатый).
6. Кузнецов Тимур Эдуардович (Тимур).
7. Кувшинов Владимир Николаевич (Боксер).
8. Москвина Маргарита Алексеевна.
9. Москвин Олег Алексеевич.
10. Неменский Александр Николаевич (Сашко).
11. Неменский Юрий Николаевич.
12. Топорков Борис Александрович (Дьявол).
13. Тулбис Георгий Юзефович.

Лейтенанты с полигона:

14. Мухатчевили Тимур Ибрагимович.
15. Лозинский Сергей Владимирович (Лазо).
16. Романов Ярослав Георгиевич (Тибул).
17. Трубецкой Евгений Николаевич (Джонни).
18. Бунивур Виталий Георгиевич.
19. Контарев Вячеслав Алексеевич.

Вошли через год:

20. Белых Константин Андреевич.
21. Белых Сергей Николаевич.
22. Кизява Алла Валерьяновна.
23. Контарева Анжела Алексеевна.
24. Павлов Владислав Викторович.
25. Павлов Вадим Викторович.
26. Диляра Бунивур.
27. Ромадановская Инга Станиславовна.
28. Толстой Артем Александрович (Вихрь).

Но 21 мая 198. года, как назло, шел проливной дождь, поэтому было решено отложить торжества. Затем начались экзамены, у многих впервые в жизни.

Вовка Измайлов несколько раз ездил в РАЙОНО, добываясь, чтобы его перевели на вечернее обучение по семейным обстоятельствам. Как-то он познакомился с девушкой по имени Наташа, странной, так ему показалось на первый взгляд, особой. Вовка увидел ее в тот момент, когда она шла по рельсам, не слыша за спиной режущего поезда. Юноша сбил ее с ног, сильно ударившись о насыпь. Без посторонней помощи добраться до дома он уже не смог. Так

в Б... появилась Наталья Владимировна Воропаева. Она сразу вошла в список членов организации.

Тринадцать подростков-заговорщиков решили изменить мир по-своему, по-детски, то есть по-честному. Своим девизом они взяли знаменитые слова Вениамина Каверина: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Судьба не баловала этих молодых людей. О каждом из них в отдельности можно написать не то, что главу – книгу.

Ребята изложили основные принципы организации в Уставе.

Быть честным и непримиримым ко всякого рода проявлениям лжи.

Быть порядочным. Соблюдать этику поведения по отношению друг к другу.

И еще восемнадцать пунктов и подпунктов. Со временем Устав доработается, отшлифуется, станет мудрее. Придумали слова присяги, музыку и гимн, название организации.

Как-то вечером уставший Вовка Измайлов сидел молча у костра и не реагировал на шутки друзей. Борька пробовал картошку – нет, рвановато, нужно еще подождать. Влад решил почудить: взял несколько угольков и подложил под Борькину руку. Тот не заметил этого, оперся на угли.

– Дьявольщина. Какой сукин сын подложил?

Все засмеялись.

– Ой, подуйте, мальчику больно, – говорил Влад.

– Сам попробуй, – огрызнулся Борис.

– Легко. – Влад взял в ладонь раскаленные угли, держал их минуты две.

– Не надоело? – устало спросил Вовка. – Сила есть – ума не надо. Если так много выдержки – съезди завтра за меня в город, а я пока огород доплюю.

– Зачем? – спросила Рита.

– Опять сволочи сказали: «Завтра приезжай. Посмотрим», – Вовка переломил палку, бросил ее в костер. – Так бы и съездил кому-нибудь по роже. Ей богу, можно было бы, ушел на войну к чертям собачьим.

– А мать с девчонками? – спросила Рита.

– Я же сказал, если было бы можно, – ответил Вовка.

– Если было бы можно, я тех троих голыми руками задушила, – сказала Наташа в нависшей тишине.

– У нас нет этих «если». Приходится терпеть, – заметил Ритус.

– Ага, терпеть, – вспылила Наташа. – Как в Освенциме. Люди терпели и молча шли в газовые камеры, чтобы умереть...

– Мы не в Эсвенциме, – Ритус произвольно оговорился.

– Освенцим, Эсвенцим... – размышлял вслух Вовка.

– Эсвенцим... можно придумать какую-нибудь аббревиатуру, – уловил его мысль Ритус.

– И с какого перепуга? – спросил Воробей.

– Все мы тут сидим, сведенные воедино волею судьбы. Одной на всех такой огромной. Разбредись поодиночке, захочется в петлю сунуться, под поезд прыгнуть, на войну уйти. Да, мы не в Освенциме, но наша жизнь чем-то, быть может, ее напоминает.

– А сократить как? – спросил Боксер.

Ритус вывел палкой на земле ЭСВ.

– Не понял. – Тимур встал со своего места, чтобы лучше рассмотреть полученную аббревиатуру.

– Да я и сам не понял, – ответил Ритус.

– Непонятное нам подходит, – сказал Георг. – Борик, картошка готова?

– А дьявол ее знает, – ответил тот.

– Вот ты и будешь Дьяволом, – засмеялся Олег.

– А что, мне нравится, – сказал Борис.

Утром второго июля в Б... приехало военное начальство. Москвин послал ребятам на подмогу двух своих лейтенантов: Лозинского и Бунивура.

Злой полковник (заставили ехать в тьму-таракань заниматься какими-то младенцами) смотрел исподлобья на серьезных ребят.

– Тэкс, – как-то неопределенно протянул он. – Ну, и кто из вас главный?

Он раскачивался с пятки на носок. Расстегнутый китель открывал округлившийся животик, который маялся из-за стянувшего его ремня. Мальчишки переглянулись.

– Что, порядка не знаете? Должен быть один начальник, с которого весь спрос. Ну?

– Ребята, – спокойно обратился к ним Лозинский. – Вы выбрали штаб?

– Да, – ответил Олег.

– А командира или командующего? – спросил Бунивур.

– Да, – за всех ответил Борис.

– Слушаем, – сказал Сергей.

– Значит так, – откашлялся Вовка. – Командующий – Ритус Станиславович Бланки, его заместитель – Тулбис Георгий Юзефович, командир – Воробьев Сергей Сергеевич, комиссар – Москвин Олег Алексеевич.

– Хорошо. Теперь я буду разговаривать с «командованием», – с сарказмом заметил полковник (пуговица, помучавшись, высвободилась из мочки и предоставила возможность пупку почувствовать глоток свободы). – Где у вас «штаб»? Или такого не имеется?

– Почему же? Имеется, – ответил Лозинский. – Прошу.

Еще прошлой осенью ребята вырыли в саду у бабы Кати землянку. Так как баба Катя решила отремонтировать дом (поднять деревянную избу, подвести под нее фундамент, заменив сгнившие нижние венцы, пристроить просторную веранду с лицевой стороны и небольшой коридор сзади дома), то сад был занят стройматериалом. Ритус с Георгом расчистили площадку и выкопали там землянку, так как негде было ночевать. К будущему лету землянка расширилась втрое. Обустроили ее внутри: сделали полы, обшили бока тесовыми досками, сделали две перегородки. Получился коридор и три комнатки: в одной из них и был штаб.

Через несколько лет эта землянка подвергнется кардинальным изменениям. На месте бывшей комнатки, где размещался штаб, будет большой просторный холл. И потолки будут высокие. И светло станет не от лампочки-сороковки.

А пока полковник неуклюже спускался по самодельным ступенькам, чуть не стукнулся о низкий потолок. В кабинете, куда его завели, стоял письменный стол, несколько стульев, книжный шкаф. В углу знамя. На столе лежала папка. Полковник вытер пот, огляделся по сторонам – чисто, аккуратно – сел за стол, открыл папку.

Так родилась организация, о существовании которой большинство населения России не знает по сей день. И дело не в том, что она засекречена. Поначалу никто из начальства, систематически посещающего полигон, а значит, и ЭСВ, не верил в эту затею. Приезжали большей частью посмеяться над прихотью генерала. Затем стало вовсе не до ЭСВ: в стране начались грандиозные и непонятные события. Генерал к тому времени вышел в отставку «к грядкам и огурцам». А когда вдруг вспомнили, оказалось, что мальчишки повзрослели, занялись своим образованием, их стало намного больше, у ЭСВ появилась поддержка в лице людей, которые по дешевке скупили не нужное бывшему Советскому Союзу вооружение – танки, самолеты, БТР, машины. С ЭСВ на фоне разваливающейся армии пришлось считаться...

Часть 2

Юли

Глава 1

Погода была не из приятных. Сплошная стена ливня держала человека в постоянном напряжении. Включённые щетки помогали плохо. Колдобины на дороге – визитная карточка страны – добавляли экстрима. Грязь летела во все стороны, забрызгивая и обочины, и саму машину. Вдруг прямо перед фарами оказалась движущаяся фигура. Водитель резко затормозил. Слепленная светом, испуганная, девушка подняла руку, пытаясь защититься от надвигающейся угрозы. Чертыхаясь, водитель остановился, открыл дверцу и сказал:

- Садитесь.
- Нет, спасибо...
- Да садитесь же, я не кусаюсь.

В салон влезла насквозь промокшая и замёрзшая девушка. Вода стекала по волосам, в полусапожках хлюпало.

- Что за невзгода выгнала в такую погоду? – спросил мужчина.
- Была у папы в больнице, опоздала на автобус.
- Ясно.

Когда доехали до центра села, девушка попросила остановить машину, но водитель наотрез отказался.

- Хочешь воспаление лёгких схватить? – и отвёз домой.
- Спасибо вам большое, – сказала попутчица.
- Не за что.

Кто бы мог подумать, что эта, на первый взгляд, ничего не значащая встреча двух людей может перевернуть всю жизнь. Что именно она окажется судьбоносной для многих и многих. Но не будем забегать вперёд. Мы ведь ещё не знаем, что это за двое. Пора с ними познакомиться.

Примерно через неделю после известных событий двое встретились вновь. Правда, на этот раз не было ни дождя, ни хлюпающих полусапожек. Мужчина затормозил, увидев знакомый силуэт.

- Здравствуйте, – девушка улыбнулась и села в машину.
- Вы специально ждали меня? Может, свидание здесь назначили, а я запомнил? – мужчина, прищурившись, посмотрел на попутчицу.
- Да нет...
- Дайте, угадаю... Вы из больницы, от папы...
- Да, верно.
- Снова опоздали на автобус?
- Нет, рейс отменили.
- А-а...
- Ой, – вскрикнула девушка, потому что машину сильно потрянуло на ухабе.
- Прошу прощения, – затормозил водитель. – Может, познакомимся, раз уж мы с вами так часто встречаемся. Меня зовут Юлиус.

- Знаю. Вы командующий армии, что строит неподалёку от села полигон.
- Правильно.... А вы?
- А я Даша.
- И?
- Просто Даша. Учусь в одиннадцатом классе.
- Малолетка, значит.
- В каком смысле? – удивилась девушка.
- Да так. Без смысла....Куда сегодня везти?
- В центре притормозите, – обиделась Даша. – Спасибо, что подвезли. Сколько я вам должна?
- О, сущий пустяк, – усмехнулся военный. – Всего лишь губки.
- Что, простите? – девушка не поняла, о чём речь.
- Ваши губки, мадмуазель, – мужчина посмотрел в глаза девушки и обжёгся.
- Вы всегда так самоуверенны или только с малолетками? – спросила она.
- Обычно меня просят об одолжении, чтобы я взял.
- Я не из их числа, – девушка вылезла из машины и хлопнула дверцей.
- Хм, – военный поехал дальше.

Юлиус Станиславович Бланки, действительно, был командующим пятой армии ЭСВ. Две недели назад несколько подчиняющихся ему частей расположились в местечке Н., чтобы развернуть здесь новый полигон. Стоял сентябрь, и приходилось спешно думать, как разместить живую силу. Юлиус ехал из штаба, где дали добро на то, чтобы частично расположить солдат у местного населения.

Для себя Юлиус решил, что надо понаблюдать за этой странной кошечкой. Возможно, из-за скуки. Ехать на новый объект он не изъявил никакого желания, но приказ есть приказ, и здесь не поспоришь.

Даша удивилась, увидев через два дня у соседнего дома машину командующего. Да он и сам не заставил себя ждать.

- Доброе утро, соседка, – произнёс он с сарказмом.
- Что вы здесь делаете? – с недоумением спросила Даша.
- Снимаю квартиру у бабы Веры. Она одинокая старушка, правда, чересчур словоохотливая.
- А лучше места себе не нашли?
- В апартаментах надо вести себя подобающим образом, на что у меня нет ни охоты, ни времени.... К тому же, здесь неподалёку живёт моя должница. Не забыла, должок за тобой? – Юли помял сигарету в руках и закурил, опираясь на изгородь.
- Во-первых, я не припомню, чтобы мы переходили с вами на «ты»... – начала Даша.
- А ты можешь обращаться ко мне на «вы», – перебил её Юли. – Действительно, между нами всё-таки ... большая разница... во всём...
- А во-вторых, я ещё не встречала в жизни более надменного и самовлюблённого мужчину, – вспылила Даша.
- Золотце моё, – тихо обратился Юли к готовой уйти домой девушке, – а ты вообще с мужчинами встречалась?

Даша вспыхнула и, не говоря ни слова, ушла. Юлиус докурил сигарету и пошёл заводить машину. По дороге на стройку он весело насвистывал: будет интересное приключеньце. В том, что оно будет, нет ни малейшего сомнения. У девчонки есть характер и, судя по всему, не из простых. Тем лучше. Надоело одно и то же: набил оскомину, хоть что-то новое.

Однако зря он подумал, что приключение будет лёгким. Девушка по соседству оказалась весьма странной в том смысле, что она никак не реагировала на военных, попросту не замечала их. И это в то время, как в селе и за его пределами (на несколько десятков километров), только и разговоров, что о военных, их количестве, возрастном составе, семейном положении! В то время как все женское население, не исключая и несчастную бабу Фаину (не повезло бедняжке – уже за девяносто) тратило последние сбережения на новую одежду и косметику (Клавдия Адонина решила-таки вставить передние зубы, да не простые, а золотые, да не два, а все четыре – пусть будет светло от ее улыбки). В то время как мужчины, еще вчера считавшие себя привилегированным населением села (не так уж и много их осталось), начинавшие день, как правило, с выпивки, предоставляя возможность женщинам в полной мере почувствовать себя равноправными членами общества (вся работа – для них!) вдруг в одночасье, словно по команде, протрезвели. В то время как все мальчишки, забыв про мобильники и компьютеры, которых на селе и было-то по пальцам пересчитать, а именно три, страстно воспылали к занятиям спортом (не имея подготовки, трудно убежать от караульных, охраняющих склады с боеприпасами). Одним словом, в то время как жизнь в округе встала на дыбы, какая-то противная, не иначе, как совсем глупая, девчонка, обычная школьница, никак, абсолютно никак не хотела замечать происходящего, впрочем, как и ее родственники (одна баба Таня с ее вечным ворчанием о бесстыдниках и жеребцах чего стоила).

За несколько прошедших недель Юли видел её несколько раз мельком. Он рассчитывал, что заинтересует собой девушку, а вышло наоборот. Даша иногда приходила к бабе Вере, помогала по дому, но всегда уходила до появления командующего.

Тот приезжал вечером, ужинал и сидел допоздна. Хозяйка старалась не беспокоить постояльца. Вязала потихоньку носочки, как она говорила, для унучков (они жили далеко, в Калининграде), ждала весточки от единственной своей кровинушки – доченьки (сын погиб в Афганистане), а теперь у неё появилась ещё одна забота: угодить постояльцу.

Как-то утром в дверь ее дома постучал глава местной администрации Пал Палыч и без обиняков объявил, что у неё будет квартировать командующий армии. Баба Вера забеспокоилась, мол, и условий-то никаких, и стара она за порядком смотреть, и шума-то не любит. Но Пал Палыч оказался настойчивым на этот раз. К тому же, сманил-таки бабку деньгами и пайком, которые будут получать хозяева, в чьих домах расположатся военные. Вечером появился постоялец. Честно говоря, он сразу приглянулся старушке. Может, из-за тоски по сыну, который в неполные девятнадцать ушёл на войну и не вернулся.

Юлиус был высоким, статным мужчиной. Лицо слишком красиво, хотя в мужественности ему не откажешь. Жгучие карие глаза смотрели на собеседника в упор. Во взгляде читалась оценка. Краешки губ чуть подёргивались, готовые в любую минуту произнести какую-нибудь насмешку. Одним словом, внешность циника и человека, знающего цену себе и всем окружающим.

Баба Вера взялась хлопотать, как лучше устроить квартиранта, чем накормить, но Юли прекратил её хлопоты, сославшись на то, что ему нужны тишина и покой, что он весьма неприязнителен в быту.

Так они и стали жить. Единственное, что сделала баба Вера, – попросила Дашу, соседку, приходиться убираться по дому, дескать, ей-то уже и тяжело, а к нему-то, постояльцу, могут и гости в любой момент нагрязнеть, аль начальство, да и у плиты стоять, чай, ноги не слушаются. Даша согласилась. Она и раньше помогала старушке, а братья всегда заготавливали дрова, носили воду.

Шло время, старушке все больше нравился постоялец. Пусть и начальник, а в обращении прост, не воротит носа от холодца или голубечиков, или пирожков домашних. Работает с толком – уйдет в бумаги с головой, все чего-то чертит, считает. Опрятен, сапоги всегда вычищены, даже в грязь, рубашка чистая, сам выбрит. Не треплется попусту – ни о себе, ни о ком

– молчок. Старушка несколько раз пыталась выяснить, не женат ли, или, может, зазноба какая есть – лишь посмеялся, но определенного ответа не дал: «И лишу всех деревенских сплетниц возможности придумывать небылицы обо мне?!». Если и выпивал (случалось такое иногда за ужином), то не жадно, больше для души. Одним словом, не то, что нынешние оболтусы в разодранных штанах, которые и пить-то толком не могут, лишь надерутся до одурения, а чтоб сказать что путное или сделать, так и вовсе не дожدهшься. Старушке даже вздумалось сосватать ему Дашу.

Девочка была ей как родная. Вот только как реализовать задумку, зная Дашкин упёртый характер. Она пыталась оставить Дашеньку на ужин, подгадывая под приезд командующего, но девушка всегда оказывалась занята. Зато Юли был в полном распоряжении старушки. По рассказам хозяйки у него создалось впечатление, что по соседству живёт не просто девушка («красавица», «умница», «работница»), а настоящий ангел, возможно, даже с крыльями, с таким же характером. Юли посмеивался про себя. Если бы Даша могла предположить, какую услугу ей делает соседка, она больше не стала бы помогать, но девушка об этом не догадывалась.

Было за полночь. Юли всё ещё что-то сверял по картам. Он настолько углубился в расчеты, что не сразу расслышал стук в окно.

– Ой, святой Боже, кого это на ночь глядя? – поднялась баба Вера, лежащая на печке.

– Я открою. – Юли встал из-за стола, накинул куртку, вышел в сенцы. Перед ним стояла Даша.

– Отвезите папу в больницу. Только скорее, – с жаром выпалила она.

– Сейчас. – Юли вернулся в дом, оделся, взял ключи и вышел снова. Даша была возле своего крыльца.

– Быстрее можно!

– Можно, – огрызнулся Юли. – Но можно и без истерики. Если нужно – вызову врача сюда. Где ждут вашего отца в два часа ночи?

Юли стоял около машины и ждал Дашиного решения.

– Ну, давайте врача. Только быстро, – она вбежала на крыльцо.

Юли дождался Стива, и они вместе вошли в дом. Все были на ногах. У Дмитрия Николаевича снова приступ. Кровавые салфетки валялись в тазу. Даша с матерью сидели у постели больного, пытаясь облегчить его боль.

– Давно кровь пошла? – спросил Стив, устанавливая чемодан с аппаратурой на стол.

– Около одиннадцати вечера, – прошептала Ирина Владиславовна бескровными губами.

– Постараемся помочь, – Стив закатал рукава, обработал руки спиртом. Взглянув ещё раз на женщину, кивнул Юли. Тот вывел её за дверь.

В зале было тихо. Около бабушки на диване сидели внуки: Мишка с Колькой и маленькая Алёнка, поджавшая под себя ноги, боявшаяся шелохнуться, как будто от этого могла расколоться чья-то жизнь. Баба Вера стояла в дверях и молча крестилась. Юли усадил Ирину на стул, обратился к ребятам:

– Принесите из моей машины фляжку. Увидите, она на сидении. И стакан. Баба Вера, присаживайтесь.

Юли пододвинул стул старушке. Из принесённой фляжки плеснул коньяка в стакан, протянул его Ирине. Та выпила, не поняв содержимое налитого.

– Мам, тётъ Вера, – помолчав, окликнула она старух, – вы уведите Алёнку с ребятами. Чего всем-то сидеть.

– Мам, мы тут побудем, – начал Колька.

– Ох, и правда, чё сидеть-то, – спохватилась баба Вера. – Давайте, ребята, одевайтесь да пойдём ко мне. У вас уж и пол застыл, а у меня печка ещё тёплая. Алёнка, детка, пойдём,

милая. Пойдём, лапушка, у меня конфетки есть сладкие. Тут сидеть нечего. Чё надо будет – придуть скажут. Татьян, собирай ребят.

Юли закрыл дверь, вернулся в зал. Ирина Владиславовна беззвучно плакала. Слёзы текли и капали на руки, скрещенные на коленях. Кажется, она не замечала этого. Юли протянул платок. Ирина Владиславовна подняла глаза, не понимая, потом спохватилась:

– Простите... – быстро вытерла слёзы, распрямил плечи. – Мы вас побеспокоили.

– Давайте помолчим, – перебил её Юли.

Он отошёл к окну, отдёрнул занавеску. За окном шёл снег. Тихо-тихо ложился на чёрную землю, будто боясь её потревожить. Снежинки ещё в воздухе слепливались между собой, и поэтому из них получалось покрывало. Оно надёжно прикроет землю, скроет все её недостатки, а когда весной та захочет проснуться от долгой спячки, многие её рубцы разглядятся и исчезнут. Снег не забыл и о деревьях, заборах, колодцах, крышах домов. Он надёжно защищал собою все, что было в его силах. Предметы становились округлыми, угловатость, как и недостатки, скрывалась. Очертания менялись, и, казалось, что нет поломаных сучьев у деревьев, лишь рябина зарделась ярким румянцем на белой шали, нет покореженных строений, которые неумелой рукой начертил на земле человек, нет самого хилого и мнящего себя творцом, есть только воздух, земля, небо, которое решило поделиться частью своей белизны.

Прошло время. Вышла Даша.

– Мам, – обратилась она, – врач остановил кровь. Папа уснул.

Ирина Владиславовна закрыла глаза и кивнула головой.

– Я пойду заварю крепкого чая. Потом уберу там.

Юли подошёл к Ирине Владиславовне:

– Вот видите, всё обошлось...

– Да, пока обошлось, – перебил Стив, закрывая за собой дверь в комнату больного, – не мешало бы его в наш госпиталь. Вы не против?

Ирина Владиславовна подавила вздох:

– Я не против, но в больнице плохо помогают. У него это после Чернобыля – он инженер по профессии. Митя был на ликвидации, сразу по приезде заболел. Сначала врачи говорили, что нет ничего страшного, что все пройдет, только вот надо чуть-чуть подлечить... Чуть-чуть растягивалось на недели, месяцы, годы... Пришлось продать всё, оставить работу. Перебрались в деревню: на молоко и картошку...

– Давайте попробуем. В любом случае, хуже, чем есть, уже не будет.

Стив внимательно посмотрел на Юли: он прав.

– Пусть он поспит, как проснётся, я сделаю ему укол, прокапаем капельницу и можно осторожно отправляться.

– Вертолётом, может, лучше? – спросил Юли.

– Можно и вертолётом, – согласился Стив.

– Спасибо вам, – сказала Ирина Владиславовна.

– Ему есть ради кого жить, – ответил Юли и встретился взглядом с Дашей. Она стояла в дверях с чайником в руках.

– Выпьете чаю? – спросила она, подходя к столу.

– Я лучше коньяку, – ответил Юли. – Стив?

– Чаю.

После этого случая Юли ждал прихода Даши. В том, что она придёт благодарить, он не сомневался ни секунды. Другое дело – когда. С одной стороны, Юли был рад ее приходу: наконец-то что-то может сдвинуться с мёртвой точки; с другой, сомневался. Обстоятельства, толкнувшие их к сближению, были далеко не весёлого характера. Пользоваться положением – не в духе Юли. Однако он ошибся и на этот раз. Даша не пришла его благодарить ни на следую-

щий день, ни через неделю, ни тогда, когда Дмитрий Николаевич выписался из больницы и вернулся домой. Это уже слишком.

Юли решил сам навестить Дмитрия Николаевича под предлогом встречи с больным. Вечером он отправился в гости. Надо сказать, встречей был весьма удивлён. Перед ним не обметали «стульчик золочёный», на который он сел, не благодарили по очереди, перебывая друг друга – то есть не делали ничего того, на что рассчитывал «благодетель». Удивление Юли, правда, скоро прошло, так как завязавшийся разговор с Дмитрием Николаевичем был искренне интересен, и он не пожалел, что познакомился с умным человеком.

Дмитрий Николаевич, несмотря на недомогание, с удовольствием беседовал с новым знакомым. Пожалуй, они поладят, тем более что в последние годы у них с Ириной не было друзей. Прежние как-то вдруг испарились, кто сразу, кто чуть погодя, а заводить новых не захотелось. Так они и жили в глуши, общаясь, в основном, друг с другом. Глаза Дмитрия Николаевича искрились, как когда-то, от умных шуток, иронии к самому себе. Видно, собеседник тоже не против, несмотря на высокое положение, подтрунить над собой.

Дашу Юли увидел лишь мельком – она делала уроки. Её взгляд, брошенный на него, говорил, что она раскусила его ожидания, поэтому и не пришла с благодарственными восклицаниями. Юли был взбешён, но что-либо сделать, увы, оказался не в состоянии.

Юли сидел у Ритуса, брата, в гарнизоне ЭСВ и чертыхался, почему свет стоит.

– Нет, ну ты можешь себе представить... Пигалица, пальцем перешибёшь. А взгляд. На стороне женщин Дьявол, ей богу. Ты представляешь – никакой реакции. Ну, абсолютно. Ритус... ну так не бывает. Слушай, может, она малолетняя мужененавистница? А? Ну, ладно, не реагируешь – дело твоё. Но зачем в меня влезла? Не могу спать – снятся её чёртовы глаза. Это уже слишком. Может, она ведьма? Ты чего смеешься?

– Да я не смеюсь, – Ритус поставил недопитый бокал вина на рояль и подошёл к окну. – Поговори с ней.

– О чём? – Юли залпом выпил стакан коньяка.

– О чём ты обычно разговариваешь с женщинами, – ответил Ритус.

– Так то обычно и с женщинами, имеется в виду нормальными, – перебил его брат, – а тут аномалия.

– Тогда не знаю.

– Ритус. – Юли поставил стакан на столик. – Я хочу на ней жениться.

Ритус внимательно посмотрел на сидевшего:

– А если это роковая женщина?

– Мне уже четвёртый десяток. Пожалуй, эта девочка может мне дать что-то новое, как-то переломить меня.

– Ты хочешь этого?

– Да. Знаешь, – уже тише прошептал Юли, – порой мне кажется, что эта ее странность не случайна, что большую часть жизни я ждал именно эту самую странность... Ты понимаешь, о чём я?

– Да.

– Похоже, я влюбился. Ни как в Крис, как-то иначе, через боль что ли. Я и сам толком ещё не разобрался, но боюсь упустить её.

– А может, наоборот. Не стоит торопиться, – поинтересовался Ритус.

– Чтобы у меня мозги совсем расплавились?

Юли специально приехал к брату. Ритус был на несколько лет моложе, но... В этом «но» и заключалось главное, что было в ЭСВ, что объединяло, по сути, весь ЭСВ, с чего он начинался.

Ритус Бланки был командующим ЭСВ. Им он стал в четырнадцать лет. Многие не верили в это, но факт остаётся фактом. Когда речь зашла о выборе командующего, выбрали именно его, больного, полуслепého ребёнка, так как он, по выражению одного из друзей, был надёжным, как земля. Почему земля? Да потому что, только стоя на земле, человек чувствует крепкую опору под ногами. Он может строить планы, свершать их, превращая будущее в настоящее. Другими словами, он может всё. И ничего без этой опоры. Ритус был уникальным человеком. Но всему своё время...

Так как Юли не встретил препятствий со стороны брата, он ещё больше уверился в том, что прав в своём решении. Не откладывая дело в долгий ящик, уже на следующее утро он купил кольцо, бутылку вина и букет цветов с намерением вечером отправиться к Даше. Однако решил прихватить и пистолет на случай, если она ему откажет.

Он с трудом соображал в этот день: что происходило, с кем разговаривал, о чём. Очнувшись уже на пороге Дашиного дома звонящим в дверь. Открыла Ирина Владиславовна.

– Добрый вечер, – поздоровался Юли.

– Добрый, – ответила Ирина Владиславовна и пригласила войти. – Снимайте пальто, проходите.

– Вот возьмите, пожалуйста, – Юли протянул букет нежно-розовых роз и бутылку вина.

Ирина Владиславовна удивилась, предложила присесть. Вошла в комнату, где дети готовили уроки, положила букет перед Дашей. Дмитрий Николаевич поднял вопрошающие глаза на жену, та только пожала плечами, мол, сама ничего не понимаю.

– Красивые. От кого они? – спросила Даша.

Родители посмотрели на неё, но, ничего не сказав, вышли в комнату, где сидел Юли.

– Здравствуйте, – Дмитрий Николаевич пожал протянутую руку.

– Добрый вечер, – ответил Юли – Я, может быть, не вовремя?

– Да нет, почему же. Мы как раз собирались ужинать. Присоединяйтесь к нам.

Ирина Владиславовна накрыла на стол, позвала всех. Даже передела блузку, смекнув по внешнему виду Юли, что он пришёл не просто так. Когда все уселись, Дмитрий Николаевич сказал:

– Юлиус Станиславович, разливайте вино.

– Мить, тебе же нельзя, – возмутилась баба Таня.

– Мам, я же не из горла, а от чуть-чуть ничего не станется.

Бабушка, поджав губы, смолчала, неудобно при госте отчитывать.

Юли разлил вино взрослым. Даша налила компота детям, в том числе и себе. За столом воцарилась напряжённая тишина.

– Дмитрий Николаевич, Ирина Владиславовна, – обратился к ним Юли. – Я... по делу пришёл. Как бы лучше выразиться?.. Одним словом,.. я прошу руки вашей дочери, – выпалил он.

Затянувшееся молчание нарушила бабушка:

– Мить, чего это он сказал? Какой руки, какой дочери. Ты, милоч, либо выпимши.

– Я, бабушка, пока не пил, – тихо, но чётко ответил Юли. – Хочу жениться на Дарье Дмитриевне, то бишь внучке вашей.

Юли повернулся в сторону поражённой бабы Тани. Та не унималась:

– Вот я и говорю – выпимши. Тверёзый-то такое не выдумает. Она, касатка моя, ещё дитячко неразумное, а ты, прости господи (тут бабка истово перекрестилась), жеребец племенной. Что ж, мы растили, холили её, неужто для тебя?

Все заулыбались.

– Мама, – перебил, наконец, её Дмитрий Николаевич и значительно поднял бровь, – давай, ты помолчишь. Честно говоря, – продолжил он, уже обращаясь к командующему, – мы

несколько удивлены вашим предложением. По-моему, даже Даша. (Она, действительно, сидела ошарашенная услышанным). Мы признательны за честь, оказанную Даше и не против. – Тут Дмитрий Николаевич опять значительно посмотрел на бабу Таню, намеревавшуюся что-то сказать. – Но последнее слово за ней.

Все посмотрели на Дашу.

– Это что шутка? – спросила она.

– Я не шучу подобными вещами, – ответил Юли.

– Очень интересно, – продолжала свои размышления Даша и даже покраснела от волнения и всеобщего внимания. Она не привыкла быть в центре, а тут все буквально поедали её взглядами и ждали ответа. Самое главное – смотрел Юли и видел, как она краснеет. Сама того не подозревая, в эту минуту она была чертовски хороша, хотя и пыталась изобразить строгую даму. Даша нервно тербила мочку уха (это было её привычкой).

– Абсурд какой-то. Я не знаю. Подумать-то хоть можно? – она встретилась взглядом с Юли.

Послышался звон молний от брошенных клинков.

– Конечно, – Юли отразил натиск.

– Вот и славно, – перебил Дмитрий Николаевич, – давайте выпьем за, я надеюсь, мирное урегулирование данного военного конфликта. Я не ошибаюсь, Дашенька?

Юли улыбнулся: тонко подмечено.

Дальнейшая беседа за столом велась в основном благодаря Дмитрию Николаевичу. Юли-усу приходилось, как в бою, быстро ориентироваться в обстановке, то есть осмысливать заданный вопрос, пытаясь хоть как-то распространить ответ, так как сам был не в состоянии о чем-либо интересоваться. Промучившись подобным образом около часа, все-таки спросил, не злоупотребляет ли временем присутствующих, выразительно посмотрев на Дашу, которая сидела напротив него. Она за время разговора командующего с отцом не один раз, как ей казалось, украдкой посматривала на часы. Даша покраснела, но промолчала. Родители лишь улыбнулись. Когда Юли собрался уходить, обратился к девушке:

– Дарья Дмитриевна, не будете столь любезны проводить меня.

– Не обязательно быть любезной, чтобы проводить гостя до дверей, – ответила Даша, уловив в вопросе скрытый сарказм.

Уже стоя на веранде, Юли поинтересовался:

– И сколько мне ждать ответа, юная леди?

– Не знаю. – Даша почувствовала себя неловко наедине с мужчиной. – Вы не пошутили? Или, может, решили отомстить мне за что-нибудь?

– Нет, Дашенька, я не шучу. Вот. – Юли достал из кармана футляр с колечком. – Сочтёшь нужным – наденешь, нет – вернёшь.

Стояли молча. Слова, которые говорят обычно в таких случаях, казались неуместными, а красоты не хотелось. Вроде взрослый мужик, а поведение как у школяра – злился он на себя. Но что сказать девушке, которая ничего не знает о тебе, не знает твоих мыслей, чувств? Даша поежилась от холода. Юли запахнул пальто на ней, хотел поцеловать – передумал.

– Уже поздно и холодно. Иди спать. Только желательно с ответом не задерживаться, – голос отдавал хрипотцой.

После некоторых раздумий добавил:

– И ещё. Ответа «нет» я не приму.

И быстро вышел из дома. Даша не успела ответить на последнюю реплику.

Когда она вошла в дом, все сидели в таком же положении, что и до её ухода. Похоже, они не собирались вставать из-за стола.

– Ну–с, Дарья Дмитриевна, мы ждём ваших объяснений, – негромко сказал отец.

– Папа, объяснений насчёт чего? – недоумевала дочь.

- Ты и вправду такая дура или прикидываешься? – Дмитрий Николаевич не шутил.
- Деточка, чего этот ирод с тобой сделал? – запричитала баба Таня.
- Стоп. Я ничего не понимаю так же, как и вы. Давайте оставим это. Может, это его

шутка, розыгрыш, пари, наконец.

Даша сняла пальто и нащупала в кармане футляр, достала, открыла его, положила кольцо на стол.

– Пари, говоришь? – Дмитрий Николаевич взял кольцо и долго его рассматривал. – Для пари, моя хорошая, бриллианты не дарят.

– Митя, а может, он и правда влюбился с первого взгляда, – перебила Ирина Владиславовна.

– Это когда же он успел, если видит её сегодня в третий раз в жизни?

– А мама говорит – с первого, – хмыкнул кто-то из братьев.

– Я умею считать. А вы брысь отсюда. Алёна, спать! Миша, закрой дверь! Садись, Дарья! А теперь, сударыня, послушайте меня хорошенько. Человек, который несколько минут назад сидел за одним столом с нами, далеко не так прост, как кажется. Кроме всего прочего, у него влиятельные родственники в ЭСВ, если я вообще что-то смыслю в этой маразматической жизни. И шутить с ним не получится. Поэтому я спрашиваю, Дарья, что у тебя с ним за отношения?

– Да никаких отношений у меня с ним нет, – взвилась девушка. – Мы познакомились несколько месяцев назад, когда ты лежал в больнице. В дождь он довёз меня до дома. Потом ещё раз. И всё. Мы ехали в машине вместе минут десять. Немного поговорили. Он ещё обозвал меня малолеткой. Я обиделась. А потом увидела его около бабы Верино дома. А потом просила отвезти тебя в больницу. Всё. Я с ним и не разговаривала почти.

– Тогда ясно, – заключил Дмитрий Николаевич.

– Что тебе, папа, ясно? – спросила Даша.

– Ну, это так, стариковские рассуждения. Тебе они не интересны. Можешь спокойно идти делать свои уроки.

Прошло несколько дней. Юли они показались вечностью. Даша же не знала, что ей делать. Совсем не думать о нём не получалось, но и думать было страшно. О таких, как он, кино снимают. Представить себя рядом с ним она не могла. Скорее всего, это просто розыгрыш. Да, конечно, только вот... Если бы не это «только», сбившее Дашу с хорошо нахоженной дорожки, она бы сразу ответила отказом. Папа прав: бриллианты ради пари не дарят. Да и вид у него был серьезен. Почему не поцеловал? Ей так хотелось, даже в животе что-то перевернулось.

Даша никогда не считала себя сентиментальной дурочкой, мечтающей о принце. Она даже книг про любовь не читала, считала их глупостью. Настоящей любви почти не бывает. Она, например, за свою, пусть и не очень продолжительную жизнь, видела ее только между мамой и папой. Так то мама и папа! Другой пример, сколько она не пыталась припомнить, на ум не приходил. Даша ворочалась ночами, сон уходил, испарялся, как только она касалась подушки. Пробовала читать допоздна, раньше это помогало – теперь не срабатывало. Сбой системы, как выразался Дмитрий Николаевич, говоря о своем самочувствии во время кризиса. Ни мама, ни папа, ни бабушка не говорили ни слова – она должна принять решение сама – это ее жизнь. Жизнь, которая кажется иногда такой долгой, жизнь, которая подобна мигу...

– Здравствуйте, – Даша стояла в дверях комнаты, где жил Юли.

– Здравствуй, – ответил он, поднимаясь из-за стола.

Даша медленно, стараясь не оступиться, подошла к столу, также медленно положила на стол коробочку с кольцом.

– Вот, – не совсем уверенно прошептала она.

Юли внимательно следил за её движениями. Когда увидел коробку из-под кольца, захотел придушить девчонку, но сдержался, даже руки в карманы всунул.

– Это твой ответ? – как можно спокойнее спросил он.

– Да. То есть, нет, – запуталась Даша. – Я хотела сказать, чтобы...

Даша открыла футляр, достала оттуда кольцо, протянула его Юли. Он, наконец, понял, чего хотела девушка: чтобы надел кольцо. Оно оказалось впору. Юли обнял невесту, но та как-то сразу замкнулась, опустила голову, напряглась. Книг не любила, в любовь не верила, а позволила втянуть себя в самую что ни на есть тривиальную сцену. Еще добавить пару слезинок, еле слышный, но прочувственный вздох и обморок. Ну, не пошлятина ли?

– И как прикажешь тебя целовать? – Юли смотрел на её голову сверху вниз.

Даша, словно очнувшись, соображала, что делать. Придумала.

– Пожалуйста, – она отстранилась от мужчины, подставляя для поцелуя щеку.

Юли оторопел от такой выходки: издевается или не понимает. Он, прищурившись, посмотрел на девушку, ещё больше отстранил от себя, затем спокойно, даже равнодушно, сказал:

– Нет, спасибо. Можете оставить свою щеку себе.

Даша вспыхнула в негодовании, но промолчала. Юли отошёл от неё, взял сигарету, закурил:

– Можешь идти.

– Что? – пришла Дашина очередь удивляться.

– Кстати, Дарья Дмитриевна, буду весьма признателен, если к лету вы научитесь обходиться без памперсов.

Дура, дурочка, дурища, дурында, как говорит Оля, подруга, а также дурнушка, дурнота, дурной тон, дурь несусветная (это уже из лексикона матери). Что же еще? Дура в квадрате, дура в кубе, просто дура – теорема доказана. Даша придумывала слова, характеризующие ее поведение и состояние в последние несколько дней. Нет, невообразимо... А ее считают самой разумной в семье. Разутый человек, раздетый человек, разумный – из того же ряда, то есть без обуви, без одежды, без ума. Так оно и есть. Ни один человек, находящийся в здравом уме и памяти, не сделал бы того, что сделала она: согласиться на его предложение. И главное – чего она ожидала: что он кинется к ее ногам с пылкими объяснениями в любви, что подхватит на руки и станет кружить в вихре вальса, потеряет дар речи и хлопнется в обморок? Ага, как же, разбежалась... «Можете оставить свою щеку себе» и сигарета в зубах. Так он еще и курит, к тому же. Почему она раньше не обращала на это внимание. Как же после сигарет целоваться? А если ему вздумается в кровати дымить? В фильмах обычно так и происходит. Фу, отвратительно! Она не переносит запах табака.

Если бы кто-нибудь из семьи, такой большой иногда, когда, например, садятся за стол или укладываются вечером спать (ей вот приходилось спать с Аленкой), подсказал, намекнул, глазом моргнул. Нет. Словно в рот воды набрали. Причем все одновременно, даже Аленка, хотя она и так не разговаривает. Ладно, ребенок не в счет. Братья – мальчишки. Понятно, у них одно на уме – оказаться поближе к полигону, а тут такая возможность замелькала на горизонте. Папа... увлекся беседами, впервые за столько лет... Бабушка... видно, в стоворе с бабой Верой, что-то уж усиленно шепчутся одуванчики последние дни. При ее появлении обе старушки изображают самый невинный, на их взгляд, вид, точь-точь как их кот Василий, когда он лишает семью котлет или сметаны. Но мама, мамочка... А что мама? Она тоже живой человек, женщина, состарившаяся раньше времени, бросившая карьеру, пытается жить по совести. Однако совестью сыт не будешь, и за любовь медаль не дадут. Вон нас сколько. А впереди ничего. Хоть дочь будет пристроена...

Вечером того же дня Юли пришёл в гости к соседям. Его проводили в зал, где, в том числе, находилась и Даша, злая на себя за слабование – не хватило сил отказать. Он разговаривал с Дмитрием Николаевичем, потом подсел к Алёнке, которая пыталась рисовать. Даша старалась показать, что в упор не замечает Юли. Его это веселило. Он взял у Алёнки простой карандаш, альбомный лист, подложил под него какую-то книгу и, делая вид, что ему до лампочки и Даша с уроками (которые почему-то сегодня никак не запоминались), и Алёнка (она старалась не смотреть в его сторону – на самом деле косила глаза на рисунок), начал делать набросок быстрыми и ловкими движениями. Когда закончил, молча протянул лист Алёнке: на нём была изображена сидящая за столом Даша. Девочка подошла к сестре и протянула рисунок. Даша посмотрела на Юли, но ничего не сказала. Он лишь пожал плечами.

Время шло неумолимо быстро. Юли летал за границу (по делам), строил полигон. По отношению к местным был строг, требователен, даже резок. Его побаивались, если не сказать боялись. Ни с кем из местных, как того не хотели последние, в более-менее неофициальные отношения не вступал: на заседаниях не шутил, на предложения отобедать (отужинать) отвечал резким отказом, как и на другие приглашения. В армии тоже заметили перемены, случившиеся с командующим: балагур, гуляка, распутник, просто свой парень стал каким-то не таким. Нет, не чужим, но не таким. Глеб смекнул, что речь идёт о женщине, но, хоть убей, не понимал, о какой. Юли точно не бывал последние полгода в женском обществе.

К Даше Юли приходил редко. А когда приходил, то больше беседовал с Дмитрием Николаевичем о... О чём могут беседовать двое умных мужчин? Да обо всём. Иногда Юли приносил бутылочку лёгкого вина. Ирина Владиславовна качала головой, но не ругалась за это. Она не понимала, что у них с Дашей может быть общего и что вообще у них будет. И будет ли? С Дашей Юли почти не разговаривал, если не считать дежурных фраз. Ирина как-то спросила у мужа:

– Мить, что за человек этот военный?

– А что тебе непонятно? – Дмитрий Николаевич отложил в сторону журнал. Он уже лежал в постели.

– Странный он какой-то, – Ирина расчёсывала волосы перед зеркалом.

– Он не странный, – Дмитрий Николаевич разглядывал женское тело сквозь прозрачную ночную рубашку, – любит Дашу. Очень любит. А она, похоже, нет, и не понимает его любви. Он боится её непонимания, потому что знает, что такое любовь, потому что уже любил.

– Любил? – Ирина подошла к кровати.

– Он вдовец, Ира.

– А дети?

– Нет. Он один. Слушай, пусть они сами разбираются. Иди лучше сюда. Ты так аппетитно выглядишь.

– Митя...

Вечером Юли и Дмитрий Николаевич что-то бурно обсуждали, глядя не то в альбом, не то в журнал. Они сидели одни в передней комнате и время от времени начинали спорить. Даше это порядком надоело. Мало того, что командующий не проявляет к ней никакого интереса, обычного уважения, а проводит всё своё время с отцом, он мешает писать сочинение.

– Пап, – Даша вышла из зала, – обязательно так шуметь?

– А что, мы мешаем? – Дмитрий Николаевич посмотрел на негодующую дочь.

– Мешаете? Да нет, самую малость, – съязвила Даша. – От вашего шума скоро перепонки лопнут...

– Ну, уж прям так и лопнут? – засмеялся Юли, в упор разглядывая девушку. – Лучше помоги нам. Тебе что больше нравится, – тут Юли задумался, посмотрел на Дмитрия Николаевича, подмигнул, – большое, просторное, с раздольем или маленькое?..

– Что большое и что маленькое? – не поняла Даша, но почему-то начала краснеть.

– Ну, что-что? – Юли развёл руками, странно посмотрев на Дашу. – Каждый думает в силу своей испорченности. Я вот, например, не краснею.

Дмитрий Николаевич сначала тихо, а потом громче засмеялся. Юли улыбался и смотрел в чертежи.

– Так, хватит: большое – маленькое, – прекратила смех вошедшая в комнату Ирина Владиславовна. – Давайте ужинать. Убирайте всё со стола.

– Ирина Владиславовна, – перебил её Юли. – Вопрос жизни и смерти. Мы даже пари заключили: большое или маленькое.

– Что именно?

– А... – Дмитрий Николаевич сделал какой-то неопределённый жест. – Так, вообще. Если говорить об отвлечённой материи.

– Если говорить об отвлечённых материях, Митя, то у тебя большие проблемы с маленькими мозгами, – строго ответила Ирина Владиславовна.

А спорили они не об отвлечённых материях, а о вполне земном. Юли хотел построить дом. Здесь, в селе. Дмитрий Николаевич рассказал ему о Даше, всё рассказал: детстве, друзьях, увлечениях, мечтах.

Дмитрий Николаевич Телешов, инженер по образованию, с 19... жил в городе Н-ке. В 19... у него родилась дочь, которую называли Дашей. Он работал на атомной станции вместе с женой Ириной Владиславовной, в девичестве Толстой. В их жизни, казалось, ничто не предвещало бед и невзгод. Они любили друг друга, очень хотели иметь детей. Это долго не получалось. Обожали дочку, долгожданную, единственную. В доме был достаток. Ирина поступила в аспирантуру, хотела заняться научной работой. Но наступил 19.. год.

Дмитрий Николаевич сам вызвался ехать в Чернобыль сразу, как узнал об аварии. Он не верил ни единому слову, что всё под контролем. Он был главным инженером такой же станции и понимал, какую мощь хранит в себе реактор. Вот он апокалипсис! Спустя годы напишут первую правду и о жертвах, и об угрозе, и о ... Но это будет спустя годы. А пока он делал то, что умел лучше всего: работал. Не спал ночами, не проходил до конца дезинфекцию. Спешил. Там люди. А облако, словно чума, накрывало целые города, страны.

Вернулся из командировки домой и за считанные недели поседел. И всё. Преведняя жизнь закончилась. Начались бесконечные хождения по больницам, одно обследование сменялось другим. Менялись лица в белых халатах, менялась должность на работе, менялось отношение друзей, бывших и ещё оставшихся, инвалидность, машина, квартира, место жительства. Просил Ирину с дочкой оставить его – не получилось. Пришлось вернуться на свою родину, в дом, из которого когда-то уходил служить в ракетные войска, к матери.

Мать долго плакала, ходила в церковь, молилась за здоровье сына, ставила свечи всем святым угодникам. Болезнь отпустила. Ирина устроилась няней в детский садик, Даша пошла в школу. Митя с интересом следил за переменами в стране, но уже не реагировал на них так, как несколько лет назад, лишь качал головой. Его, в принципе, всё бы устроило, но переживал из-за несостоявшейся карьеры Ирины. Она же смеялась: «Ты посмотри, что с людьми происходит. Меня бы всё равно акулы съели. А продавать мозги – лучше уж коров пасти». И шла пасти коров (пастуха в то лето не было в селе – стерегли скотину по очереди, дворами). А корова, ох, как нужна была для Мити. Мать по ночам закрывала подушкой лицо и тихо плакала. Ирина нет.

Плакала мать, когда хоронила сына Сергея, погибшего на подводной лодке в августе 20... Сноха Надя, разрешившись от бремени, умерла, оставив двух сыновей, дочку Алёну 3 лет и

новорождённую. Ребёнок был недоношенным, не прожил и двух суток. Детей забрали Митя с Ириной. С мальчишками было проще. Митя нашёл нужные слова. А Алёна замолчала. Забивалась по ночам в угол комнаты и тихо скулила, как выброшенный и ненужный зверёк. Решили показать врачам – приговор неутешительный. Кропя внучку святой водой, горько плакала мать за своих сыновей, их неудавшуюся жизнь. Неудавшуюся, короткую?! А может, и нет. Митя ни разу за эти годы не жалел о том, что забрал детей брата. Он не мог поступить иначе.

Даша. Она была очень ранимой и в то же время сильной девочкой. Никогда не плакала. Как-то Ирина сказала ей: «Стоит заплакать однажды – будешь плакать постоянно. Жизнь – такая подлость, что либо она тебя, либо ты её. Вот так. Никогда не смей показывать свои слабости. Люди не прощают их, а запоминают и в следующий раз стараются использовать их в своих целях». Даша запомнила эти слова на всю жизнь.

Счастливое детство закончилось быстро и вдруг. Поселившись у бабушки, Даша поняла, что она не такая, как остальные дети, хотя бы потому, что у них дома не было запаха, въевшегося, не выветривающегося, от лекарств.

В первом классе с ней приключилась история, ещё больше отделившая её от мира детства. Соседка наотрез отказалась садиться с Дашей рядом в столовой: «Вдруг я тоже заражусь». На вопрос, чем же Света может заразиться, девочка ответила: чахоткой, ведь у Даши отец чахоточный. После этого случая Ирина и сказала дочери о подлости жизни.

Взрослея, Даша поняла, что она-то как раз не больна цинизмом, прагматизмом и многими другими заразными заболеваниями своего времени. Пока сверстники развлекались, «жили», она была далеко-далеко, мысленно переносясь в те места, где никогда не бывала и вряд ли когда-нибудь побывает. Просыпаясь утром, она радостно отдёргивала занавеску на окне: будет новый день, а, значит, много интересного. Что может быть лучше, когда рядом любимые люди, они живы, хотя и не совсем здоровы.

Когда Даша училась в 8 классе, в школе появилась Оля. После того, как отца убили на границе в Таджикистане, Шелестовы решили вернуться в Россию. Девочки стали дружить. У Даши появился человечек, с которым можно поделиться самым сокровенным. Единственным недостатком Оли было то, что она не умела хранить тайны. Она делала это не специально, просто так получалось. Именно по этой причине Даша ни звука не сказала Оле о командующем.

Даша училась в 11 классе. Шла на золото. За годы учёбы у неё собралась стопка грамот за отличные успехи в учёбе, а также призовые места в олимпиадах по гуманитарным наукам. Девушка хорошо знала английский, самостоятельно занималась французским, увлекалась историей. Но больше всего любила литературу. Единственное, что не давалось в учёбе, по её меркам, – математика. Дмитрий Николаевич как-то даже пошутил, мол, на детях природа отдыхает, имея в виду, что у них с женой образование математическое.

Даша мечтала... О чём может мечтать молодая, красивая девушка, полная сил и энергии?! Конечно же, обо всём. Что мир упадёт к её ногам. Нет, это не Дашина мечта. Ведь Дарья Дмитриевна Телешова – личность неординарная. Она хотела тихой спокойной жизни в своём селе, недалеко от мамы, папы, бабушки, чтобы всегда успеть им помочь. Она хотела стать обычной учительницей, преподавать литературу в родной школе. Быть может, кто-нибудь из её учеников, действительно, станет великим человеком. Она хотела иметь большую дружную семью, как у её родителей. Хотела по утрам выходить на берег реки, мокрый от росы, и здороваться с солнышком, чьи лучики так замечательно щекочат лицо, что приходится щуриться. А затем возвращаться назад по тропинке сада, срывая ягоды смородины и вишни; накрывать в маленьком уютном домике, обязательно пахнущем лесом, стол; рассаживать неугомонных и шаловливых мальчуганов и девчушек; загораться под нетерпеливыми взглядами мужа. Со своими задумками на будущее, пусть и не всеми, конечно, Даша делилась с отцом, потому что мать стала бы ругать: нечего сидеть около её юбки из-за милосердия, надо добиться в жизни всех возможных высот (и за них с Митей тоже).

Так что Митя оказался ценным ориентиром для Юли, который решил построить дом на берегу реки (благо, место, действительно, красивое) до лета, т. е. до свадьбы. Вопрос в том, что ни о доме, ни о свадьбе он ещё не говорил Даше. Те несколько фраз, брошенных им девушке, желаемого результата не приносили. Он видел: она его не любит. Мало того: она не собирается его любить. А он не мог ничего поделать с собой, будто дьявол вселился в него. Может, это наказание за сердца, разбитые им в жизни? Может быть.

Даша тоже не видела особой любви в свой адрес. Убедилась в этом она в тот момент, когда дала своё согласие на брак: он даже не поцеловал. Даша решила, что Юли просто играет, что она – всего лишь очередное его приключение. Да, он нравился ей! Ещё бы! Но Даша постоянно твердила слова матери: жизнь – подлость. Решил поиграть – ладно, посмотрим, кто выиграет! Во всяком случае, можно попытаться выиграть. С таким настроением Даша совсем не понимала отца, который (мальчишек брать в расчёт нельзя) чрезвычайно симпатизировал новому знакомому.

Незадолго до 23 февраля Юли снова уехал. Причём, надолго. Решил ещё раз проверить, насколько его хватит, если не будет рядом с ней. На два с половиной месяца.

За время его отсутствия много чего произошло. Во-первых, в селе только и разговоров о том, что командующий армии строит дом. Стройка была обнесена железными заграждениями, так что много не увидишь. Дом, судя по крыше, небольшой, в конце улицы, на которой как раз жила Даша. Раз строит дом – глядишь, захочет корни пустить. Некоторые дамы решили попробовать себя в качестве претенденток на руку и сердце командующего. Закавыка – его отсутствие.

Во-вторых, Даша стала нервничать. Что за ерундистика, как выражался Мишка. Лезут разные мысли: где он, почему так долго нет, почему не напишет, в конце концов. Разумом Даша понимала, что он посмеялся над ней. Хорошо ещё, что никому не сказала о «помолвке», например, Оле. Вот сраму было бы. Родители молчали, не бередили душу. И на том спасибо. Лишь бабушка причитала: «Ох, ирод проклятый. Улетел, как провалился окаянный. Нехристь этакий. Кралечку мою бросил. Дом, вишь, строит. Кого в него приведёт...» И всё в таком духе.

Седьмого мая знакомая машина стояла у дома бабы Веры. У Даши сердце зашло, когда утром она вышла на крыльцо, но виду не показала. А Юли тем временем спал. Он ещё не был в новом доме, не знал, всё ли понравится Даше, не думал, как сказать, что свадьба будет в конце июня (мать сможет прилететь в это время). Проснулся поздно, в половине девятого, вспомнил, что надо на полигон.

Вечером зайти к соседям не удалось. К Дмитрию Николаевичу пришёл «старинный друг», очень навязчивый тип. Они сидели на лавочке, и Платон пытался доказать Дмитрию Николаевичу, какой он, Платон, выдающийся человек. Без поддержки с тыла Юли не справиться с женской половиной. А о том, что все женщины настроены против него, можно догадаться по взгляду, брошенному бабой Таней на Юли, когда тот вылезал из машины.

На следующий день пришлось ехать по делам сначала в район, потом в область. На следующий был праздник. Юли должен выступать. Он не знал, что говорить, какой мундир надеть, чтобы Даша правильно его поняла. Надел будничные, без награды.

У памятника собралась добрая половина жителей села. Ветеранов было мало. Их привёз на машине глава сельской администрации.

Было солнечно, тепло, тихо. Накануне прошёл дождь и прибил пыль, так что не было противного серого налёта. Он промыл окна домов, всполоснул кудряшки деревьев, на славу пощекотал траву. Пушистые облака, не торопясь, проплывали по синему-синему небу. Черемуха в этом году распустилась на удивление рано, она не жалела ни пышности, ни запаха для людей,

соскучившихся за зиму по ярким и сочным краскам. Солнце, поддавшись общему настроению, расщедрилось на тепло, даже добавило чуточку летнего жара.

На улице играла музыка. Прибыли военные – в парадной форме смотрелись по-праздничному.

– Глянь, вон командующий. Что-то у него на мундире ни одного ордена. Нету, что ли?..

– Да, ну. Как же так-то. Что ж такой молодой – командующий – и ни одного ордена. Быть того не может.

– Ну, сама посмотри, коль мне не веришь.

– Да вижу, не слепая. Не толкай ты, Дунятка.

– Говорят, дом-то заканчивают.

– Быстро как.

– Так ведь не рядовому строят.

– И то, правда.

– Не то, кто есть у него?

– Наши, наши-то, глянь, Катька. Глянь, Маринка-то распушилась. Не иначе, как на командующего глаз положила.

– По всем видам, на него.

– А чё? Девка красивая. Вся из себя. Одни ногти чего стоят. Говорят, в Москве пользовалась большим спросом.

– Ага. Пользовалась. А чего ж сюда прилетела?

– Ну, про то кто может правду сказать?

– Никто.

– А вон и Елена прекрасная. Тоже вся из себя.

– А чего? Ленка – хорошая девка.

– Ой, да все они хорошие, только вряд ли он поглянет.

– А, может, и поглянет, откуда ты знаешь?

– Зин, ты либо совсем глупая. Ты на него посмотри и на девок наших. Ему, чай, в кино сниматься. Да при таком посту. Он, небось, таких Маринок, и Ленок, и Танек – только свистнет – прибегут с десятков.

– Ой, да ну это понятно. Да я так...

– Вот тебе и так.

– Бабы, пойдёте вон туда, там Левонтий чего-то гуторит.

Местные бабушки, которые скучали, потому что не было интересных сплетен, без злобы перемывали косточки всех прибывших, в том числе и командующего армии. Жаль, конечно, о нём особенно не посплетничаешь. Говорят, строг, даже жестковат: районному начальству достаётся. В связях ни с кем не замечен, а дом строит. Одним словом, непонятный какой-то. Да бог с ним...

У памятника построились шеренги. По левую сторону – школьники с букетами цветов. Некоторые из них подготовили монтаж, другие – небольшой концерт. По правую – районное руководство, местные власти, командующий, его командиры. Дальше солдаты. В середине посадили ветеранов.

Все ждали выступления Бланки. Ветераны с недоверием смотрели на него: молод для генерала-то. Погоны, конечно, запросто так не дают, но всё ж таки.

Юли вышел на середину к подножию памятника. Солдаты застыли.

– Сегодня в нашей стране, да и в странах ближнего зарубежья, праздник. Каждый год в этот день по традиции говорятся красивые слова, поздравляют ветеранов, показывают военные фильмы, слышится музыка... Это всё хорошо, если бы завтра об этом не было забыто.

Любая война – горе. Наверное, в первую очередь для матерей, сидящих за одну ночь. Никому не хочется погибать на поле сражения или получать похоронку. А чтобы не было ада войны, нужно помнить – помнить всегда и везде – какой ценой оплачено право на жизнь.

Я сейчас обращаюсь к ветеранам Великой Отечественной войны. Вряд ли можно уместить всю благодарность в слова и вам, и вашим жёнам, которые помогли в тылу. И никто не спрашивал, есть ли силы. Просто надо было выстоять и победить. Вы это сделали. Спасибо вам за нас, живущих...

Юли говорил негромко, но слушали его, затаив дыхание. Простота слов была реальна и осязаема, потому что она была правдой жизни. Он не стал бахвалиться тем, что выделил каждому ветерану по пять тысяч, а каждой вдове по три тысячи рублей. Об этом скажут другие.

– Спасибо тебе, сынок, – дед Антип украдкой смахнёт слезу с глаз. – На поминки себе положу.

Возложили венки. Затем состоялся концерт. Выступали школьники. Даша читала «Жди меня» Симонова. Во время чтения с Юли попытался заговорить глава района, но командующий отмахнулся – не мешай.

– Хорошая девочка, – хлопая, возвратился к начатой теме начальник района.

– Умница, – подтвердил глава сельсовета. – Отец – ликвидатор Чернобыля... Товарищ командующий, вы знаете...

– Знаю, – перебил его Юли.

Наконец, торжественная часть закончилась. Теперь танцы под духовой оркестр, бесплатная полевая кухня для желающих.

– Юлиус Станиславович, разрешите представить вам мою племянницу, – глава администрации указывал на Елену. – Леночка...

– Здравствуйте, – вяло поздоровался Юли, одним глазом следя за Дашей.

Она стояла с родителями и порывалась уйти. Юли поймал на себе взгляд Дмитрия Николаевича и понял, что его дело – табак.

– Извините, – командующий уже отходил от Елены прекрасной с её дядюшкой и направлялся в сторону Дмитрия Николаевича.

– Господин командующий, – прервала ход его мыслей Марина Сергеевна.

– Извините, не сейчас.

Наконец Юли оказался рядом с Дмитрием Николаевичем, который улыбался, глядя на усилия молодых особ.

– Добрый день, – поздоровался Юли.

– Добрый, добрый, – засмеялся Дмитрий Николаевич.

– Ирина Владиславовна, Даша... – Юли взглянул на девушку.

– Господин командующий, разрешите вас пригласить? – за его спиной стояла Елена.

– Нет, не разрешаю, – обернулся Юли и расплылся в улыбке дьявола.

– Простите?

– Видите ли, мисс, – Юли искал слова, чтобы казалось не совсем уж грубо, но доходчиво. – Меня не устраивает роль дичи...

– Какой дичи? – захлопала глазами Елена.

Юли многозначительно поднял бровь:

– Я сам выбираю, с кем мне танцевать и общаться. Ясно? – медленно отчеканил Юли.

– Извините, – холодно ответила уязвлённая девушка.

Юли повернулся к Дмитрию Николаевичу – тот стоял в гордом одиночестве.

– Куда Дашка делась?

– Вон с подружкой стоит. Позвать?

– Очень остроумно, – Юли было не до смеху.

Даша и вправду отошла от отца. Она слушала вздохи Оли, которой никак не везло: столько военных, а на нее никто не обращал внимания. Вроде бы не уродина.

– Даша, – Дмитрий Николаевич поманил дочь пальцем.

– Я что, буду за тобой по всему селу бегать? – тихо и строго спросил Юли.

Дмитрий Николаевич засмеялся при этих словах:

– А что, не плохо бы устроить бег с препятствиями. Боюсь только, что победителем будешь не ты.

Даша молчала. Подошла Ирина Владиславовна, протянула мороженое.

– Спасибо, – Даша взяла его, начала разворачивать.

– Пойдём, потанцуем, – не выдержал командующий.

– А мороженое? – спросила Даша.

– Отец съест, – Юли уже тянул за руку.

Даша чувствовала себя совсем неловко: все обратили на них внимание. От людского взора не ускользнуло и то, как обошёлся командующий с Еленой.

– Здравствуй.

Даша промолчала.

– Так и будем молчать?

– Между прочим, мне завтра в школу, – ответила она.

– И что? – не понял Юли.

– А там математика.

– Слушай, а можно нормально объяснить?

– А математичка Елена Александровна.

Юли засмеялся:

– Прости, я не подумал о таком раскладе вещей.

– А надо думать, – строго сказала Даша. – Голова на то и даётся.

– Даш, не будь врединой. – Юли ещё улыбался. – Я вообще-то поговорить хотел.

– Самое место для разговоров.

– Ну, хорошо, поедem домой, – предложил Юли.

– Ещё лучше, чтобы завтра обо мне говорили чёрт знает что.

– Слушай, а если сейчас скажут, что ты как-то не так дышишь – что, дышать перестанешь?

Музыка закончилась, и они остановились.

– Нет, – ответила Даша и пошла к родителям. – Пап, ты, правда, моё мороженое съел?

– Между прочим, очень вкусное, – ответил Дмитрий Николаевич. – О-о, кто-то идёт.

К командующему подошёл глава:

– Юлиус Станиславович, просим вас...

– Извините. Семён, – крикнул он.

– Слушаю, – подошёл Семён.

– Реши все проблемы. Мне пора. Дмитрий Николаевич, так как насчёт несущих конструкций? – обратился он к Телешову.

– О-о... Несущие конструкции – камень преткновения всех строек века, – с серьёзным видом ответил Дмитрий Николаевич.

– Поедемте, я покажу вам чертежи.

– Ну, поедемте. Ирина, Даша, вы останетесь?

– Да нет, – ответила Ирина Владиславовна.

– Мам, – перебила её Даша, – нам нужно в магазин. Всего доброго.

Когда дочь с матерью возвращались домой, Ирина Владиславовна сказала:

– Дашка, не играй с огнём. Он тебе голову открутит.

– Мам, ради бога. Меня же Елена сгноит. Знаешь, какая она злобная?

– Знаю.

Но домой пошли быстрее.

Дома уже сидели Юли с Дмитрием Николаевичем. Баба Таня собирала на стол и ворчала себе под нос, впрочем, ворчание было ее нормальным состоянием. Дмитрий Николаевич озорно подмигнул Юли: мол, держись. Поели почти молча. Дмитрий Николаевич перекинулся со всеми парой фраз, но никто разговора не поддержал. Когда со стола убрали посуду, Юли сказал:

– Даша, пойдём погуляем.

– Не хочу, – насупилась девушка и собралась идти в зал.

– Интересное кино. Ладно. Садись, – приказал Юли.

Он подождал, пока Ирина Владиславовна доделает всё на кухне и пройдёт в зал.

– У тебя трудный характер. Не замечала?

– Нет.

– Ладно. Это так. Ремарка. Дом смотрела?

– Какой?

– Деда Мороза! – не выдержал Юли.

– Нет.

– А дойти было трудно?

– А почему... – осеклась Даша, встретившись с ледяным взглядом командующего.

– Нравится издеваться, да? Хорошо. Осталось недолго. Потом моя очередь, – грозно проговорил Юли.

– У меня нет привычки издеваться, – вспылила Даша.

– Слушайте, ребята, – Дмитрий Николаевич вышел из зала, – у вас так до рукоприкладства дойдёт. Давайте я буду судьёй, хотя бы иногда передышку объявлю.

Он сел за стол и продолжил:

– Даша, почему бы тебе, действительно, не посмотреть дом?

– Вообще-то, мне никто не предлагал, – покраснела Даша.

– Как же, предложишь тебе... Ладно, об этом после. Главное вот в чем. 25 июня мама приезжает в Россию. Я подал документы на 26, – продолжил Юли.

– Какие документы?

– На бракосочетание.

– Что? – Даша вытаращила глаза. – А-а-а. А я как же? То есть... Я что, право голоса не имею?

– И что путного ты сказала бы? – тоже вспылil Юли. – К этому времени экзамены у тебя закончатся, в институте не начнутся. Какого лешего тебе ещё надо?

– А моё мнение учитывается? – кричала Даша.

– Будет учитываться после свадьбы... может быть, – тихо добавил Юли.

– Нет, вы посмотрите. Он всё решил и за себя, и за меня без моего ведома.

– Да ты сама не знаешь, чего тебе надо!

– Зато знаю, чего мне не надо: напыщенного придурка, считающего себя центром Вселенной!

– Эй, полегче на поворотах...

– А то что?

– Получишь по губам!

– Даже так?

– Вот так!

– Хорошо! – Даша резко встала и вышла в другую комнату.

Дмитрий Николаевич пытался вставить хоть слово, но куда там. Рядом обвал лавины: все сносит на своем пути.

Юли понял, зачем ушла Даша, тоже встал из-за стола, засунул руки в карманы. Желваки играли на скулах. Даша принесла коробочку с кольцом, поставила её на стол.

– Возьмите, господин командующий, – уже ровно сказала она.

– У тебя либо критические дни, либо боязнь нимфетки при виде взрослого мужика, который скоро трахнет тебя...

Звон пощёчины раздался по дому. Даша вложила в удар все силы, таящиеся в её хрупком теле. Юли закусил разбитую губу, но рук не вынул из карманов:

– Если первое, то пройдёт. Со вторым проблемнее.

Даша снова ударила по лицу, осушила руку.

– Убирайся! – прошептала она, белея от гнева и стыда.

Когда за Юли закрылась дверь, Дмитрий Николаевич поднялся из-за стола, подошёл, обнял дочь:

– Дашенька, детка, что с тобой?

– Со мной ничего, – упрямая голова никак не хотела прижиматься к отцовской груди.

– Да-ша, – прошептал на ухо отец. Он гладил её по голове. – Неразумное дитя.

Дмитрий Николаевич посмотрел на Ирину, вышедшую на крик: мучают друг друга – кто больше. Жена покачала головой.

– Ну, всё будет хорошо. Помиритесь. Тихо, тихо. Иди, ляг отдохни. – Дмитрий Николаевич отстранил от себя Дашу, вытер слёзы на её лице. – Кольцо забери.

Даша весь оставшийся день пролежала на кровати, ужинать не пошла. Самым ужасным было то, что он сказал правду: она боялась, страшно боялась такого сильного мужчину. Боялась, что потеряет голову.

Пока он был рядом, каждый день надоедал разговорами с отцом, раздражал своим присутствием и невниманием к ней, она только злилась. Но когда он исчез на несколько недель... Оля вон как мучается, что у всех девчонок есть знакомые военные, только у нее да у Дашки нет. Ночами не спит – так хочет, чтобы и за ней ухаживали. И держится лишь из солидарности с подругой. А подруга-то замуж собирается или нет? Неизвестность хуже плохой реальности. Девчонки в школе рассказывали, как их обнимают, целуют, что говорят, где гуляют. Планы строят на будущее. У кого знакомый (сколько гордости в словах «Мой», «А мой-то») рядовой, а у кого и офицер. На Дашу с Олей смотрели с издевкой: не все же сливки гордячкам. Так порой хотелось крикнуть, что и у них тоже, то есть пока только у нее, но и у Оли будет, обязательно будет, да не просто рядовой или офицер, а... как крикнешь, когда до конца не уверена, ни в чем не уверена...

Явился – не запылится... Не кинулся к ней сразу по приезде, не обнял, не сказал, что скучал или хотя бы вспоминал, уж о словах любви она и не мечтала... Даша прикусила губу, чтобы заглушить всхлип, который так и рвался наружу. Он решил... Он подумал и решил... А как же она? Уж и права не имеет ни на что... Даже на самый маленький, малюсенький, хоть в щечку... Неужели надо, как девчонки: мини, каблуки, бюст, краску. Но это же гадко! Мини она в жизни не носила, да и на каблуках не ходила – еще ногу подвернет с непривычки, бюста не было, так, пупырышки, краситься не умела. Словом, неудачница... Разыграл целую комедию, чтобы получить кольцо обратно – нет бы честно сказал... Даша не выдержала и, накрывшись подушкой, заплакала. Но почему, почему на них с Олей никто, даже ни один солдатик самый что ни на есть распоследний не посмотрел за это время. Пусть они не ходят на танцы: Даше они не нравились, у Оли мать строгая до чрезвычайности, но разве не случается чудес! Конечно, случаются! В сказках, например, про глупых, совершенно безмозглых девушек, что теряют тувельки на балу или что там еще? Даша почувствовала дурноту. Господи, да что это с ней? Она сошла с ума. Да, вне всякого сомнения, она сошла с ума. Это единственное объяснение тому, что с ней происходит сейчас... Она готова поступиться всеми теми немногими, но, как ей казалось, все-таки принципами, ради пары поцелуев в щечку и возможности выйти замуж

за командующего, который старше ее на много (интересно, а на сколько?) лет. Абсурд! Она же всегда гордилась, что может противостоять общему стадному мышлению. Надо найти силы и... а так хочется целоваться...

Юли чувствовал себя не лучше. Нечего сказать – кретин. Вечером того же дня, увидев бабу Таню, обратился к ней.

– Чего тебе, ирод? – ответила соседка трясущимися губами. – Э-э, нашёл, чем задеть девчонку несмышлёную. И не стыдно тебе, поганец.

– Стыдно. Как она?

– Никак, – ответила баба Таня и пошла доить корову.

Юли долго курил, спал плохо. Рано утром съездил в район, привёз букет из семнадцати белых роз, вложил записку, передал через Дмитрия Николаевича и уехал.

Даша проснулась, потому что почувствовала запах роз. Много. Бутоны все закрытые, свежие. Выпала записка. Она ее не заметила. Положила цветы на стол, осторожно, словно боясь оцарапаться о шипы, хотя больнее уколотся нельзя. Не спеша заправила постель. Стала собираться в школу. Удивлённый Дмитрий Николаевич спросил, куда она думает отправиться. На ответ: «В школу» заметил: «С такими глазами?». И Даша осталась дома. Весь день просидела в комнате. Ближе к вечеру Дмитрий Николаевич не выдержал:

– Ей богу, Даша, была бы ты мальчишкой – ох, и взгрел бы я тебя.

– За что, пап?

– За что, за что. Иди к нему.

– Я не знаю, где он.

– Ну, не на работе же.

Даша сообразила, что он может быть только в одном месте – в новом доме. Она причесалась, посмотрела на себя в зеркало, раздумывая, что скажет при встрече. Ничего не придумала, хотела уже остаться дома, так и сделала бы, если не грозный взгляд отца.

Даша подошла к ограждению, думая, где же вход. Наконец, догадалась. За ограждением тянулась ограда. Прошла по дорожке к дому. Около гаража стояла машина. Здесь Даша постояла на пороге, не решаясь войти. Всё-таки пересилила себя – толкнула дверь.

Терраса, прихожая. Юли стоял у окна на кухне и курил. Он услышал шаги (ждал с самого утра), бросил сигарету в окно, закрыл раму, медленно обернулся. Они посмотрели друг на друга.

– Здравствуй, – сказала Даша.

– Здравствуй.

Девушка не знала, что сказать ещё.

– Посмотришь дом?

Даша кивнула головой.

Они не спеша обошли все комнаты. Дом казался большим, во всяком случае, Даше, потому что в нем не было мебели, даже присесть не на что.

– Очень плохо? – спросил Юли, когда осмотрели последнюю комнату.

– Да нет. Очень большой, пустой, неуютный.

Даша оглядела зал.

– Обживём – станет уютным.

Даша согласно кивнула головой. Постояли ещё. Молчание становилось неловким.

– Даша, – Юли подыскивал слова. – Во-первых, спасибо, что пришла.... А во-вторых, прости меня. Я вчера вёл себя, по меньшей мере, глупо. Да, я понимаю, что я первый у тебя. Подожди, пожалуйста, не воспламеняйся, ладно? Но... и ты у меня первая... в этой жизни. И я также не знаю, как себя вести, делаю глупости... Давай попытаемся найти общий язык. Хорошо?

Даша смотрела мимо Юли в окно, на последние слова согласно кивнула головой. Юли подошёл и обнял девушку. Упрямая голова опустилась и неуверенно коснулась мужской груди. Слышался стук его сердца. Мужчина приподнял ее голову и нежно поцеловал. Губы в ответ молчали, были ледяными. Юли перестал целовать, прижал крепче к себе девушку, со вздохом покачал головой.

Несколько дней между ними держался мир. Даша даже согласилась выбрать обои по каталогу в дом.

В двадцатых числах мая Ирина Владиславовна пошла на собрание в школу. Родители решали, по сколько будут складываться на подарки учителям, последний звонок, выпускной бал. Решали долго, обсуждали бурно.

– Ирин, ты чего молчишь? – спросила Яна Вострикова.

Ирина Владиславовна вздохнула:

– Даши не будет на выпускном. И без камеры обойдётся.

– Да ты что, Ирин, – Люда даже подскочила. – Раз в жизни школу заканчивают. Вы же корову зарезали.

– Да, – ответила Ирина. – Но у Даши намечается более ответственное мероприятие.

– Так ведь все поступают, не только одна Даша.

– Не в поступлении дело, – ответила Ирина Владиславовна.

– Или замуж выходит? – пошутила Ольга Борисовна.

– Да.

– За кого, Ирин? – Люда вытаращила глаза.

– Ой, дайте угадаю, – Татьяна поджала губы. – Ну, разумеется, за командующего армии. Все засмеялись.

– Ладно тебе злыдничать, – одёрнула её Люда. – Ир, чего молчишь?

– Так уже ответили – за командующего армии, – Ирина Владиславовна спокойно смотрела на сидящих.

– Если так, то наоборот. Он всё и оплатит, – сообразила Люда.

– Он – это он. А Даше хоть самое необходимое приобрести.

Новость, сказанная Ириной Владиславовной, огорошила односельчан. Многие попросту не поверили.

– Хватит брехать-то. Прямо только и ждал командующий армии, когда же это он познакомится с Дашей, от горшка два вершка.

– А что? Может, и ждал. Она девчонка умная, по углам не обжимается, дома сидит – книжки читает. Опять-таки, родители интеллигентные.

– Какие же они интеллигенты-то?

– Ну, как какие? Татьяна говорила, что Ирина в аспирантуре училась, а бросила из-за Мити. И приехали они сюда, потому что Митя болен, а не просто так.

– А, может, и впрямь влюбился.

– Будя вам, бабы. Вы их рядом поставьте: то он, а то она. Может, понравилась – он ей и навешал лапшу на уши про женитьбу, а они поверили.

– Поживём – увидим.

– А вон, глянь, Колька идёт в магазин. Сейчас у него спросим. Коль, поди сюда, детка.

– Коль, говорят, у вас скоро свадьба, – спросила тётя Сима.

– Лично я не женюсь, а за других отвечать не уполномочен, – ответил сообразительный паренёк и пошёл своей дорогой.

Ирина Владиславовна шепталась с матерью, что лучше купить Даше к свадьбе. Сколько не прикидывали, не укладывались в ту сумму, что выручили за корову.

– Даша, – обратилась к ней мама, – не помнишь, какая ширина окон?

– И не помню, и не знаю. А что? – Даша отложила учебник.

– Завтра воскресенье. Поедем с тобой на рынок приданое покупать, – ответила Ирина Владиславовна.

– Приданое? А окна при чём?

– Занавески купить надо. На лишние метры денег нет, и мало – плохо, спросила бы у Юлиуса.

– Спрошу, – буркнула Даша и опять устала в книгу.

– Привет.

– Привет! – Юли умывался под рукомойником. Взял полотенце из рук Даши, вытерся, накинул полотенце ей на шею, привлёк девушку к себе.

– Пусти... Дело есть, – отпихнулась она.

– Ах, дело. – Юли отошёл, сел за стол. – Ну, что за дело?

– Какая ширина окон в доме? – Даша тоже присела на стул напротив командующего, подпёрла рукой голову.

Юли опешил:

– Чего ширина?

– Окон.

– На кой ляд тебе потребовалась ширина окон?

– Чтобы шторы купить.

– ???

– Мы с мамой завтра едем покупать ... приданое.

– Это твоя причуда или Ирины Владиславовны? – как можно спокойнее поинтересовался Юли.

– В чём ты увидел чудачество?

– Даша... Я не хочу показаться грубым, но ... не пошли бы вы с этим ... приданным ко всем чертям, а, может, и ещё дальше.

Пока Даша не услышала эти слова, она не была уверена в том, что Ирина Владиславовна поступает правильно, теперь же убедилась в правоте матери.

– Я не хочу, чтобы меня покупали...

– Эй-эй. Давай остановимся. Мне показалось, что мы решили по поводу купли-продажи всего остального. Даша, ну что за абсурд? А деньги откуда?

– Корову продали...

– Замечательно... Не уступишь? Нет, да? Может, и платье будешь сама покупать?

– Разумеется.

– Так, всё. Моему терпению тоже есть предел. Чёрт с тобой – покупай приданое. Но только попробуй приблизиться к платью – голову откручу. И не смотри на меня так – не метай молнии. Да меня моя мать пристрелит за твой ширпотреб. Платье за мной.

– Ты хочешь сказать, что сам будешь его выбирать?

– Нет, ты... под моим чутким руководством... – Юли улыбнулся. – Иди лучше ко мне.

– Почему ты решил, что так будет лучше? – спросила Даша, посмотрев на улыбающегося командующего.

Юли засмеялся:

– Хорошо, не лучше – пожалуйста. Устраивает?

Даша неохотно подошла. Мужчина посадил её к себе на колени, обнял:

– Дарья Дмитриевна, позвольте вас спросить.

– О чём? – Даша чувствовала себя неудобно. Ей казалось, что он думает о плохом. (И как девчонки терпят).

– На чём вы поедете за приданым? – Юли решил снять накал страстей.

– На автобусе. Вроде бы умным кажется человеком... иногда, – добавила Даша и выпрямилась под его рукой.

– Вот как. – Юли снял заколку с волос. Они рассыпались по плечам.

– Пусти сейчас же.

– А что противозаконного я делаю? Мы всего лишь мило беседуем о вашей предстоящей поездке.

– Мне пора, – Даша хотела подняться с колен мужчины – не пустил. – Юли, мне завтра рано вставать.

– Не рано, – ответил он, – я отвезу на машине. Куда вы с вещами в автобус – не спешите.

Юли, наконец, повернул Дашу к себе и крепко поцеловал в губы. Целуя, чувствовал, как она трепещет.

– Пусти, пожалуйста, – прошептала она.

– Да куда же я денусь – отпущу, конечно. – Юли освободил девушку из плена.

Наутро Даша с мамой и Колькой ехали с Юли в райцентр. Кольку взяли для того, чтобы носить вещи. Командующий остановился на обочине, въехал на бордюр – на стоянке мест не было. Он не пошёл с Дашей.

– Мы не очень скоро, – сказала она.

– Боишься, умру от тоски? – съязвил Юли.

Когда Даша с матерью отошли на порядочное расстояние, купил несколько газет с кроссвордами, удобнее устроился в машине, начал отгадывать.

– Глянь-ка, либо командующий?

– Да вижу, не слепая. С Дашей и Иринкой. Может, правду говорят, что они женятся.

Если бы Даша знала наперёд, сколько знакомых встретит на рынке, она сразу отказалась бы от этой вылазки – теперь поздно отступать.

Когда выбирали занавески, рядом оказалась жена главы администрации. Не сказав ни слова, она молча наблюдала за Дашей (при этом рассматривала так, словно готова раздеть и забить палками или скормить волкам). У прилавка с постельным бельём оказалась Надежда Владимировна, классный руководитель Мишки и Кольки.

– Здравствуйте, Ирина Владиславовна, Даша, Коля. За покупками?

– Да. – Ирина Владиславовна внимательно выбирала, что бы купить.

Продавщица расхваливала свой товар.

– Хорошо, мы видим, – Ирина показала на три комплекта.

Они оказались самыми красивыми и, соответственно, дорогими.

– Ох, Дарья, разоряешь мать, – засмеялась Надежда Владимировна и пошла дальше.

По дороге поздоровались ещё несколько человек. Когда набрались две большие сумки, Колька понёс их в машину. Мальчик вызвался сам сопровождать сестру с матерью в этой поездке, надеясь, что ему обломится удочка. Он расстроился, сообразив, что покупка ему не светит: это не цены – троглодиты.

– Случилось что? – Юли отложил газету.

– Да нет. – Колька начал вытаскивать свёртки из сумок на заднее сидение.

– У тебя такой вид, будто ты ежа проглотил, – обернулся к нему командующий.

– Хотел удочку купить, – сознался Колька и покраснел.

– Ясно.

Юли достал из кармана деньги и протянул мальчишке.

– Я не возьму, вы что.

Колькины уши зарделись.

– Не будь таким противным, как сестра.

– Ага, они меня убьют.

– Возможно. А возможно и нет, если мы купим удочку сейчас и спрячем её в багажник.

Им, собственно, и не обязательно знать об этой покупке, – и Юли озорно подмигнул. – Тут на краю, – продолжил он, – как раз торгуют рыболовной снадью. Идём?

– Идём.

Ирина Владиславовна была весьма удивлена, когда на обратном пути на её замечание подойти к тому же столику сын ответил отказом. Она догадалась, что удочка уже приобретена, но говорить вслух об этом не стала.

– Неужели всё? – спросил Юли.

– Да нет. – Даша положила пакет. – Мама с Колькой пойдут рубашку примерят.

– А вы, Дарья Дмитриевна? – вкрадчиво, приподняв бровь, поинтересовался Юли.

– А я здесь подожду. Надоело – глазают, как будто впервые видят, – злилась Даша.

Юли засмеялся.

– Мы ещё минут на сорок, – сказала Ирина Владиславовна.

– Хорошо. – Юли закрыл машину. – Коль, возьми ключи, если вернётесь первыми.

– А мы куда-то собираемся? – Даша не хотела никуда идти.

– Пройдёмся – погуляем.

– У меня ноги болят.

– Тем более нужно ... тренировать, – Юли обнял Дашу за талию.

– Убери, – сказала Даша.

– Что?

Даша сама убрала его руку. Крякнув, командующий засунул руки в карманы и пошёл рядом.

– Гляди, Кузьминична, что делается-то, – вытаращив глаза, показывала пальцем на командующего с Дашей торгующая зеленью женщина.

– Не кричи – вижу.

– Ей богу, женятся.

– Есть хочешь?

– Да.

– Пошли в кафе.

Юли смотрел, как Даша ест. Сам он ничего не хотел.

– Это неприятно.

– Что?

– Когда смотрят в открытый рот – подавиться можно.

– Прости. Даша, тебе не кажется, что ты ставишь меня в весьма стеснительное положение, – Юли отпил кофе.

– Чем?

– Сама подумай: смотреть на тебя нельзя, обнимать – боже упаси, целовать – табу.

Даша поморщилась. Отложила ложечку на блюде с пирожным.

– Ну, вот теперь есть перестала, – сказал Юли.

– А тебе обязательно... ну... до свадьбы всё такое, – покраснела девушка.

– Смотря что ты подразумеваешь под выражением «всё такое».

– Юли, у меня впереди экзамены...

– В огороде бузина, а в Киеве дядька. Экзамены приплела за каким-то...

– Ты будешь меня отвлекать, – совсем смутилась Даша.

– Ах, вот в чём дело, – присвистнул Юли. – Котлеты отдельно – мухи отдельно. Ладно, госпожа уравновешенность. В принципе я могу подождать несколько недель. Думаю, свадьба состоится раньше моей клинической смерти. Но уж потом – не обессудь. Можешь даже не краснеть, не бледнеть и не синеть – не поможет. Ты ешь, ешь, набирайся сил.

Юли пил кофе, смотрел в окно, наблюдая за прохожими. Даша не доела пирожное – кусок в горло не лез после его слов – не шутил.

Они гуляли в парке, где было мало народу. Юли, наконец, обнял Дашу и, несмотря на её протесты, крепко и долго целовал. Она ощущала близость мужского тела. Внизу живота покалывало. Ещё немного – и она готова была бы на всё, даже здесь, даже при людях. Он отпустил, посадил на лавочку, чтобы успокоилась. Нет, оказывается, не холодная льдинка – загорается, словно порох. Решил сменить тему.

– Даша, – Юли закурил сигарету, сел рядом. – У меня к тебе тоже есть важное дело.

– Какое? – поправляя волосы, спросила Даша.

– Похоже, я совершенно не нравлюсь твоей сестре. Не знаешь, в чём дело? – он перекинул ногу на ногу.

– Не знаю. Наверное, жалко меня тебе отдавать...

– Ах, жалко, – протянул Юли. – Кто бы меня пожалел... Да... Пошли, нас теперь ждут. По дороге назад Юли купил несколько кило конфет, разных сладостей.

– Зачем столько? – спросила Даша.

– Пойдём на подкуп. Дайте мне ещё шоколадок, наберите разных, – обратился он к продавщице.

На следующий день Юли утром зашёл к соседям.

– А Дашки нет. На консультацию ушла, – сказал Мишка.

– Я знаю. Она мне не нужна. Алёна, здравствуй, – улыбнулся Юли.

Но девочка смотрела исподлобья.

– Алёна, я думал, ты мне поможешь, – не сдавался Юли. – Я сейчас в гарнизон еду, хотел Даше подарок купить, но не знаю, какой. Может, что посоветуешь?

Юли смотрел, выжидая. Девочка согласно кивнула головой.

– Тогда собирайся. Я думаю, родители против не будут...

По дороге в гарнизон Юли что-то рассказывал Алёне, но та никак не реагировала, лишь сосредоточенно смотрела в окно. Юли решил, что нужно начать с магазина игрушек. Алёна растерялась от такого количества кукол, зверюшек – одним словом, всякой всячины.

– Алёна, давай выберем игрушку для Даши, – между прочим добавил, – а если тебе что-нибудь понравится для себя – дай знать. Давай мне руку... чтобы не потеряться – магазин большой.

Девочка неохотно протянула маленькую ладошку. Обошли весь магазин. Алёна пыталась не показывать восторг, она была занята другим: её ладошку крепко держал военный, совсем, как папа.

– Алёна, так не честно, – Юли прервал её мысли. – Мы договорились, что ты поможешь мне. Мы весь магазин обошли – и ничего.

Они стояли в отделе мягкой игрушки. Алёна внимательно рассматривала слонов, мишек, черепах. Вытащила ладошку из руки дяди, показала на игрушку на самом верху. Юли достал: большой чёрный леопард – красивый (с изогнутой спиной, умной мордой, сильными лапами) и в то же время страшный (так и кажется, что живой – сейчас прыгнет и съест).

– Нравится? – спросил Юли.

Девочка отрицательно покачала головой.

– Поставить назад?

Отрицание.

– Берём?

Кивок.

– Тебе?

Опять отрицание.

– Даше?

Кивок.

Юли повернул леопарда мордой к себе – усы торчали весьма агрессивно.

– Ты уверена, что Даше понравится этот хищник?

Алёна пожала плечами.

– Ладно. Выбирай себе игрушку.

Девочка достала с полки небольшого пушистого белого котёночка с красным бантиком.

Юли ничего не сказал. Когда вышли из магазина, он спросил:

– Есть хочешь?

Алёна неопределённо пожала плечами.

– А я хочу. Пойдём к моему брату – он рядом живёт. Поедим, заодно познакомимся.

– Знакомьтесь. Это Ритус. А это Елена Сергеевна, молодая особа с вредным характером, –

Юли представлял Алёнку брату.

– В чём выражается вредность? – Ритус пригласил гостей в зал.

– Не хочет мне сестру отдавать.

Алёна села на диван, стала рассматривать комнату. Котёнка, купленного в магазине, посадила рядом с собой.

– Юли, ты ведь врешь? Алёна, врёт? Она просто хочет, чтобы сестре было хорошо. Да? –

Ритус посмотрел на девочку.

Она согласно кивнула головой.

– Ага, как же. Посмотри, что она выбрала Даше в подарок, – Юли показал леопарда.

Ритус взглянул на игрушку и сразу догадался, почему выбор девочки пал на это животное. Он подошёл к девочке, что-то пошептал на ухо, та согласно кивнула головой.

– Скажем ему? – спросил Ритус.

Алёна кивнула головой.

– Ну, тогда говори сама, – Ритус серьёзно смотрел на девочку.

Он знал о том, что она молчала с трёх лет после смерти родителей.

– Он на тебя похож, – чётко произнесла Алёна.

Юли открыл рот, хотел удивиться, но вовремя перехватил взгляд брата, скорректировался:

– Как это на меня? Что общего между этим зверюгой и мной?

Он снова взял игрушку, рассматривая её. Бросил леопарда на рояль.

– Ой, ой, как смешно им обоим. Лучше есть пойдёмте.

На вопросы Ритуса за столом Алёна отвечала чётко и разумно.

– В школу пойдёшь? – спросил он.

– Да.

– Хочешь, чтобы Юли купил тебе форму?

– Родители будут ругаться.

– Почему? – спросил Юли.

– Они сами купят.

– Глупости, – заявил дядя. – Но прежде, чем покупать форму, знаешь, что купим? – и подмигнул. – Платье на свадьбу. Красивое – красивое. Идёт?

– Хорошо...

Когда Юли внёс покупки в дом, Ирина Владиславовна, нахмутив брови, спросила:

– Это что такое?

Юли положил последний пакет, глянул на Алёну и подмигнул.

– Мамоchка, не ругайся, пожалуйста, – сказала Алёна и подошла к Ирине Владиславовне.

У той подкосились ноги, и она села на стул. Баба Таня истоиво перекрестилась. У Дмитрия Николаевича соскочили очки, звонко ударились о стол.

– Ой, боже святой, да ты заговорила, дитяtko моё, – баба Таня прижала к себе внучку. Ирина вытерла слёзы.

Время шло быстро и незаметно для Даши и медленно и нудно для Юли. Он каждый вечер заходил в гости, а Даша каждый вечер пыталась найти причину, по которой можно чем-нибудь заняться, помимо вечного сидения над учебниками, и совершенно не хотела оставаться с ним наедине.

Девушка не понимала себя. Некоторое время назад она сама хотела, чтобы хотя бы в щечку (хоть и краснела всякий раз при воспоминании об этих мыслях, но они имели место быть), а теперь, когда с его чувствами более-менее определилось (до конца все-таки не верится), что-то все равно мешало. Что, Даша не понимала. Девушка совершенно запуталась в чувствах и своих, и его, а она не любила неразберихи, хаоса, беспорядка, привыкла раскладывать все по полочкам. Когда чем-то занималась, будь то чистка картошки или выполнение уроков, сначала располагала предметы вокруг в нужном порядке. На столе не должно быть посторонних вещей. Ведерко для очисток должно быть чистым...

Юли кряхтел, ругался, подтрунивал – толку ноль. Ему ничего не оставалось, как только пугать Дашу своим будущим правом над ней.

Наконец наступило 26 июня. Односельчане до конца не верили, что Даша выходит замуж за командующего: приготовлений никаких.

В десять часов утра у дома остановились три машины. В первой за рулём сидел Ритус, сзади – Юли и Георг, который согласился быть дружкой. Во второй – Станислав Карлович и Светлана Юрьевна, родители. В третьей – Стив, Иоганн, братья, и Лена, жена Стива.

Торговались за невесту недолго. Георг положил сто долларов, и подружка впустила всех в дом. Юли представил родственников, баба Таня иконой перекрестила молодых, выпили, сели и поехали в гарнизон. Солдаты, стоявшие на дороге в центре села, хотели протянуть верёвку, но Сашка, высланный заранее в дозор, крикнул ребятам, что за рулём «сам», и их как ветром сдуло.

Даша выглядела прекрасно. Впрочем, иначе быть не могло.

Можно, конечно, подробно описать, какое платье было на ней, сколько атласа ушло на его изготовление, какие украшения (а они фамильные) отдала Ирина Владиславовна накануне дочери, что подарили гости, а главное жених. Читатель, включи свою фантазию. Я уверена, у тебя это получится куда лучше. Вечер был... Разумеется, он самый запоминающийся в жизни Даши, и не только её...

В одиннадцать часов Юли после очередного танца шепнул на ухо Даше:

– Нам пора.

– Куда?

– В номер-люкс, мадам. Прощаться не будем.

Он обнял Дашу и повёл к выходу. Она шла прямо и гордо. Пока поднимались, Даша молчала, а он мурлыкал мелодию. Выйдя из лифта, Юли достал из кармана ключи, отпер дверь, положил ключи назад. Взял жену на руки, перенес через порог, захлопнул ногой дверь. Около столика с шампанским опустил.

– Устала?

– Немного, – Даша сняла перчатки, запуталась в шпильках. Он помог снять фату, расстегнул платье.

– Где ванная?

Юли показал. Даша ушла. Он снял пиджак, галстук, разулся, сел в кресло дожидаться жену. Стараясь не думать, рассматривал картину на противоположной стороне. Когда жена показалась в двери, внимательно посмотрел на нее и спросил:

– Ты уверена, что тебе это понадобится?

Юли указал на полупрозрачную ночную рубашку Даши. Она ничего не ответила, молча юркнула под одеяло. Юли ушёл в ванную. Сел на край ванны, медленно начал расстёгивать рубашку, глядя на воду, льющуюся из крана. Ледяной душ не остужал его пыла, но, по крайней мере, появились проблески мыслей.

Подойдя к кровати, увидел Дашину руку, лежащую поверх одеяла.

– Хочешь шампанского? – спросил он.

– Нет.

Даша непроизвольно отодвинулась, когда он лег в постель.

– Даша, – Юли положил девушку к себе под мышку. – Ты когда-нибудь говоришь «да»?

– Иногда.

– Хорошо, что хоть иногда.

Юли взял её руку, которую она не знала куда деть, положил к себе на грудь, прижал сверху своей.

– Спокойной ночи.

Нелегко дались ему эти слова, но переломил себя.

– Спокойной ночи, – прошептала Даша.

– И не строй из себя невинную овечку, – жёстко добавил Юли. – Если бы завтра с утра не стоять в церкви, у тебя не было бы спокойной ночи.

На следующий день они обвенчались в соборе, недалеко от гарнизона ЭСВ. После венчания Юли дал время Даше только на переодевание. Вертолёт уже ждал. Даже подарки остались нетронутыми в номере гостиницы. Молодожены летели на Валдай.

Там никого и ничего не было, даже телефона (Юли выбросил его в озеро на второй день пребывания). Зато чудная природа, не тронутая цивилизованным человеком.

Через три недели на вертолёте прилетел Станислав Карлович, что-то шепнул Юли. Тот пошёл звать Дашу – пора собираться на большую землю.

А дома Ирина Владиславовна изводилась от незнания, что с Дашей. Хоть бы позвонить – куда? Не обижают ли он её дочь, совсем ещё глупенькую девочку? Да ещё экзамены. Ирина Владиславовна не рассчитывала, что Юли и Даша будут отсутствовать так долго. Ей же сдавать экзамен в институт. Пусть один, но его нужно сдать на «5». Сначала оставалось две недели, потом неделя, пять дней, три дня. Ирина сама отвезла документы дочери, но толку – сдавать за неё?

Накануне экзамена Даша приехала.

– Ой, дитятко моё, – как всегда причитала баба Таня, заводя любимую внучку в дом. – И где ж ты, золото моё, пропадало? На кого ж ты нас покинула?

– Баб Тань, чего голосишь как по покойнице? – не выдержал Юли.

– Молчи, ирод непутёвый, – строго ответила старуха. – Чего сотворил с моей кровинушкой. Похудала-то как, бледненькая совсем. Всю кровушку твою выпил, поганец.

– Мам, перестань. Что ты, правда, взялась причитывать.

Ирина Владиславовна поцеловала дочь:

– Раньше нельзя было вернуться?

Даша покраснела, но промолчала.

– Даша, я пыталась позвонить вам, – сказала Ирина.

– Он телефон выбросил.

– Ясно... Даша, завтра экзамен.

– ?

– В институте.

– !!! Ты знал?

Даша повернулась в сторону Юли, который спокойно сидел около стола, закинув ногу на ногу.

– Так ведь завтра – не сегодня. Успеешь. – Юли пожал плечами.

Передернутые плечи мужа вывели Дашу из себя.

– Успею! А документы? – крикнула она.

– Я сдала, – сказала Ирина Владиславовна, не зная, как успокоить дочь, памятуя о случае возле этого же стола.

– Я тебя убью! – выпалила Даша, глядя на Юли. Ей сейчас все равно – она и вправду сделает...

– А я увезу тебя обратно. Ты там не вопишь как недорезанная и не грозишься меня убить, – констатировал факт Юли. Он умолчал, впрочем, о том, что она там делает, вернее, делала некоторое время назад, хотя губы его непроизвольно расплылись в улыбке нашкодившего кота.

Даша больше не разговаривала с мужем. Вечером она попыталась посмотреть книги, но её словно током трясло. Юли ушёл к бабе Вере. Даша легла спать с Алёнкой, но уснуть не удалось, задремала только под самое утро.

– Даша, неужели институт так важен, что из-за него можно позеленеть? – Юли выглядел свежим, отдохнувшим, хотя предпочел бы другой вид. – Лучше пришла бы ко мне вечером, я бы согрел, расслабил...

– Пошёл ты знаешь куда? – прошипела Даша.

В институт приехали вовремя, но Даша нервничала.

– Слушай, истеричка, – обратился к ней муж по дороге, – если не прекратишь, разверну машину, завезу в глухие кусты и буду иметь до следующего утра. Знаешь, я это могу.

Слова Юли подействовали на Дашу отвратно. Она почувствовала себя увереннее.

На следующее утро Даша почувствовала лёгкое недомогание. Она решила, что это из-за вчерашних переживаний и усталости, поэтому не придавала особого значения. Вернувшись из института, Даша не могла сидеть на одном месте. Они поехали в новый дом, чтобы посмотреть свадебные подарки. (Ритус перевёз их вместе с мебелью). Пока расставляли мебель, раскладывали вещи, распаковывали ящики, Даша чувствовала себя уверенно. Она пыталась не думать о том, как сдала экзамен. Через несколько дней станет известно. Уморённая, ночью спала как убитая. Утром Юлиус принёс жене чай в постель, а она лежала, поджав ноги чуть ли не к подбородку.

– Даша, что с тобой?

– Что-то мне плохо.

– Где болит?

– Не знаю. Такое ощущение, что везде. Живот болит, мутит, сердце колет, в висках стучит.

– Что за чёрт! Дашенька, хорошая моя! Малыш, я сейчас!

Приехал Стив, ничего толком не сказал, а самочувствие Даши час от часу ухудшалось.

– Может, она беременна? – с тревогой спросил Юли.

– Может, но симптомы странные. Давай вызывай вертолёт и в гарнизон, – заключил Стив.

Спустя месяц Юли сидел в больничной палате и уговаривал Дашу. Она очнулась после мучительных болей, капельниц, уколов накануне вечером.

– Дашенька, ни один ребёнок не заслуживает таких адских болей, – Юли гладил поспевшую руку жены.

– А если у нас больше не будет детей?

– Господи, да не загадывай ты на будущее. Ты себя в зеркало видела? В гроб кладут краше. Даша, даже врачи и то за операцию. Я ничуть не меньше тебя хочу ребёнка, но не такой ценой.

Юли смотрел во ввалившиеся глаза Даши.

– Я сильная, – выдавила она.

– Хорошо, я согласен...

– Нет, правда. Сумела же я тебя женить на себе, – попыталась пошутить Даша.

Её попытка осталась без внимания.

– Даша, давай серьёзно поразмыслим.

– Не хочу, – она закрыла глаза.

– Дашенька...

– Юли, мне и так трудно, а тут ещё с тобой надо спорить. Ты же знаешь – всё равно не уступлю.

– А мне что прикажешь делать?

– Готовиться стать отцом.

Юли сдался...

Глава 2

Конечно, никто не знает наверняка, есть ли на свете бог или нет. Но так уж устроен человек, что, когда ему плохо, он сразу обращается с мольбой к единственному, по его мнению, помощнику – богу.

Это не единственная аксиома жизни. Вторая заключается в следующем: человеку сильному на этом свете предначертано намного больше жизненных испытаний, чем слабому. Как правило, честные и порядочные уходят (по разным причинам) в мир иной раньше.

В том, что злой рок всё ещё довлеет над ним, Юли понял, когда сидел в палате у Даши: нельзя думать, что всё плохое только в прошлой жизни. Возможно, жизнь у него и другая, да судьба та же. Он согласился с Дашей: не мог он выплеснуть на неё ужас перенесённых утрат и потерь. Друзья молчали, Светлана Юрьевна молилась, Станислав Карлович злился: сколько может быть горя!

Когда родились дети, Юли не поверил: слишком много счастья одновременно – он так не привык. Даша родила тройню: двоих мальчиков и девочку.

– Ты что, не рад? – спросила она.

Юли рассматривал странные комочки, лежащие в кроватке, и о чём-то сосредоточенно думал.

– Да, нет, Дашенька. Я очень рад. – Он подошёл к постели, присел на её край, взял жену за руку. – Может, ты мой ангел-хранитель? Как думаешь?

Жена посмотрела на мужа. Что с ним, она не понимала.

– Ты где? – спросила она.

– Здесь... уже здесь.

Поначалу Юли постоянно ждал какого-нибудь удара из-за угла. Ведь именно так поступает жизнь-подлюка: бьет исподтишка в тот момент, когда ничто, кажется, не предвещает

невзгод. Но проходили дни, месяцы, годы. Юли был счастлив и боялся этого счастья. Ему нравилась его жизнь: семья, друзья, работа. По возможности, он пытался скрыть своё счастливое обитание на планете Земля, чтобы люди не завидовали.

Они жили с Дашей в том самом доме, который он построил для них. Даша окончила институт, устроилась на работу в школу. Детишки подрастали, пошли в первый класс.

Жили Бланки для людей скромно. Ирина Владиславовна с Митей тоже не распространялись соседям по поводу их жизни. То, что Юли с Дашей каждый год ездят отдыхать за границу, никто не знал.

Когда Даша год назад пришла в школу, ожидали, что она поведёт себя как жена командующего армии: ошиблись. На вопросы о Юлиусе Станиславовиче (его привычках, вкусах) отвечала уклончиво, в общем. Одевалась скромно, работала упорно...

– Даша, можно поинтересоваться? – спрашивала Ольга Васильевна.

– Да, – Даша заполняла журнал в учительской.

– Юлиус Станиславович такой же строгий дома? – Ольга Васильевна устало потирала нывшую кисть руки.

– Простите? – Даша оторвала голову от журнала.

– Знаешь, Дашенька, выслушивать твоего мужа на совещании – занятие не из приятных. Хоть из директоров уходи. Ей богу.

– А что такое? – спросил Иван Максимович, физрук.

– Вчера с комплекса привезли некачественное мясо военным... Юлиус Станиславович пообещал директору совхоза раздавить того танком: не больше, не меньше. Все сидели, боясь дыхнуть. Вот я и спрашиваю у Даши, что ей бывает за недосоленный суп или за подгоревшую картошку.

– Так, Дашка, ну, колись. – Иван Максимович весело прихлопнул в ладоши. – Бег трусцой пять километров или ещё чего?

Дашу спас звонок на урок.

Вечером того же дня Даша допоздна проверяла тетради. Дети легли спать. Была половина десятого, когда входная дверь хлопнула: приехал Юли.

– Привет, – он стоял мокрый в дверях.

– А раздеться не надо? – Даша закрыла тетрадь, глядя на мокрую куртку и брюки мужа.

– Как, прямо с порога? – Юли, как всегда, переводил шутки в другую плоскость. – Раздеться совсем?

– Очень смешно.

Даша прошла на кухню, стала разогревать ужин.

– Какой я сегодня голодный, Дашка. – Юли на ходу вытерся полотенцем, бросил его на спинку стула, уселся за стол. – Где моя большая ложка? Как вкусно пахнет...

– А если бы пахло невкусно, ты меня танком переехал бы?

Юли уже откусил хлеба, опустил ложку в суп и застыл.

– Откуда знаешь?

– Сказали. – Даша села на стул напротив, сложила руки и спокойно смотрела на мужа.

– Даша, давай договоримся: я не буду лезть в твою работу, а ты в мою. Хорошо?

– Юли, работа так может изменить тебя?

– Нет. Знаешь поговорку: с волками жить – по-волчьи выть.

– Я не думаю, что вокруг волки.

– Да ну! Ладно, – Юли отодвинул тарелку. – Давай разберёмся. Несколько лет назад, если мне, конечно, не изменяет память, вы, Дарья Дмитриевна, до смерти боялись, как на вас смотрят, что говорят. Не дай бог, если жених обнимет на людях... Я ничего не упускаю? Чего же это вы испужались-то. Не волков ли?

– Это не одно и то же...

– Разумеется. И я никому не позволю себя съесть, и тебя тоже.

Юли придвинул тарелку и начал есть: для него вопрос решен.

Даша встала из-за стола:

– Помой за собой посуду, пожалуйста.

– Даша, может, хватит проверять? – Юли подсел к жене на диван, обнял. – Я тебя целый день не видел – соскучился. Лучше пойдём в спальню.

Юли целовал шею жены.

– Юлиус Станиславович, мы же с вами договорились не вмешиваться в работу друг друга, а я в данный момент занята работой.

Юли пришлось проглотить пилюлю.

Даша сняла пальто, сапоги, прошла в зал. Юли сидел на диване и играл с кошечкой Сонечки.

– Что-то случилось? – спросила Даша.

– Дарья Дмитриевна, долго на работе засиживаетесь. Моё терпение не железное.

– Я же не знала, что меня ждёт сам командующий армии. К тому же, мучает любимую кошку дочери.

– Не хочу спорить с тобой: нет времени. Давай быстро лопай и одевайся.

– Позвольте поинтересоваться, куда мы отправляемся?

– На спектакль.

– ?

– «Отелло». Кстати, очень познавательное мероприятие.

– Во сколько представление?

– В восемь.

– Юли, я не успею. Надо детей накормить, уроки проверить...

– Можно не так быстро? – перебил муж. – Дети накормлены, уроки проверены, ночевать придут ребята, у тебя завтра выходной. Так что я не принимаю никаких отговорок.

Юли поднялся с дивана:

– Дашка, не будь вредной.

– У меня есть выбор?

– Думаю, нет.

Юли обнял жену и начал целовать.

– Пап, они у меня краски отняли! – Соня с визгом вылетела из комнаты.

– Мы не отнимали, а позаимствовали! – кричали вслед Стас и Юра.

Юли продолжал целовать жену, несмотря на её протесты.

– Пап, – Соня дёрнула отца за штанину. – Сколько можно обниматься. У меня важная проблема.

– У меня важнее. – Юли неохотно отпустил Дашу, присел на корточки перед дочерью, – а ты вредина.

– И ничуть я не вредина, – ответила Соня, – я не виновата, что ты постоянно занят мамой.

– Ну, всё. Я тебя съем.

Юли сделал страшный вид. Соня не испугалась. Она начала щекотать отца. Ей на помощь пришли братья. Наконец, Юли вырвался из окружения, раскидал противников, забросал их подушками и ретировался в спальню, где одевалась Даша.

– Никакой личной жизни в собственном доме, – заявил он, помогая застёгивать молнию на вечернем платье. Застёгивал очень медленно, целуя при этом спину жены.

– Мы опоздаем на спектакль, – сказала Даша.

- Я поеду очень быстро, – Юли добрался до плеч.
- Не хочу попасть в аварию. – Даша занялась причёской.
- Я хорошо езжу. – Юли гладил груди, целовал шею.
- Юлиус! – строго сказала Даша.

В этот момент кто-то из детей чем-то бросил в дверь.

- Чёрт побери, – взорвался Юли. – Буду брать отпуск каждый квартал.
- Зачем? – поинтересовалась Даша.
- Чтобы быть с тобой далеко-далеко отсюда... на Валдае.

Даша покраснела. Юли начал переодеваться. Жена поправила галстук на шее мужа.

- Даша, чем ты меня опоила? – серьёзно спросил он.
- Ничем. Я не при чём...
- Надо же так втюриться. Говорил отец: не влюбляйся – не будешь мучиться в жизни...
- Может, хватит жалеть себя, – улыбнулась Даша.
- Хочу... – словно маленький ребёнок, проговорил Юли.

Даша поправила серёжку в ухе, надела шубку.

- Я готова.
- У меня может наступить клиническая смерть. Дай хоть поцелую по-человечески.

Они провели чудную ночь в отеле гарнизона. Казалось, ничто не могло разрушить их счастье. Увы, счастье – всего лишь короткий, очень короткий, миг. Стоит ли из-за него приносить в жертву целую жизнь? Кто знает...

Ольга Васильевна была ошеломлена. Она спросила у Стаса, на работе ли папа. Мальчик ответил, что родители вчера уехали в гарнизон, приедут только завтра вечером, в воскресенье. Неужели к тёте Тане идти самой? Да у неё язык не повернётся сказать такое. Набрала номер командного пункта полигона, попросила кого-нибудь, кто мог бы заменить Юлиуса Станиславовича по личному вопросу. Через пятнадцать минут у неё в кабинете сидел Стив.

– Я не знала, кому сообщить. Может, вы найдёте Юлиуса Станиславовича. Честное слово, мне страшно идти к тете Тане.

– Хорошо... Я найду. – Стив опустил голову, тупо посмотрел в пол. Словно очнувшись, спохватился. – Я пойду.

– До свидания. – Ольга Васильевна вытерла краешком платка слёзы. – Извините за такие вести.

– Что поделать. Надо кому-то и плохие вести приносить.

Стив звонил Ритусу. Тот отправился в отель, зная, что Юли всегда отключает мобильник, если он с Дашей. Поначалу Юли решил не открывать дверь, но стук требовал выйти. Юли с неохотой вылез из постели, на ходу надевая брюки, чертыхался.

– Что? – осёкся он.

Ритус был одет в чёрный пиджак. Юли вышел из номера, прикрыл дверь.

- Дмитрий Николаевич? – спросил он.
- И Ирина Владиславовна тоже, – ответил Ритус.

– Как это случилось?

– Сбила машина. Они в морге. Отец поехал забирать.

– И как мне сказать ей? – передёрнулся Юли.

– Честно, не знаю. Я поеду в деревню, скажу. Вы не торопитесь. Подъезжайте часам к семи вечера, пока всё утрясётся. Даша очень впечатлительная.

Братья хорошо знали цену человеческой жизни, чтобы охать или ахать. Другое дело...

– Что случилось? – Даша приподнялась на постели.

Юли подошёл к ней, сел рядом:

– Несчастье, Дашенька.

– Па-па? – прошептала Даша.

Ком застрял в горле у Юли.

– Ну, говори же – не молчи, – крикнула Даша.

– Их сбила машина.

– Их? Насмерть?.. Не может быть... Юли, скажи, что это неправда! Я не верю, ты врешь...

Даша колотила мужа руками. Он прижал её к себе:

– Дашенька, как бы я хотел, чтобы это было неправдой...

Он гладил её по голове, словно маленькую девочку. Она рыдала, сначала громко, потом всё тише-тише. Наконец, сил плакать больше не осталось.

– Где они?

– Вечером их привезут домой.

– Домой?.. Да, домой. Надо домой, – спохватилась Даша. – Сказать дома... бабушке, ребятам, Алёнке...

– Ни о чём не беспокойся. Отец с Ритусом всё сделают. Ты сейчас полежишь, я позвоню, чтобы принесли чего-нибудь поесть.

– Юли, ты с ума сошёл... Я не хочу есть! – кричала Даша.

– У тебя нет сил даже с постели подняться.

Когда Ритус вошёл в дом, баба Таня поняла – случилось горе. Но она не думала, что такое. Митя был болен. Это все знали, даже он сам осознавал, что последние годы живёт только потому, что лечился в гарнизонной клинике. Почему в этот раз Митя решил лечь на обследование в свою районную больницу? Почему Ирина поехала за ним сама, а не сказала Юли? Почему из-за поворота выскочила машина? Слишком много «почему» и ни одного «потому».

Баба Таня долго причитала, по-старчески вспоминая всю неудавшуюся «жизню Митеньки с Иринушкой». Ритус дал время выплакаться старушке. Вошедшие Мишка с Колькой сначала не поняли, что именно случилось. Когда волна известия добралась до человека и захлестнула его собой, а обычные мысли вошли в ступор, Колька спросил:

– А Дашка где?

– В гарнизоне.

– Она знает?

Ритус кивнул головой.

– Ленке-то чего скажем?

Ритус сказал и Алёнке. Что именно, какими словами – никто не знал. К трём часам дня приехали Станислав Карлович, Стив, Иоганн – привезли гробы с телами. К этому времени Ритус с ребятами уже разобрали место в зале.

Весть о смерти Мити и Ирины облетела село. Стал сходиться народ. Когда снимали с машины два гроба, истово перекрестилась тётка Настя:

– Горе-то какое: два гроба в дом. Не приведи, господи.

– Ребята-то осиротели враз, – ответила баба Нюра.

– Татьяна не поднимается. Сидит на стульчике около крылечка, словно спёкшаяся изнутри.

– А Дашка-то где? – спросил кто-то.

– Нету ни её, ни командующего...

– А это тогда кто? Вон похожий на командующего, только седой?

– Это брат его.

– В гробах сразу привезли.

– Да ну забрали из морга, видать, там всё и сделали...

– Ой, страсть-то какая. Сроду не забуду. Со стороны и то смотреть страшно.

- Дмитриевна, поди сюда-тка.
- Здравствуйте, бабоньки, – к сидящим на лавочке около сельсовета подошла сухонькая старушка с палочкой в руках.
- Здравствуй, Дмитриевна. Ну, ты расскажи про Митю с Ириной.
- Ой, господи, да чего же рассказывать. Чай, не свадьба, не праздник какой.
- Говорят, дюже хорошо было.
- Святой боже, – Дмитриевна перекрестилась, – всё смешалось: что свадьба, что поминки.
- Да ты присядь, расскажи.
- Дмитриевна, не суетясь, села, поставила рядом бадик, расправила складки на юбке.
- Горе, бабы, большое. На всех нас хватит, – начала она свой рассказ. – Татьяна до сих пор сама не своя. Говорит, всё как в тумане. А Даша, как смерть, прости, господи. Зашла – я и молитву забыла, какую читала...
- Да ты кряду сказывай, – перебила нетерпеливая Авдотья.
- Пришли за мной Ритус с Мишкой. Мол, так и так. Вечером прийти надо почитать псалтирь. Ну, я Антонине-то сама уж говорила. Пришли мы, значит, к шести часам. Татьяна сидит промеж двух гробов, плачет. Мы читать начали. Все собрались. Ребята, значит, Алёнка, внучата, сват зашёл, Станислав Карлович, Стив. Потом Дашка с командующим приехали. Они когда подъехали, зашёл Ритус и попросил всех выйти, чтоб Дашка попрощалась. Её командующий под руки заводил-то. Мы в трехстеннике посидели, чаю попили. Потом гляжу, Наташа, жена Ритуса, со шприцем прошла. Видать, укол делать. А потом нас позвали опять читать. Мы зашли, а Даши нет. Видно, увели в спальню. Послужили. Пришли соседи, кому надо. До девяти служили...
- А чего ж, Дашка совсем не стояла?
- Да стояла потом. И сам стоял.
- А кто ж женщины это такие?
- Да, вот чёрненькая, такая красивая?
- Это Наташа, жена Ритуса, а светленькая – Лена – жена Стива. Да Георг – то ли друг, то ли родственник ихний. Я толком не поняла. Девки-то всё и приготовили. Видно, путные. Всё как-то тихо, чинно. Я, прям, диву далась. И мужики все, лбы какие, стояли – не шелохнулись.
- С вами поминать-то садились?
- Сиделись только Ритус да сам командующий. Ритус-то он так посидел. Пить не стал совсем. Нам разливал. Сказал, что ему нельзя. А командующий-то выпивал, и выпивал хорошо. ... Наутро послужили, вынесли гробики. В церковь занесли, отслужили панихиду. На кладбище отвезли, да и закопали соколиков. Понравился мне Ритус. Мужик стоумовой, хотя самый младший из братьев.
- Не то военный?
- Да, ну, брось. Волосатый какой. У военных враз обреют.
- Не знаю, бабоньки, не интересовалась, но понравился он мне сильно. Всё знает, всё умеет, но как-то ненавязчиво.
- В церкви-то я видала их. Молодцы, конечно, мужики. Командующий, видно, Дашку всё уговаривал. Отвёл к окну и чего-то ей говорил-говорил. А когда панихида кончилась, кивнул ребятишкам своим, они Дашу за руки взяли с обеих сторон, так и шли, пока он гроб помогал выносить.
- Путных их сразу видать. Вон Копыловы бабку хоронили. Прям, все на иномарках подъехали к церкви. Гроб дорожный с откидной крышкой до половины. В церковь табором, да чего-то всё говорят, кричат. Мож, кто и своё, а слышимость-то сильная. Шум-гам – балаган да и только.

– Да, командующий – попутёвей. Иномарки у его дома стояли. А на кладбище подъехали две машины попроще. Когда вышли мы из церкви, Ритус помин обносил, а к нему Семён подошёл. Я слышу, Ритус говорит, мол, подгоните к кладбищу две машины потихоньку. И всё. И за столом как-то посерьёзней. К иным придёшь служить, а там почитай, чуть ли не свадьба: «Ой, кума, как давно не видались». – «Ой, Игнатьевна, а как твоя корова?»

– Ну, и помин хороший был?

– Да он сейчас уж редко у кого плохой бывает. В магазинах всё есть.

– Ребята теперь с Татьяной жить будут?

– Не знаю.

– Да им чего? Осталось два месяца доучиться. В ПТУ пойдут. Одна Алёнка. Небось, и Даша присмотрит за сестрой.

– Конечно.

Ещё долго сидели кумушки, перетирали косточки, как это водится на деревне. Уж очень нравится наблюдать со стороны, как другому человеку может быть плохо и как он с этой болью справляется.

Вот Даша справлялась плохо. То ли много успокаивающего ей ввели, то ли, действительно, простудилась, но вечером после поминок её бил озноб. Юли попробовал лоб:

– Так дело не пойдёт – звоню Стиву.

– Пройдёт. Я сейчас согреюсь и усну.

Согреться она не смогла. Пришлось среди ночи ехать в гарнизон.

А ещё через три дня бабу Таню вызвали в школу. Старушка не знала, зачем. Решила, что ребята чего-то набедали: Даши нет, в больнице лежит, и самого тоже нет. Пришла.

– Проходите, Татьяна Леонидовна, – пригласила её Ольга Васильевна, директор школы, к себе в кабинет. – Присаживайтесь. Познакомьтесь. Это Ситникова Тамара Сергеевна из отдела по социальной защите сирот. Она вам сейчас всё объяснит.

– Здравствуйте, бабушка, – Тамара Сергеевна поправила зачем-то очки, открыла папку. – Так... Дмитрий Николаевич Телешов приходился вам сыном?

– Да, – растерянно ответила баба Таня.

– Он состоял в браке с Толстой Ириной Владиславовной?

– Состоял...

– У них от совместного брака родилась дочь Дарья?

– Дашенька...

– В 198. году ваш сын Дмитрий Николаевич и ваша сноха Ирина Владиславовна усыновили ещё двух мальчиков и одну девочку...

– Правильно... Это дети младшего моего, Серёженьки. Он-то сам погиб, а жена родила, да, видать, чего-то не так, врачи не доглядели. Она померла, и ребёночек вслед за ней...

– Я знаю, – перебила Тамара Сергеевна, повысив голос. – Девочка Елена после того, как прибыла в новую семью, перестала разговаривать. Так?

– Так, милая, так. Вить ей...

– Ей пришлось пойти в школу на год позже других детей из-за этого недостатка.

– Да какой же это недостаток? Она ведь не глупая. Всё понимала, рисовала хорошо, читала, только про себя.

– Хорошо. Это уже не важно. Комитет по опеке решил направить Телешовых Михаила Сергеевича, Николая Сергеевича в Н-кий интернат, Елену Сергеевну Телешову в распредприёмник в связи с гибелью опекунов.

– Оля, старая я стала. Чего это она тут говорит-то? – спросила баба Таня.

– Тётъ Тань, детей хотят в интернат отдать, – ответила Ольга Васильевна, вздохнув.

– Ой, батюшки святы. Ты, милая, либо тронулась? Куда ж это я их отдам, пока жива...

– Вот именно, пока живы. Бабушка, вам сколько лет уже? Семьдесят – восемьдесят? Именно. Вы не сегодня-завтра на кладбище, а дети?..

– Да чего ж ты меня хоронишь раньше времени? Я, может, до ста лет доживу.

– Вот и замечательно, вот и живите. А детей будет государство воспитывать. Их один раз взяли в семью – несчастье случилось. Другой раз... А там депрессия... А там суицид. Вы знаете, сколько детей и подростков совершают самоубийств в год?

– Господи помилуй, да с чего они над собой что-то делать будут? Слава богу, учатся все хорошо, умные, работающие, на эти, как их, олимпиады, ездят, места занимают. Миша хочет в радиотехнический институт поступать.

– Ну, институт не институт. Во всяком случае, кусок хлеба себе заработает, если не дурак.

– Да ты подожди. Может, какую бумагу надо написать?.. Чтоб на опеку-то? Так я напишу.

– Бабушка. Какая вы непонятливая. Вы – старая. Если что случится – кто виноват? Отдел по социальной защите детей? К тому же, чего вы так переживаете? Ведь, не в Америку мы отправляем ваших внуков. Мальчики будут...

– А Даша может опеку оформить? – снова перебила баба Таня.

– Вы имеете в виду вашу старшую внучку?

– Ну, да, её. Она замужем, работает. Детишки есть.

– Сколько?

– Чего сколько? – не поняла старушка.

– Детей у вашей внучки сколько? – Тамара Сергеевна с нетерпением начала стучать пальцами по столу.

– Трое: два мальчика и дочка.

– Многодетная семья, значит, – Тамара Сергеевна покачала головой. – Она бы ещё троих родила.

– Так она сразу тройнят.

– Молодец, ничего не скажешь... Что ж она с вами не пришла?

– Да в больнице она. Захворала после похорон. В ту же ночь муж и отвёз.

– Часто болеет? – поинтересовалась Тамара Сергеевна скорее просто так.

– Да, как сказать. Слабенькая она, а делов-то много... – спохватившись, баба Таня заспешила. – Да вы не сомневайтесь. Даша соберёт документы, какие надо.

– На это уйдёт много времени: от полугода до года... Если она захочет – пусть собирает справки, потом дело рассмотрят. Дети пока будут в интернатах.

– Ой, совсем ты меня запутала, милая. Вить ребятам-то осталось немного. Пусть доучатся до каникул, а потом они устроятся на работу. На одну Алёнку документы Даша быстро оформит.

– Не могу, бабуль. Мы сейчас обязаны быстро реагировать на подобные происшествия, чтобы не было плохо детям.

– Так неужели им лучше будет в казённом интернате, чем дома? – заплакала баба Таня.

– Это вы сейчас так говорите. А потом неизвестно, чем всё обернётся. Люди из-за детских пособий на преступления идут.

– Ой, велики деньги – пособие. Да на них пары носок не купишь.

– Вот-вот, пары носок не купишь, детей в семью принимают, а затем издеваются.

– Господи, да они ж мне не чужие – свои, внучата родные, только несчастные, – баба Таня вытирала слёзы платочком.

Ольга Васильевна встала, отошла к окну. Ей было очень жалко сидящую старушку, перенёсшую в своей жизни так много горя. Жалко было детей. Действительно, умные, воспитанные, а вот, поди ты. А что посоветовать – не знала. У Даши своя семья. Навязывать такую обузу – кто имеет право.

– Командующий приехал, – словно очнувшись, сказала она.

– Кто? – не поняла Тамара Сергеевна, уже собиравшая папку. Ей тоже был неприятен этот разговор. Видно, бабушка любит внучат, да что поделаешь. Помрёт – они пойдут бомжевать. Лучше сейчас забрать. Если умные – поймут. Глядишь, ещё помогут век дожить бабушке.

– Дашин муж, – Ольга Васильевна села за стол.

После стука в дверь вошёл статный мужчина. Поздоровался. Баба Таня вытерла слёзы, чтоб ирод (она его считала таковым до сих пор) не видел. Юлиус молча положил перед Тамарой Сергеевной папку, всунул руки в карманы, отошёл к окну. Тамара Сергеевна тщательно листала документы на опеку. Наконец, перевернула последний лист.

– Ещё вопросы имеются? – спросил Юли, не поворачиваясь.

– Нет, – удивлённо ответила Тамара Сергеевна.

– Баба Таня, поехали домой, – сказал Юли, подходя к старушке.

– Поехали, милоч, – она поняла, что детям ничего не грозит.

– Юлиус Станиславович, – обратилась к нему Ольга Васильевна.

– Да, – остановился Юли.

– Даша выйдет на работу?

– Дней через десять. До свидания.

Юли свёл по ступенькам бабушку, открыл дверцу машины.

– Как Даша-то? – спросила баба Таня.

– Пусть полежит в больнице. Там ей покойней будет, хоть на время.

– Ну, и пусть, – согласилась баба Таня. – Ироды, хотели детишек забрать.

Старушка шмыгнула носом.

– У них работа такая.

– Сказала, что документы долго собирать, ждать какого-то решения.

– Ничего ждать не надо. Всё подписано, – успокоил Юли.

И об этом судачили на деревне. На то она и деревня, что каждый на виду да на слуху. Заметили люди, как изменилась Даша после похорон. Прядь седых волос появилась около виска. Она и раньше неразговорчивой была, теперь вовсе замкнулась. Помощь Юли не принимала. Он понимал – нужно время. Оно лучшее лекарство, поэтому не торопил.

Дети по-прежнему жили у бабы Тани. Юли подумал, что до экзаменов ничего менять не надо, а там видно будет.

Задумок у мальчишек в этой жизни было много – только не всем им суждено сбыться. Мишка твёрдо решил, что пойдёт работать, но в институт всё равно поступит. Он договорился с фермером о летней подработке. Колька поддержал брата. Узнав об их затее, Юли сказал:

– В десятый класс пойдёте. Чтобы поступить в Баумана, знания нужны, придурки.

Ребята не обиделись, но от подработки не отказались.

Ольга Васильевна удивилась, когда на экзамене на вопрос, в какое училище они пойдут, Коля сказал, что будут учиться в десятом классе. Директриса покачала головой.

– Трудно командующему такой воз везти, – обсуждали эту новость в учительской, разумеется, в отсутствии Даши.

– Он зарабатывает в у. е., а не в деревянных, – съязвила математичка.

– Хоть в у. е., хоть в деревянных – до ума довести – труд тяжкий, – заметила Ольга Васильевна.

– Ну, ведь Даша...

– Да хватит, Даша, Даша, – засмеялась математичка. – Сидит у Христа за пазухой. Вся такая бледненькая, болезненная, вся недотрога, недомога. А тут – вся в теле – не хватает только мужика, чтоб кости хрустнули.

– Лен, хватит злобствовать, – заметила Вершинина.

– Я не злобствую, я жалею.

– Кого, позволь спросить?

– Да её, кого ж ещё. Юлиус Станиславович ещё, конечно, попрыгает возле неё, на цыпочках ходит – да и плюнет. Вокруг столько баб, и красивее, и поумнее, и поздоровее. А он мужчина видный, без женской ласки долго не сможет. Да и какая от Дашки ласка. Для ласки любовь нужна. А она всё одолжение делает, – Елена не спеша разворачивала шоколадную конфету.

– Лена, не мути воду, – заметила Ольга Васильевна. – В своём уме. У человека горе, а ты...

– Что я? Сказала неправду? Поправьте. Все молчат. Значит, неправды я не сказала. А что до горя... Может, Дашкино горе – мышкины слёзы в сравнении с чьим-то. Ладно. Пошла я, а вы тут жалейте сидите. Глядишь, от вашей жалости Дашка прозреет.

Когда она ушла, Вершинина заметила:

– Что ж у людей от злости чирей на языке не вскочит.

– Однако не вскочит, – в раздумье проговорила Ольга Васильевна.

Ей показалось, что в злых словах Елены была толика правды. К тому же... Но для этого не пришло время.

Ольга Васильевна для себя решила, что надо поговорить с Дашей. Ирины теперь нет, а баба Таня относится к зятю с прохладцей (об этом знала доподлинно). Даша молода и неопытна, может наломать дров, да не тех и не для того. Ольга Васильевна даже отправилась в гости к Телешовым якобы для того, чтобы посмотреть на ребят с Алёнкой. Она знала, что Даша большей частью бывает у бабушки, чем у себя. У дома увидела Станислава Карловича. Он размечал с Мишей будущую ограду. Ольга Васильевна поздоровалась:

– Поправить решили? – поинтересовалась она у Станислава Карловича.

– Да вот надо кое-что подделать. Бабулька напрочь отказывается переходить к Даше. Если гора не идёт к Магомету, то ...

– Магомет идёт к горе, – закончила Ольга Васильевна.

– Совершенно верно, – засмеялся Станислав Карлович, – хотим газ подвести да дом покрасить, кое-что подновим.

– Миша, вы с бабушкой жить будете? – спросила Ольга Васильевна.

– Ага, – кивнул юноша.

– Это хорошо. Бабушка старенькая – то одно, то другое, а вы всегда под рукой, – говорила Ольга Васильевна. – Справитесь, Станислав Карлович? Может, помощь нужна? Так я организую ребят – помогут.

– Ольга Васильевна! – засмеялся Бланки. – Издеваетесь, да? Тут помощников, хоть отбавляй. Ритус вон с Георгом завтра приедут.

– Ритус – это ваш сын. А Георг? – как бы невзначай поинтересовалась Ольга Васильевна.

– Георг-то? – переспросил Станислав Карлович. – Миша, натяни верёвку прямо и гвоздём прижми к столбу. Он нам тоже родственник, к тому же мой крестник. А вот кому помогать приедет – тут большой вопрос. – Станислав Карлович отряхнул брюки от пыли. – Может, по зазнобе какой сохнет, а, Ольга Васильевна?

– Зазнобе, – Ольга Васильевна поняла, к чему клонит Бланки. – Я этой зазнобе ноги повывёртываю.

Станислав Карлович засмеялся:

– Да, ладно вам, Ольга Васильевна. Георг, конечно, баламут, ну, а так парень не плохой.

– Ох, Станислав Карлович, дочь-то у меня одна. Хочется уже что-то определённое иметь, а не журавля в небе. Вон у Дарьи дети в школу пошли, а моя всё по углам обжимается с вашим крестником. Знала бы, в жизни не пустила подружкой быть на свадьбе.

Ольга Васильевна вздохнула, морщинка пролегла через лоб. Не хотела она все это говорить, да наболело – не сдержалась, стало неудобно. С другой стороны, одно дело где-то там, в городе, где никто не знает, другое – здесь. Приедет Оля в отпуск, и он прикатит. стыдоба, да и только. Вон о Елене чего наплели: поди, разбери, что правда, что ложь.

С такими мыслями стояла Ольга Васильевна возле дома бабы Тани. Если бы не разговор о Георге, она обязательно зашла и поговорила бы с Дашей (та была на заднем дворе – полоскала бельё). Но мысли об этом поганце совсем сбили с толку Ольгу Васильевну.

– Ну, что ж, – сказала она, – бог вам в помощь, да помощь побольше, чтоб закончить побыстрее...

– Чтобы смыться поскорее, – продолжил Станислав Карлович.

– Я этого не говорила, – ответила Ольга Васильева.

– Да это я сам. Ольга Васильевна, вы не принимайте всё близко к сердцу.

– Ценное замечание. Увы, не получится. Всего доброго вам.

– И вам тоже.

Станислав Карлович стоял и курил: надо поговорить с Ритусом насчёт Георга, пусть, в конце концов, определится, а то и впрямь тянет кота за хвост.

Подкралось лето. У Юли наступил отпуск. Обычно они уезжали куда-нибудь в путешествие, но в этот раз всё иначе – никуда не поехали: Даше не хотелось. Она была поглощена домом, заботами о детях, братьях, сестре, бабушке, даже решила закрывать варенье (раньше это делала Ирина Владиславовна).

Она совершенно не поняла Олю, свою лучшую подругу, когда та заявила к ней в гости и предложила съездить на пикник с ребятами (Георгом и Юли). На Дашин вопрос: «А дома чем плохо?» Оля округлила глаза: «Под крышей собственного дома нет романтики в сексе». Дашу покорило.

– Да, ладно тебе. Я понимаю, что у тебя забот полон рот, но жизнь-то не остановилась. Ты что теперь – замуруешь себя? Да и муж, небось, мучается. Не знаю, как ты, а я больше недели не могу выдержать: у меня везде зудит, чешется.

– Избавь от подробностей, – Даша посмотрела куда-то в сторону.

– Ну, ты, подруга, даёшь, – удивилась Оля, – можно подумать, что тебе лет восемьдесят и тебя воспитывали монашки.

– А о тебе можно подумать, что ты из публичного дома, – вспыхнула Даша.

– Спасибо, – обиделась Оля. – Ну, что ж, скорби гордо, как подобает королеве. Только знаешь, Дашка, корона может оказаться подделкой, а твой обет никому не понятным ритуалом...

– А мне и не нужно понимание, – перебила её Даша. – Главное – это нужно мне.

– Мне?.. А как быть с теми, кто рядом? – спросила Оля.

– Я забочусь обо всех.

– Не боишься надорваться? – усмехнулась Оля. – Гляди, пупок развяжется, а потом окажется, что твоя жертва не понята, а иных уже попросту нет рядом.

Оля встала и, пожав плечами, вышла из дома. Даша ещё долго сидела, думая над словами подруги. Услышав стук входной двери, очнулась, быстро вытерла слёзы, поправила волосы, распрямила спину: я ещё поборюсь...

По дороге домой девушка поняла, что неправильно повела себя с подругой, у той горе. Но она же искренне хотела помочь – вытащить Дашку, развеселить, показать, что вокруг красиво, вокруг все дышит и цветет – живет. Нельзя опускать руки и горевать – надо радоваться жизни, каждому ее деньку. Вот она, Оля, радуется.

Она вспомнила свои страхи несколько лет тому назад, когда завидовала девчонкам, что обжимались по вечерам с военными. Она переживала и за себя, и за подругу. Но подруга вышла замуж, да не за кого-то, а за самого командующего. Она же на свадьбе Даши познакомилась с Георгом, дружкой Юли. Он сразу ей понравился. В первый вечер они целовались мало, родители Даши приглядывали за ней. Как только она пропадала больше, чем на пять минут, их уединение прерывалось.

Их знакомство продолжилось. Когда Оля поступила в институт, а значит, получила долгожданную свободу от строгой матери, она воспользовалась предоставленным шансом. Георг снял квартиру (маме Оля сказала, что снимает ее у знакомой девчонки, которая попросила приглядывать за домом, пока родители в отъезде – сама-то подруга в особняке проживает). Ольга Васильевна несколько раз приезжала в гости к дочери. В один из приездов столкнулась с Георгом. Он не смутился, был в меру вежлив, сказал, что ему нравится Оля. О большем распространяться не стал. Мать не стала устраивать взбучку при постороннем человеке, но он остался на ночь. Когда же Оля приехала домой, то выслушала много слов в свой адрес, а в заключении, что она уподобилась современным содержанкам. Она, всхлипывая, выкрикнула: «Ну, и пусть. Я его люблю, понимаешь?» Ольга Васильевна, услышав слова дочери, лишь покачала головой: что тут попишешь. Больше они не упоминали в разговорах имени Георга. Ольга Васильевна понимала, что, если она хочет, чтобы дочь не сбежала из дома окончательно, чтобы Оля хоть капельку ей доверяла, то она, мать, должна переступить через себя, скрыть боль. Оля со своей стороны жалела маму, догадываясь, что гордой женщине не просто перевернуть отношения между дочерью и мужчиной, да еще таким непутевым, как Георг, поэтому тоже избегала каких-либо упоминаний о нем. Ольга Васильевна желала и страшилась разрыва между дочерью и мужчиной. Ей были близки чувства бабы Тани по отношению к Юли. С одной стороны, она хотела, чтобы Георг бросил Олю. Однако, с другой стороны, наблюдая, как Олечка светится от счастья, видя на ней его подарки (оказывается, он не жадный), радовалась. Шли годы – отношения не прекращались. Ольга Васильевна уже подумывала о том, не намекнуть ли Оле, что пора заводить ребенка. Может, он даст стимул к развитию других отношений.

В одном Ольга Васильевна была тверда, как скала: категорически противилась, чтобы незамужняя дочь приводила в их дом хахалю. Как бы люди не выдумывали на современный лад, гражданский брак – всего лишь обычное сожитительство, отдающее пошлятиной и беспринципностью. Услышав о том, что Георг приезжает помогать бабе Тане, а Оля в отпуск (звонила несколько дней тому назад), Ольга Васильевна пришла в ярость. Она так и заявила дочери, когда та явилась домой.

– Мама, ты не понимаешь! – воскликнула Оля. – Дело не в тебе или мне. Дело в Даше. Я хочу ей помочь.

– Замечательно, что ты хочешь помочь подруге. Но причем, позволь спросить, здесь твой Георг?

– При том, что ему необходимо находиться здесь.

– Не понимаю.

– Вот он придет и все объяснит...

– Я не хочу видеть в своем доме любовника...

– Мама, пожалуйста...

Спор длился долго, никто не хотел уступать. Женщин прервал звонок в дверь. На пороге стоял предмет спора. Достаточно одного взгляда на женщин, чтобы понять, что страсти разгорелись не шуточные. Оля с вызовом посмотрела на мать, однако, еще не решив, впустить мужчину через порог или нет. Ольга Васильевна молча повернулась и ушла в дом.

– Из-за меня?

– Входи уж...

Оля, собрав на стол, постучала в комнату матери:

– Мама, нам надо поговорить. Это очень важно.

Ольга Васильевна вышла. Разве сердце матери выдержит? Она села за стол, где Георг разлил по бокалам вино.

– Здравствуйте, – он сделал вид, что не заметил повернутой к нему спины Ольги Васильевны несколько минут тому назад.

– Здравствуйте, – вздохнула женщина.

– Я постараюсь не злоупотреблять вашим временем и вниманием.

– Давайте сначала покушаем.

– Согласен.

Когда с обедом покончили, Георг вернулся к начатой беседе.

– Ольга Васильевна, я понимаю, что вы хотите для своей дочери только добра. Поверьте, я тоже. Однако добро для Олечки с моей стороны заключается в следующем: чем дольше мы не будем связаны с ней официально, тем дольше она проживет.

Женщина саркастически улыбнулась и покачала головой. Георг продолжил:

– Да, кажется смешным, с одной стороны, однако такова реальность. Юли повезло, что он служит в армии. Его обязанности... предсказуемы, я бы так выразился. Как вы догадываетесь, я тоже служу в ЭСВ. К сожалению, даже сейчас, находясь с вами, я не могу с полной уверенностью сказать, где буду сегодня ночью, а уж загадывать про завтрашний день – из области фантастики. Оля понимает меня и принимает таким, каков я есть, со всеми скелетами в шкафу.

– Вы не шутите?

Ольга Васильевна внимательно посмотрела на собеседника, пытаясь распознать, где скрывается фальшь: в глазах ее не было, в голосе тоже.

– Нет.

– Оля что-то пыталась мне сказать о том, что вам необходимо сейчас находиться здесь...

– Она права. На самом деле, в последние годы мы с Ритусом крайне редко проводим время вместе.

Чувствовалось, что мужчина тщательно подбирает слова.

– Что за причина вынудила вас к такому шагу теперь?

– Безопасность Юли и его семьи.

– Не понимаю.

– Гибель Дашиных родителей не случайна.

Ольга Васильевна не стала уточнять – она не хотела знать.

– Мы думали поставить дополнительную защиту на дом, но не знаем, как объяснить Даше.

Оказывается, на их доме защита! Но спросила о другом:

– Она не в курсе?

– Нет.

– Почему? Мне кажется, что она как раз тот человек, который должен знать о гибели близких ей людей в первую очередь...

– А также о гибели Крис, первой жены Юли и их ребенка, ее сестры, матери, моего отца, многих, многих, очень многих...

– Юлиус был женат?

Вопрос вырвался быстрее, чем хотелось бы.

– Да, на моей двоюродной сестре. Ритус, кстати, тоже, только на другой. Обе погибли. Кристина, когда возвращалась с похорон Юли; да-да он погиб, даже могилу имеет именную, как и его брат Иоганн. Ее застрелил приемный брат Юли. Иля разбилась на машине или помогли разбиться... Их мать нашли в лифте, рухнувшем с десятого этажа. Моего отца – в собственной постели с ножом в спине, как и его женщину, наутро после того, как они распи-

сались. Моей маме повезло – умерла при родах. Единственный, кто уцелел из нашей семьи – двоюродный брат Альберт. Он живет в какой-то тьму-таракани, хотя по бумагам мертв.

Ольга Васильевна считала себя сильной женщиной, но не настолько, чтобы принять услышанные слова. Она пыталась, честно... Оля поставила перед ней бокал с вином – женщина выпила залпом.

– Ничего не понимаю. Вы рассказываете сценарий фильма ужасов?

– Это наша жизнь.

– Наша?

– Ритуса, Юли, моя...

– Почему не Дашиной?

– Замечательное слово «почему». Видите ли, в чем дело, уважаемая Ольга Васильевна.

В то, что я сказал вам, трудно поверить.

– Но я, как ни странно, верю. И Оля, по всей видимости, тоже.

– Вы – да, потому что знаете не понаслышке, как убивают людей. Оля – да, потому что любит и доверяет мне. Проблема Даши – она не любит Юли. Он, кстати, знает об этом.

– Да с чего вы взяли?

Георг засмеялся:

– Вряд ли вы, если бы не любили дочь, смогли примириться со мной, вы, со своими принципами. Вряд ли Оля, если бы не любила меня, воспротивилась вам, матери, которую она искренне уважает. И вряд ли я без причины явился бы сюда и занялся тем, чем занимаюсь: во-первых, заявляю, что люблю эту чокнутую, во-вторых, совсем не против жениться на ней, если бы подобное было возможно, в-третьих, рассказываю приватные подробности жизни Юли, в-четвертых, нарушаю, не знаю, сколько точно пунктов подписки о неразглашении всего, что связано с ЭСВ. Одним словом, не надо быть провидцем, чтобы видеть очевидное. Или... не видеть.

– Да нет, Георгий, вы не правы. Даша никогда бы не вышла замуж за Юлиуса совсем без чувств.

– А я не сказал, что все чувства отсутствуют, лишь одно из них.

– Да нет же, непонятливый вы человек! Не думаете ли вы, что ее затмили его погоны, не знаю, красота или что-то в этом роде.

– Не думаю, тут я с вами соглашусь. Зачем отрицать очевидное.

– Дело в другом. Он ведь тоже не был с ней до конца честен, хотя бы в том, что не сказал, что вдовец, что считался погибшим, что, да много чего...

– Ну, и как бы она переварила эту информацию?

– Как я, Оля. Не думайте, что Дашенька только чрезвычайно ранимый человек. Когда нужно, ее характер может стать стальным. Она, наверное, чувствовала недосказанность, не умом, так сердцем. Оно не обманет, нет, не обманет. Юлиус, потерявший дитя, получает от Даши такой подарок – тройняшек. Но каждый из них смотрит на детей по-разному: Даша не хоронила ребенка, и, упаси бог, ей испытать подобное... Она сможет разобраться в своих чувствах только при одном условии: когда потеряет Юлиуса...

Оля вжалась в плечо Георга, пытаясь сдержать слезы. Ольга Васильевна машинально смахнула каплю со щеки.

– Увы, такова жизнь. Мы не ценим того, что имеем, потерявши, плачем, но ничего изменить не можем...

Глава 3

За окнами блекло солнце, в комнате воцарялся полумрак, успокаивавший, домашний. Даша не слышала стука в дверь, а может, его и не было. Она занималась своим обычным делом – читала. Наконец, почувствовала чье-то присутствие. Даша посмотрела на незнакомца, как бы

спрашивая: «Чего вам, собственно, надо?» Он же не спешил ни с вопросами, ни с ответами. Глядел на нее свысока, слегка прищурившись, словно оценивал, стоит ли связываться.

Молчание затянулось. Даша не привыкла, чтобы ее рассматривали вот так, в упор. Если бы она сразу спросила, что ему надо, то теперь не чувствовала себя так неловко. В конце концов, если это знакомый Юли, он должен представиться сам. Она машинально перевернула страницу. Незнакомец сел на диван, положил нога на ногу и, чувствуя себя свободно и легко, продолжал рассматривать Дашу. Она чувствовала, как краски сошли с лица, сердце сжалось в комок, неизвестно, по какой причине (оно никогда не беспокоило ее), по спине пробежала дрожь; хотела что-то сказать, но язык словно одеревенел. Впервые в жизни.

Неизвестно, сколько бы продолжалась эта мука, но дверь отворилась, и ворвался Юли. Вернее, должен был войти именно он, но Даша увидела совершенно другого человека – не Юли. Такого страшного блеска глаз у мужа она за все годы, проведенные с ним, не видела ни разу. Лицо, перекошенное судорогой злобы, ярости, было бледно и черно, как сама смерть.

Входя, он дернулся за пистолетом, и Даша услышала голос незнакомца:

– Не стоит. Я стреляю быстрее и точнее.

Он не изменил позы, все также сидел и пристально смотрел на женщину.

– Юлиус Станиславович, – продолжил он, – как вы считаете, кто отец этой особы: вы или я?.. Превратности судьбы. Быть или не быть... Ну, если я, то куда ни шло. А если... вы?!

Незнакомец со вниманием рассматривал свою правую руку.

– Не правда ли, напоминает трагедию, доведенную до абсурда. Как там бишь? Ах, да, фарс!

Последнее слово он выдохнул из себя, поднимаясь с дивана. Он исчез так же, как появился, почти растворился, оставив странный неповторимый запах горьких трав. И Юли, и Даша очнулись ото сна.

– Что за бред? Привидится же такое, – начала Даша, но Юли хрипло перебил ее:

– Тебе не привиделось. Он также материален, как мы с тобой.

– Что он сказал?

Юли не слушал. Он звонил Стиву, о чем-то договаривался. Затем сел на диван и начал пристально всматриваться в Дашу. Ей это не понравилось:

– Юли, прекрати.

Казалось, он ее не слышал или слышал, но думал о чем-то своем. Когда появился Стив, сказал коротко и ясно, словно отдавал приказ:

– Возьми у нее кровь, сравни с моей и Смита.

– Зачем?

– Давай без вопросов.

Даша знала, что ее муж и разум – понятия абсолютно несовместимые, но не до такой же степени. Очередная его причуда.

Есть люди, которые боятся перемен. Вернее, не самих перемен, а возможности отрицательных последствий и из-за этой боязни живут рутинно и спокойно, без потрясений.

Даша была как раз таким человеком. Она не хотела многого, не смела мечтать об этом. Вся ее жизнь за исключением брака и рождения детей на переломных моментах менялась, увы, в худшую сторону.

Да и брак, если присмотреться внимательнее, нельзя было назвать счастливым в полном смысле слова. Даша не могла положить руку на сердце признать даже себе: любит ли она мужа так, как он ее. Где-то в глубине дремало маленькое сомнение. Даша никогда не давала ему волю: зачем, не занималась самокопанием. Но! Анализируя свою жизнь, она могла бы прийти к поразительному выводу: Даша не знала, кто она и что она. Да-да. Как это не странно звучит.

Вот, Юли, например. Да, он эксцентричный. На людях строг, груб, с нею ласков, с детьми, порой, смешон. Но это цельный человек с натурой (или с характером). Он состоялся именно как личность. Он точно знает, чего ему надо и чего ему не надо. Чего надо – добивается сам. Чего не надо – отбрасывает опять-таки сам без вмешательств извне. Он служит в ЭСВ, и его там ценят. Он может пойти наперекор всем и всему, но добьется своего.

А она. Дарья Дмитриевна Бланки, 24 года, замужем, имеет троих детей, с высшим образованием филолога. Кто она? Спряталась за спину большого и мускулистого гиганта и не показывается оттуда.

Дом – нате, пожалуйста, обеспечить семью – нате, помочь родителям, бабушке – нате, не отказывайтесь. Даже при выборе жениха. Чего греха таить: красивый, статный, умный, взрослый. Все как-то само собой устроилось. Да, были неприятности, но они казались не глобальными, так как Даша знала, была уверена, что она не одна. Забилась в свою ракушку, как жемчужина. Присосалась, как пиявка. Позволила любить себя.

Если бы события в ее жизни не встали в той последовательности, в какой они встали, то, возможно, и она любила бы. Но у нее не было времени на это: полюбить. Юли, словно смерч, пронесся и унес сразу, моментально, не дав времени на размышление.

Другие мучились, ненавидели, любили, а она была в стороне ото всего, от целого мира, потому что у нее было все, чего она хотела. И миру было все равно, потому что он даже не догадывался о ее существовании.

Был теплый августовский вечер. Солнце теперь уходило на покой раньше. Оно берегло свое тепло для себя, потому что впереди ожидали месяцы прохлады и стужи.

Был тот вечерний час, когда закат озарялся краской угасания; ласточки, памятуя, что скоро им предстоит дальний перелет, чистили перышки, сидя на проводах; облака постепенно подергивались матовой пеленой, серели. Наступающую тишину постоянно кто-то перебивал: то коровы, уныло бредущие после долгого трудового дня, неся в себе питание для хозяев, то ребячьи голоса на выгоне, спорящие о том, чья очередь бить по мячу, то тархтение проехавшего мотоцикла.

Даша любила эти мгновения. Это то время, когда она могла побыть одна, совсем одна: работа по дому сделана, ужин готов, муж еще не приехал, а дети уже дома и ждут его возвращения.

Даша сидела на ступеньках крыльца, обняв угловатые коленки, и слушала тишину. Среди разнообразных звуков она слушала тишину. Это просто замечательно: уметь слышать тишину – первородную, первоначальную.

Машина резко затормозила и вывела Дашу из грез. Она отложила свое занятие, пошла открывать ворота для мужа. Юли был угрюм, молчалив. Последние несколько дней он вообще изменился. Подобрался весь изнутри, отстранился и от Даши, и от детей.

За ужином Юли ел молча, не замечая вкуса еды, даже не среагировал на шутки детей. Соня пыталась рассказать ему какую-то историю, происшедшую с ней сегодня, но отец строго перебил:

– Не сегодня.

После ухода детей плотно закрыл дверь на кухне, закурил.

– Юли, сколько раз говорить: не кури в доме, – сразу же сказала Даша, открывая окно.

Он словно не расслышал, сидел за столом и курил. Даша перемыла посуду, поставила пепельницу, потому что он не удосужился подойти к окну и стряхивал пепел прямо на стол.

– Что-то случилось? – встревожилась Даша.

Она вдруг увидела, что он постарел. Вроде утром уезжал один человек, вернулся – другой.

– Юли.

Он спокойно докурил очередную сигарету, неспешно загасил ее, посмотрел на Дашу, указал на стул, приглашая сесть, что она и сделала.

– Поздравляю, мадам, – официально, явно чужим голосом заговорил незнакомый ей человек.

– Прости.

– Поздравляю вас с Джек потом! – растягивая слова и горько улыбаясь, произнес Юли.

– Ты пьян? – не выдержала Даша.

– Нет.

– Тогда что, черт возьми?

– Не сердитесь, мадам...

– Юли, что за тон? – перебила она его.

– Учтивый, как и подобает в подобных ситуациях, – медленно ответил он. – Подождите секундочку, и все встанет на свои места. Хорошо? Вы позволите?

Он достал из шкафа коньяк:

– Мне нужно привести мысли в порядок.

– И для этого выпить? – спросила раздосадованная Даша.

– Именно, мадам, именно.

– Бред какой-то...

Юли налил стакан до краев. Осторожно выпил его, еще, еще. Даша в изумлении смотрела на мужа и не узнавала его.

– Итак, вы готовы Дарья Дмитриевна... Хотя это имя вряд ли теперь подходит. Ну, да бог и ним. Так понятней. Уважаемая Дарья Дмитриевна, спешу сообщить вам радостное событие, что... вернее, события... Их несколько. Не знаю, право, с какого начать. Ну, хотя бы с этого.

Вы, Дарья Дмитриевна, наверное, будете рады узнать, что мои притязания на вас с сегодняшнего дня прекращаются. Не надо округлять глаза. Я, конечно, подозревал, что они не всегда... э... были встречаемы вами с воодушевлением. По большей части вы, как леди, как настоящая леди, стойчески переносили мои посягательства на ваши тело и сердце.

Отсюда вытекает второй, не менее, а возможно более важный момент. А именно... Как я уже сказал, вы настоящая леди. А таковая может родиться от настоящего джентльмена и леди, каковыми являются ваши родители. Ваш отец – английский лорд, член Палаты лордов, мать – тут я затрудняюсь ответить, так как не знаю, здравствует ли она и сегодня.

Предвижу ваше движение к телефону, чтобы вызвать врача с санитарями. То, что я сказал, – правда. Я могу это доказать документами. Вот бумаги, где черным по белому написано, что на основе анализа ДНК вашей и ваших родителей установлено, что вы являетесь дочерью Артура Георгиевича Смита и Магды Брониславовны Кропотовой. Всяческая подтасовка, разумеется, отсутствует, все перепроверено трижды.

И, наконец, последнее, то есть, оно было первым, а только теперь стало последним, но это не важно. Я покидаю вас, мадам. Искренне прошу прощения за причиненные обиды, вольные или невольные... Я не стану размазывать сантименты, постараюсь только по существу. В силу сложившейся ситуации я не могу более находиться в этом доме. Его вы можете, если угодно, сжечь, чтобы он не напоминал обо мне. Я никоим образом не потревожу вас более. Догадываюсь, что вы оградите мое общение с детьми. Что ж, я и к этому готов. Уверен, вы и особенно ваш отец воспитаете из них достойных людей.

Что касается материальной стороны, то упоминание о ней, на мой взгляд, лишнее. Перед вами теперь открыт весь мир с неограниченными возможностями вашего отца.

Желаю вам удачи и счастья. Вещи с вашего позволения заберет Стив.

Он поклонился и вышел из комнаты.

Даша сидела, ничего не понимая, будто при просмотре первых кадров она отсутствовала, потом раз – а уже не понимаешь сути событий, нить потеряна. Она посмотрела на бумаги, лежа-

щие на столе, взяла их, прочитала. Там говорилось, что она, действительно, является дочерью Смита и ... Но кто эти люди? И как в таком случае она оказалась у мамы с папой, которых теперь и мамой с папой не назовешь. Рядом лежала еще одна бумага, подписанная Юли – документ о расторжении брака. Не хватало только ее подписи.

У Даши закружилась голова. Она налила оставшийся коньяк в рюмку, из которой еще не так давно пил Юли, чтобы протрезветь, и сделала то же самое. Стало теплее, но мозг категорически отказывался работать! Она выпила еще – мозг заблокирован! Даша достала из шкафа бутылку водки, решила ее попробовать. Оказывается, закусывать совсем не обязательно... И кто это сказал, что водка противная и пить ее противно?... Выдумки – вода, обычная вода. После четвертой рюмки Даша протянула руку за бутылкой, но не дотянулась. Набухшие веки сомкнулись.

Может, к лучшему, что мозг отказался что-либо воспринимать. Утром она проснется от жуткого сна, они посмеются вместе с Юли: вот умора-то. Но утро не наступило. Теперь вообще утро и день отсутствовали в ее жизни: они исчезли, как дым. Лишь ночь: темная, холодная, длиною в жизнь...

Юли ехал в гарнизон. Из дома он ушел, но находится в месте, где можно в любой момент встретиться с ней или детьми, было выше его сил. По приезде он заперся у себя в комнате и не отвечал ни на звонки, ни на стук в дверь.

Прошло несколько недель, но ясности они не принесли. Первые дни Даша ждала Юли, что он приедет и все объяснит. Она ошиблась. Поняв, что это серьезно, Даша задумалась, скупые строчки из документа не могли ответить на все ее вопросы. Окольными путями пыталась выведать у бабушки, расспрашивая, как и когда ее привезли из роддома. Похоже, бабушка и не подозревала, что она, Даша, не родная ее внучка. Осознав, что Юли не вернется, Даша с детьми ушла к бабушке. Та обрадовалась, запричитала как всегда об ироде неслыханном, на что Даша строго сказала:

– Никто больше не будет произносить его имени в моем присутствии. Никогда, ни при каких обстоятельствах. Всем понятно? Замечательно.

Дети смотрели на нее непонимающими глазами – она не замечала их взглядов.

Поздней осенью Юли вернулся в деревню. Вернее, на полигон. Осунувшийся, постаревший, он много пил, мало разговаривал с окружающими. Его старались не раздражать, хотя сделать это было практически невозможно, потому что его раздражало все. С местными не встречался – посылал вместо себя Стива, либо Семена.

А в селе уже давно спрашивали, где командующий. Сначала сослуживцы говорили, что он в командировке. Что ж, это походило на правду. Но люди видели, как изменилась Даша, поползли слухи, что между командующим и его принцессочкой пробежала черная кошка. Ком все обрастал совершенно фантастическими вымыслами.

– Говорят, у него другая появилась, вот он и ушел от Дашки.

– Да нет, не у него, а у нее, а он их застукал. Машина чужая стояла возле дома.

– У них завсегда много машин стоит.

– Нет, не такая. И мужчина не такой – новый. Так еще страшно зыркнул на меня – все аж заглодело внутри. А потом он вылетит. Дверью хлоп, в машину – и помчался. Стив чего-то приезжал. И все туточки...

– Чего она-то ушла?

– Кто их знает. Оба здесь. Она словно смерть, только глазюки одни остались. Все с себя снимала: кольца, серьги. Идет – губы сжала. А он совсем глаз не кажет. Говорят: дюже пьет. Ни он, ни она к дому ни ногой.

– Странная она все-таки. Все у нее не по-людски. И сходились не по-людски, в хоронючки играли.

– Что ты. Гордячка. Мы недостойны ее внимания. А сама-то вот одна – выдюжит. Эт ведь он все волок: и семью, и ребят, и бабу.

– Ну, детям-то помогает, небось.

– Не знаю, но проведывать ни разу ни приехал, а уж давно здесь. И ребят не видно и не слышно. Живут у Татьяны друг у друга на головах.

– В тесноте да не в обиде.

– Ой. Ну, прям, как при Сталине ты еще вспомни. Сейчас-то другая жизнь, да и они к иному привыкли.

– Это их дело.

– А Татьяна-то чего? Она и раньше не очень жаловала его.

– Молчит. Как в рот воды набрала.

– Да ты что? Знать, и вправду что-то случилось.

Обсуждения шли полным ходом. Всем до жути хотелось хоть одним глазком взглянуть на командующего, но он нигде не показывался и по телефону на звонки не отвечал.

Сонечка мучилась больше всех. Она была его любимицей, он баловал ее, за что часто получал от Даши взбучку. После маминого заявления о табу на имя отца Соня решила, что надо все равно что-то сделать, хотя бы выяснить, в чем дело. Сказала об этом братьям. Рассудительный Стас ответил:

– Может, они без тебя разберутся. Не видишь разве, как маме тяжело.

– Вот дурак. Так я же как раз и хочу ей помочь.

– Если мама не сочла нужным ничего нам объяснить, значит, на то есть причины, – не сдавался Стас.

– А я хочу знать, – упорствовала Соня.

– Когда-нибудь узнаешь.

– Когда-нибудь? Я хочу сейчас, – капризничала Соня.

– Вот заладила. Сейчас, сейчас. Сейчас ты еще маленькая, памперсы только перестала носить. Много ты можешь понять?

– А вот и многое, – обиделась Соня. – И памперсы я перестала носить давно.

– Да, конечно, нам ведь целых семь лет. Какой огромный жизненный опыт.

– Слушай ты, профессор кислых щей, и без вас обойдусь. Можете сидеть и ждать, пока не состаритесь, глядишь, перед смертью узнаете, почему мама с папой разошлись, а я ждать не хочу и не буду.

– И чего же ты будешь делать? – спросил Юра.

– Пойду к папе и спрошу у него, – сказала девочка.

– Как оказывается просто. Она пойдет и спросит. А кто тебя пустит к нему? – закричал Стас.

– Как это кто? Меня что могут не пустить? – опешила сестренка.

– Могут, – серьезно ответил Юра. – Мы ходили – нас не пустили. Сказали: приказ командующего, то есть папин приказ.

Соня не спала всю ночь. Чтобы папа, ее папа, отдал такой приказ – в голове не укладывалось. Это выше ее детского понимания. Нет, она не будет Софьей Юлиусовной Бланки, дочерью своего отца, если не разгадает эту шараду. А их-то она наловчилась разгадывать: папа научил. Папа. Слезы навернулись на глаза, и она заплакала.

У Сони было упорство матери и взбалмошность отца. Она могла сделать, сказать что угодно и кому угодно. Не пропускают по приказу командующего. Да сколько угодно! Она найдет другой путь. У них с папой есть свои тропки-дорожки на полигон. Однако Соне пришлось

сильно удивиться и задуматься, крепко, не по-детски задуматься. Все их лазы были либо тщательно забиты, либо заставлены так, что через них не было возможности попасть на территорию полигона. Кроме того, Соня увидела усиленные караулы с ... собаками. Папа! На своих детей с собаками. Вечером она ничего не съела. На вопрос, не заболела ли она, молча пожалала плечами и пошла спать.

– Ну, что, убедилась? – спросил Стас.

Они с братом поняли, почему она отказалась от ужина.

Соня замкнулась в себе. Она, разумеется, не собиралась оставлять своих попыток. Просто теперь решила действовать по-другому. Надо прийти к папе и сразу его огорошить, чтобы он не успел выгнать ее. Но где найти то, что заставит его удивиться, ведь он редко это делает. Соня стала настоящей шпионкой. Она знала, что копаться в чужих вещах – нехорошо, но по-другому не получалось. Если бы взрослые удосужились объяснить, хоть самую малость, в чем дело, она бы никогда не решилась ни на обман, ни на копание в маминых вещах.

Сказавшись наутро больной, Соня осталась дома только с бабушкой. Брать ее в союзники, конечно же, нельзя. Девочка знала, что бабушка недолюбливала папу. Но и избавиться от нее тоже было проблемой. Тогда Соня решилась на обман.

– Бабулечка, – больным голоском проговорила она.

– Чего, моя касатка? Чего, моя кровинка? – баба Таня заспешила к внучке.

– Бабуль, как хочется мороженого.

– Мороженого? Так, милая, а вдруг у тебя горлышко заболит?

– Не заболит.

– А где болит?

– Не знаю, как будто везде.

– Ой, господи, грехи наши тяжкие. Чего ж это с тобой? Да я сбегала б в магазин, а ты тут как?

– А я полежу, – спокойно ответила Соня.

– Полежишь. Ну, чего ж, полежи, – засуетилась баба Таня, подтыкая одеяло вокруг внучки. – Полежи, я мигом.

– Не надо мигом, – перебила ее Соня. – Ты старенькая: заспешешь – упадешь.

– Ничего, ничего. Ты лежи, моя хорошая.

Как только дверь закрылась, Соня соскользнула с постели, подбежала к окну, подождала, пока бабушка скроется за поворотом, и пошла в мамину комнату. Она проверила все ящики – ничего. Выходит, она зря старалась. В фильмах всегда находится какой-нибудь документ, записка. А тут ничего. Соня разочаровалась. Нет. Надо думать логически, как учил папа. Папа... Стоп... Слезы потом... И так... Мама ведь тоже не глупая. Она знает, что у многих есть к ней вопросы, на которые она по непонятным пока причинам не хочет отвечать. Наверное, есть какая-нибудь зацепка, очень важная. Нормальный человек положил бы ее в сейф – его здесь нет. В ящик стола и запер бы его. Нет. Слишком просто. Мама могла догадаться, что дети рано или поздно могут открыть ящик. Где же тогда, где? Эврика! Ну, конечно. Еще папа говорил – положи в самое необычное место. У него частенько фляжка с коньяком лежала в кровати ее куклы. Соня стала искать в маминых тетрадях, планах уроков и нашла две бумаги.

К обеду она действительно заболела. Принесенное мороженое не порадовало ее – она даже не прикоснулась к нему.

– Соня, я вызову врача. У тебя жар, – сказала мама.

– Все равно.

– Что значит все равно? А если совсем разболеешься? Придется в больницу ложиться.

– Все равно.

– Соня, черт побери, – не выдержала Даша. – Что за тон?

Девочка пожалала плечами.

– Мама, можно я уйду к папе? – вдруг спросила она.

– Что?

Даша сидела бледная, как мел, не совсем осознавая, что сейчас сказала ее дочь. Наконец, спросила:

– Ты хочешь быть с ним?

– Я хочу быть с вами обоими, но это вряд ли возможно. Тогда кто-то должен остаться с ним. Мальчишки поодиночке друг от друга не могут. Тебе потерять двоих – много. Остаюсь я.

Даша посмотрела на дочь. Она считала Соню избалованным ребенком, любимицей мужа, а перед нею сидела взрослая девочка и рассуждала совсем не по-детски.

– Ты из-за этого больна, Сонечка?

– Не знаю. Мамочка, я тебя очень-преочень люблю, но пойми. Он совсем один. Отпусти меня, пожалуйста. Я буду к тебе приходить, буду делиться всем, но и с ним тоже.

– Хорошо. Будь по-твоему. Завтра...

– Нет, мамочка. Я пойду сегодня.

– Соня, ты с ума сошла. Во-первых, ты больна, во-вторых, уже темно на улице, в-третьих, на улице снег с дождем.

– Мама, ты меня не убедишь.

Соня решительно встала и начала одеваться.

– Я просто не пушу тебя.

– Почему тогда ты отпустила папу? Надо было так же сказать ему.

– Он не спросил моего мнения.

– Значит, и я больше не буду спрашивать.

Соня складывала учебники в рюкзак.

– Софья, я ...

– Не надо, мама. Я такая же упрямая, как ты. Может, даже еще упрямее, лучше отпусти.

– Ты посмотри, что на улице.

– Я хорошо знаю дорогу, и меня никто не тронет, ты же знаешь.

– А если он тебя не пустит? Если его нет, в конце концов?

– Только пусть попробует.

Девочка оделась и вышла из комнаты. Даша не пошла за ней: нет смысла.

Был десятый час вечера. Юли тупо смотрел на очередную пустую бутылку. Когда дверь отворилась и вошла Соня, ему показалось, что перед ним привидение. Но привидение не собиралось исчезать. Оно, громко хлопнув дверью, скинуло с себя рюкзак, подошло к столу и опрокинуло все бутылки разом. От грохота Юли очнулся.

– Ты кто?

– Твоя дочь.

– Как ты здесь оказалась?

– Пришла.

– Я запретил...

– Я знаю.

– Тебе давно пора быть в кровати.

– Тебя не спросила, чего мне пора, а чего нет.

– Слушай, пигалица, я тебя сюда не звал. Пошла вон.

– Обломаешься.

– Чего?

– Чего слышал.

Юли замолчал. Он знал характер дочери: нахрапом не возьмешь. Ладно.

– Так, может, все-таки скажешь, зачем пожаловала?

– Кто такой Артур Смит?

Юли выпрямился, словно от удара, поставил стакан и сразу протрезвел.

– Повторить вопрос?

– Нет. Я хорошо расслышал. Это твой дед...

– И?

– Это что допрос?

– Да.

После нескольких минут молчания все-таки выдавил из себя:

– Он мой приемный брат.

Но и этот ответ не удовлетворил Соню:

– И?

– Черт, ты разбила все бутылки. Выпить нечего...

Юли, действительно, искал спиртное.

– Не уходи от ответа.

– Слушай, малолетняя фашистка... – встретился взглядом и ожегся. Такое уже было с ним и с ней. Только тогда ее звали по-другому – Даша.

– Он застрелил мою жену и ребенка.

– Доказательства есть?

– Чего есть? – опешил Юли.

– Ты же юрист. Сам сколько раз говорил о презумпции невиновности.

– По-моему, я слишком многое говорил тебе, теперь пожинаю плоды своей разговорчивости. Я удовлетворил твое любопытство?

– Не совсем.

– Ну, и так сойдет. Сделай милость, удовлетвори мое. Зачем пришла?

– Глупее вопроса трудно представить.

Соня скинула мусор со стула и села на него:

– Что за бардак развел. Может, и тараканы есть?

– Может, и есть, да не про вашу честь.

– Так, ладно. Порядок будем наводить завтра. Сегодня я очень устала, к тому же я больна.

Соня решительно сняла куртку, шапку, ботинки.

– Я хочу спать.

Юли поднялся с дивана, уступая место дочери

– И ты на этом спишь? Фу, какая гадость, – Соня смотрела на грязную постель.

Юли стало стыдно. Он вышел в коридор, но вернулся быстро и с чистым бельем. Они вместе застелили постель. Соня с помощью отца разделась и легла, почти тотчас уснула. Засыпала, все время вздрагивая и всхлипывая невыплаканными слезами. Юли сидел рядом. Он гладил ее по руке, волосам, целовал нахмуренный лобик. Под утро, успокоившись, девочка заснула крепким детским сном, улыбаясь, как в прошлой жизни, будто ничего не было. Юли смотрел на улыбку дочери и впервые за эти месяцы задумался: правильно ли он поступил. К удивлению, однозначного ответа не находил.

Когда Соня проснулась, увидела, что в комнате наблюдается подобие порядка: бутылки отсутствовали, мебель расставлена, как ей положено, на стуле аккуратно сложены ее вещи. На столе завтрак. Соня с удовольствием потянулась и сладко улыбнулась. На пороге появился папа. Ее настоящий, а не тот незнакомец с недельной щетиной в грязной рубашке со стаканом в руке.

– Проснулась?

– Да. Доброе утро.

– Доброе, доброе.

Они пили какао, ели тосты с мармеладом.

– Мне рассказали о твоих вчерашних чудачествах.

– О чем?

– О том, как ты пообещала караульным простоять всю ночь под дождем и снегом, умереть, а потом с того света наблюдать, как я их расстреляю.

– В чем фишка?

– В твоём упрямстве.

– Ну, раз я такая упрямая, может, нет смысла со мною спорить?

– Э, нет, мадмуазель. Так не пойдет. Мало ли до чего ты можешь пойти в своих фантазиях.

– Встретиться со Смитом, например.

Соня осторожно откусила кусочек тоста. Юли поперхнулся. Откашливаясь, он посмотрел на испорченную рубашку – облился какао.

– Поела?

– Да.

– Замечательно. Одевайся.

Он взял ее рюкзак, и они пошли к караульному посту. Подойдя туда, Юли передал рюкзак дочери и, обращаясь к дежурному, отчеканил резко и категорично:

– Если вы увидите эту особу еще раз на территории полигона – разрешаю ее пристрелить.

Развернулся на сто восемьдесят градусов и пошел, ни разу не оглянувшись.

Соня снова зашла в тупик. Ладно: один – один. Вчера я, сегодня ты. Но ход-то за мной.

Партия только началась.

– Вашего командира надо в психушке лечить, вы не находите?

Караульные в этом не сомневались.

Соня пошла по дороге. Ну, и куда теперь? Она медленно брела по припорошенной дороге. Ее следы, маленькие и не очень уверенные, были первыми. Вдруг затормозила машина. Это дядя Семен.

– Садись, Соня.

– Спасибо. Вы далеко?

– В райцентр.

– А меня возьмете с собой?

– Знаешь, я не уверен...

– Я тоже теперь ни в чем не уверена. От мамы я ушла сама, а папа меня выгнал.

– Он любит тебя.

– Мне от этого не легче.

– Что ты будешь делать в районе?

– Попрожу, потом вернусь на автобусе.

– Деньги есть?

– Да.

– Хорошо. Только не подведи меня. Юли, если что, шкуру спустит.

– Не подведу.

Семен высадил ее около парка. Она бродила по аллеям. Как-то папа рассказывал, что здесь целовал маму. Интересно, где? Проголодавшись, Соня полезла в рюкзак за деньгами. Из дневника выпал листочек с номером телефона. Ну, конечно же! Что она за дура! Сколько времени потеряла...

– Артур Георгиевич? Я правильно произношу ваше имя?

– Да.

– Это Софья Юлиусовна Бланки.

– ?

– Мы можем с вами встретиться?

– ?

– Скажем сегодня. Я буду ждать вас в парке Октябрьского района. Я никуда не уйду. Хорошо?

– Секунду. Насколько я смог понять, Октябрьский район находится где-то в России. Я же сейчас в Дании. И сегодня вечером не смогу оказаться в парке.

– Черт!

– Ты одна?

– Да.

– Тебе есть где переночевать?

– Ну...

– Я пришлю за тобой человека. Жди.

Уже совсем стемнело. Она была не из трусливых, но все-таки предательский холодок нет-нет, да и пробежал между лопаток. Становилось холодно, снова пошел снег. Соня забралась на скамейку, сжалась в комочек и ждала. Не заметила, как задремала. Очнулась от прикосновения руки. Спросонья не поняла, где она.

– Добрый вечер. Вы, вероятно, Софья Юлиусовна Бланки?

– Да, – стуча зубами от холода, ответила она.

– Идемте.

Человек в пальто говорил с нерусским акцентом. Он повернулся и пошел по аллее к выходу. Соня прыгнула со скамейки. Ноги затекли и плохо слушались. Тяжелый рюкзак тянул к земле. Не было сил идти, хотелось к папе на колени, слушать мамины наставления ему по поводу неправильного воспитания дочери, ее, Сони. Хотелось маминых тартинок с мармеладом. Тепла. Ласки. Соня закусил губы до крови, чтобы не расплакаться, но предательские слезы текли и текли по лицу. Она еле ковыляла, так ей казалось. Человек уже стоял у входа в освещенном свете фар, а она не прошла и половины пути. Оказавшись на сидении, она тут же заснула, всхлипывая во сне.

Первое, что она увидела, очнувшись, – незнакомое усталое и нахмуренное лицо, склоненное над нею. Мужчина, встретившись с нею взглядом, отошел, сел в кресло и стал, успокаиваясь, рассматривать гостью. Она тоже наблюдала за ним.

Вот оказывается, какой он. То, что это Артур Смит, она догадалась сразу сердцем. Неужели этот человек способен кого-то убить?

Глаза непроницаемые, зашторенные от посторонних. Волевой лоб со складками – много думает – решила про себя Соня. Прямой нос напоминал Юли. Волевой подбородок с ямочкой посередине. Губы плотно сжаты. У этого вряд ли чего допытаешься. Да, пожалуй, он может сделать все. И руки сильные. У папы тоже сильные. Подбросит под потолок, и дух захватывает от полета. Но знаешь, что обязательно снова окажешься в его руках.

Соня с интересом осмотрела комнату, в которой находилась. Хотелось есть и пить. Она села на кровати, расправляя складки одеяла. Что это на ней надето? Чья-то сорочка. Вероятно, его.

– Если ты окончательно проснулась, то я распоряжусь насчет завтрака. Одежду сейчас принесут.

Соня тщательно умылась, даже уши, почистила зубы. Она увидела щетку в стакане, поняла, что это для нее, потому что рядом лежала детская зубная паста. Вряд ли взрослый человек станет чистить зубы детской пастой. Проблема с волосами. Она не могла заплести их так хорошо, как это делала мама, а они топорщились во все стороны. Вот пугало так пугало. Соня смочила щетку и попробовала их хоть чуточку уложить, вроде получилось. Еще раз оглядев себя в зеркало, осталась удовлетворенной. Ну, что ж, идемте знакомиться.

Мужчина сидел за столом, но к завтраку не приступал. Человек помог ей придвинуть стул. Интересно, это что – лакей?

– Нет, это не лакей, а мой помощник.

Соня вздрогнула. Она не задавала вопроса вслух. Надо быть осторожней. Завтракали молча. Соня не привыкла к такой звенящей тишине, но ей так хотелось есть, что все вопросы она оставила на потом. Она сидела на противоположном от Смита конце стола, помощник посередине. Он периодически пододвигал ей блюда. Когда она взяла последнее пирожное, он встал, сходил на кухню и принес целую тарелку.

Артур уже давно закончил свой завтрак и с неподдельным испугом смотрел на маленькую троглодитку, заставившую его бросить все дела и прилететь в Россию.

– Не боишься лопнуть? – спросил он, видя, что и с новой тарелки пирожные исчезают все с той же быстротой.

– А ты положи и отойди... – Соня облизывала испачканные пальчики.

Артур улыбнулся первый раз со времени ее появления.

– Можно с собой? – спросила она, показывая на оставшиеся пирожные.

– Можно. Правда, вряд ли они куда-нибудь денутся. Мы с Карлом не питаемся пирожными.

– И коробку, если можно.

Карл принес коробку. Соня со знанием дела уложила в нее оставшиеся пирожные.

– А где мой рюкзак? – спросила девочка.

Карл принес и его. Соня аккуратно положила коробку в рюкзак, застегнула его. Встретив непонимающий взгляд Артура, ответила:

– Очень вкусные. Сейчас я больше съесть не могу, а когда вы меня выгоните, они мне очень пригодятся.

– С чего ты взяла, что я выгоню тебя?

– Не знаю, но все может быть. Я теперь уже ни в чем не уверена. Папа выгнал меня и велел пристрелить, если я вернусь снова.

– За что?

– Я спросила его о встречи с вами.

Артур молчал. Его поразила эта детская неподдельность чувств. Не имея опыта общения с детьми, он не знал, как следует вести себя в их обществе, тем более в таком случае.

– Я не выгоню тебя, что бы ты ни сказала и о чем бы ни спросила, – сказал он.

– Честно?

– Да. Карл, отнеси рюкзак в ее комнату. Ну, а мы, мадмуазель, идемте ко мне в кабинет. Там и поговорим.

Соня уютно расположилась в кресле, забравшись в него прямо с ногами. Она смотрела на язычки пламени в камине и ждала. Артур откинулся на спинку кресла, перекинул ногу на ногу, закурил сигару.

– Итак, молодая особа, что бы вы хотели знать?

– А как же вы из Дании к утру успели? – вдруг вспомнила Соня.

– Очень просто. Я прилетел три дня назад. Когда Карл привез тебя, ты спала непробудным сном и плакала. Ему не удалось тебя разбудить, он позвонил мне. Я распорядился, чтобы тебе сделали укол, после которого ты отдыхала несколько суток.

– А если бы я дальше отдыхала, как вы говорите?

– Не скрою: я начал беспокоиться. Обычно этот укол легко переносится людьми. Похоже, что ты необычная. Тем не менее, ты проснулась бодрой со зверским аппетитом.

– Тогда ясно... Начну по порядку.

И Соня рассказала, как они с мамой и ребятами оказались у бабушки, как имя папы стало табу, как она нашла странные, на ее взгляд, документы, как решила жить с папой, как спросила у папы о нем, Артуре Смите, как папа выгнал ее.

– Это правда, что вы папин брат?

– Да, правда, мы не родные. Но по паспорту, настоящему паспорту, я – Бланки. Меня усыновили в четыре года. Так же, как и Стива.

– А то, что вы убили папину жену и ребенка?

– И это правда.

– Послушайте, просто так ничего не бывает. Значит, была какая-то причина?

– Нет, причины убивать не было.

– Ну, тогда не знаю. По неосторожности... У папы тоже вечно пистолет заряжен. Мама ругается, а он не слушается.

– Я осторожно обращаюсь с оружием.

– Послушайте, – не выдержала девочка. – Вы что думаете, мне больше делать нечего, как смотреть на дураков взрослых. Я – ребенок. Я хочу в куклы играть, а не бродить ночью по улице и думать, правда или нет мой родной дедушка убил папину жену и ребенка. Я хочу жить с папой и мамой, потому что очень их люблю! И они меня! И друг друга любят! А из-за вашего молчания они тоже молчат и мучаются, и меня мучают!..

Девочка упала в кресло и заплакала. Артур подошел к камину, поправил кочергой горящие поленья. Он стоял совсем близко от девочки и не знал, как ей помочь: не умел. Она сотрясалась от рыданий.

Никто никогда не спрашивал его, а что, собственно, произошло. И меньше всего он ожидал, что подобный вопрос задаст ему семилетняя девочка, его внучка, его кровь и плоть. Меньше всего он рассчитывал на ее понимание. Она не удовлетворилась ни одной из предложенных им версий. Она, дочь Юлиуса Бланки, пришла защитить его Артура Смита, убийцу и смертного врага своего отца. Нонсенс! Артур снял пиджак, осторожно прикрыл им трясущегося ребенка, сел рядом на ковер.

– Не плачь, пожалуйста, – по-доброму сказал он. – Я расскажу, а верить или нет – твое дело.

И непроницаемость спала, шторы исчезли. За ними оказался свет. Не ослепляющий, а мягкий, покойный, ровный. Свет вечности. Он не отпугивал, а давал надежду. Через глаза Сонечка заглянула в душу, необычайную и безграничную. Она дарила теплоту солнечного дня, успокоительную прохладу звездной ночи, свежесть морского бриза. Не требуя ничего взамен, отдавала без возврата самое сокровенное, самое срединное.

Соня, затаив дыхание, слушала неторопливый рассказ Артура. Он давал возможность ей задавать вопросы, но их не было. Она верила безоговорочно, ей не нужны были доказательства, факты. Достаточно взглянуть в его глаза – они не могут говорить неправду.

Когда он закончил, она подалась к нему, обняла маленькими ручонками:

– Бедненький!

Впервые в жизни Артур растерялся. Он пытался совладать с собой – не получалось. Чувствуя, что сейчас надо что-то сделать, схватил в охапку ребенка и зарылся в ее волосах. Соня гладила его колотящееся сердце, сидя у него на коленях. Шли секунды, минуты, столетия – шло время. Успокоившись, он смог трезво мыслить.

– Думаю, мы просидели здесь ни один час. У меня возникло предположение, что ты проголодалась. Как ты смотришь на то, чтобы, – Артур вынул часы из кармана, – поужинать?

– Так мы же не пообедали, – возмутилась Соня.

– Что ж, тогда и обед, и ужин. Ты не против? Вот и чудно.

У Сони был отменный аппетит. К тому же теперь она уверена, что правда на ее стороне, а вдобавок у нее есть сторонник.

– Почему ты не рассказал никому? – вдруг спросила она.

– Соня, ты ребенок со своим миром фантазии. Нормальный человек, взрослый человек, поверить в это не может.

– А мама говорит, что папа и нормальность как два полюса: плюс и минус.

Артур улыбнулся. Более правильного определения к характеру Юли трудно подыскать.

– Похоже, твоя мама много критикует папу.

– Много? Это мягко сказано, – засмеялась Соня.

– Тогда зачем она вышла за него замуж?

– А у нее выхода не было. Пришел и сказал: выходи замуж, а у самого пистолет в кармане.

– Он его доставал?

– Нет, до этого не дошло, но по зубам от мамы получил. Спасибо бабушке, то есть я уж теперь и не знаю, как его называть – все равно бабушка. Так вот, он уговорил маму пойти к нему домой. Представляешь, папа строил дом для мамы, а ей об этом не сказал, думал, что сама догадается. А она подумала, что он на нее поспорил, ну и так... всякая бяка. А все потому, что лишний раз слово друг другу не могли сказать – не доверяли, думали каждый поодиночке. А мама, она очень недоверчивая. А он как шторм: придет и давай бедлам устраивать. Мама только головой качает. Варенье варит, к примеру. А он же соскучился. Придет ей помогать – разольет чего-нибудь. Она ругается. Он сядет просто так, смотрит на нее – она опять прогоняет. Никогда не поймет, что ему с ней хочется побыть.

Артур перестал жевать.

– Знаешь, я думаю, он все время спешил быть счастливым, потому что знал, что рано или поздно счастье кончится. Вот и подгонял, не давал передышки. Он ведь намного старше мамы, а мама не любит спешки. Ей надо посидеть, подумать, все взвесить. Темпераменты разные. Она даже полюбить его не успела. Вернее, она его, конечно, любит, просто сама пока не знает, насколько сильно.

– Соня, – перебил ее Артур. – Сколько тебе лет?

– Семь.

– Не верю. Семилетний ребенок не может так рассуждать.

– Поживешь со взрослыми, да еще с такими, как вы, не тому научишься.

– Это ненормально.

– Значит я – аномалия. А что, Софья Юлиусовна Бланки – аномальный ребенок-гений! Классно, правда? Лучше бы я была самой-пресамой обычной, только бы мама с папой были вместе...

После ужина они посидели еще немного, и Соня пошла спать. Впечатления сегодняшнего дня сморили девочку. Артур, как и все предыдущие ночи, не сомкнул глаз. На следующее утро он спросил у Сони:

– Что ты собираешься делать дальше?

– Как это что? – удивилась девочка. – Дел непочатый край: помирить папу с мамой, тебя с женой, папу с тобой...

– Стоп, стоп, стоп. Остановись на секунду. Только на одну секунду. Не кажется ли тебе, что ты, не обижайся, пожалуйста, немного переоцениваешь свои возможности?

– Ничего подобного. Это ты недооцениваешь, насколько папа любит меня и маму. К тому же, ты ведь мне поможешь?

– Уж не знаю, что и сказать. Я уже «помог», если так можно выразиться, твоим родителям.

– А как ты вообще догадался, что ты мамин папа?

– Честно, такая мысль мне приходила в голову менее всего. Я думал о другом.

– О чем?

– Соня, это... не совсем то...

– Не юли, говори правду.

– Я думал, что Даша – дочь Юли.

– О, боже! А если бы это была правда!

– Вот-вот, – видя смятение девочки, заметил Артур. – После всего, что случилось, я готов верить и в бога, и в дьявола. Причем, в последнего в большей мере. А о том, что Даша – моя дочь, я даже не помышлял. Честно.

– Но почему? Почему именно мама, а не кто-то другой?

– Я слышал от Ритуса, что Юли помешан на собственной жене. Ты вчера говорила о том же самом. Да-да. Говорила по-другому, по-своему, по-детски. Но я знал, как он любил Крис. Вряд ли ты поймешь, детка. Он ради нее мог звезды с неба достать. Чтобы забыть Крис, нужна такая нечеловеческая сила, которая способна затмить ее. Вот в чем фишка. Я рассуждал логически и пришел к выводу, что таким человеком может быть только воплощение его и Крис, то есть, их дитя. Поняла? Я это держал при себе. Я знал, что Даша родила тройняшек. Что-то невероятное. Но опять-таки из скупых рассказов Ритуса знал, что дети все нормальные. Я оставил эту идею фикс.

Вернувшись несколько месяцев назад в страну, случайно узнал, что у Юли погибли тесть с тещей. Не удержался: послал Карла разузнать – несчастный случай или нет. Оказалось – нет. Их убили преднамеренно. И единственный ключик к этой головоломке – Юли – отец Даши. Я так понимаю, что убийцы рассуждали именно так.

– Не понимаю, при чем здесь бабушка с дедушкой?

– О, это, моя хорошая, другая, совершенно другая истории. Ей здесь не место и не время. Когда приехал к вам домой, я удивился. Это теперь, в свете последних событий, понимаю, чем был сбит с толку. Я ожидал увидеть не то, совсем не то, а увидел собственную дочь, не понимая этого. Такое бывает. Если взять книгу и очень близко поднести к глазам, то ты не сможешь прочитать ни слова, потому что нарушена точка расстояния. Я, честно, растерялся. Если бы Юли не заявился так быстро, может, и додумался, но его разведка сработала моментально: не прошло и пяти минут, как он был на месте. Он ведь подумал, что я приехал убить твою маму. Юли не дурак... Думаю, он тоже не поверил в несчастный случай, сопоставив детали. Разница в том, что убийцей он считал и сейчас считает меня. Да-да, не удивляйся. Несколько месяцев он был настороже, а тут заявляется киллер в дом, причем, убивший его первую жену. Есть над чем задуматься. Представь себя на его месте. Вот так-то. Как видишь, моя помощь оказалась отрицательной.

– И ни чуточки не отрицательной. Не говори ерунды. Во-первых, мы знаем, что мама – не папина дочь. Во-вторых, ты нашел свою дочь. Но почему она оказалась у...

Соня замолчала. Она прошептала чуть слышно:

– Ты что-нибудь знаешь о своей жене?

– Нет. Она запретила о себе спрашивать.

– Ну и дурак. Если бы папа следовал всем маминым запретам, то, то... ни меня, ни братьев не было бы на свете.

Артур засмеялся:

– Метко подмечено.

И уже серьезно добавил:

– Я дал честное слово.

– Это хуже, но столько лет прошло. Может, она передумала. Может, ей нужна твоя помощь.

– Может, ее нет в живых. Даже вероятнее всего, тем более, что дочь оказалась удочеренной в младенчестве.

– Почему ты так решил?

– Ты же больше не нашла никаких документов? Значит, ее взяли прямо из роддома и сразу записали на свою фамилию.

– Артур, зачем гадать? Почему бы не узнать. Пошли своего помощника, Карла, по-моему. Вот все и выясним. Я думаю, я просто уверена, что твоя жена жива.

– Почему?

– У хорошего человека рано или поздно должно быть все хорошо.

– Ребенок ты ребенок.

– Устами ребенка гласит истина – так всегда папа говорит.

– Хотелось бы верить. Что ж, пожалуй, я послушаюсь твоего совета. Карл.

Отдав распоряжения, Артур обратился к Соне:

– Ну, а тебе, я думаю, пора возвращаться к маме и попытаться помирить своих родителей.

– Еще чего! – Соня сложила руку на груди. – Сначала я займусь тобой.

– Соня, не говори ерунды, – строго перебил ее Артур.

– Это ты не пытайся меня переспорить. Тебе не удалось это сделать со своей женой, а со мной тем более. Это, во-первых. А во-вторых, ты дал слово, что не будешь меня выгонять.

– Там же родители беспокоятся.

– Ничего. Возможно, им будет обоим на пользу. Горе сближает.

– Соня, это жестоко.

– А не жестоко выгонять собственную дочь и ...

– Замолчи... Ты должна забыть этот момент. Не было его. Слышишь, не было. Юли погорячился. Просто он хотел дать понять, насколько это серьезно. Согласен, вышло не так, как он хотел, но это не правда. Ты сама говорила, как любит тебя папа.

– Больше жизни.

– Вот видишь, малышка. А теперь представь, что он будет чувствовать, когда узнает о твоём отсутствии, вспоминая при этом вашу последнюю встречу.

– Бедный папочка! – заплакала девочка. – Но, все равно. Я чувствую, что должна быть здесь, с тобой. Вместе мы сможем что-то сделать, поодиночке – нет.

– Детка, не волнуйся. У меня есть помощники. Нет, Карл не в счет. Ритус, например.

– Да, Ритус – хороший помощник, но нам ведь надо помирить тебя с папой. Я буду запасным вариантом.

– Ты отдаешь себе отчет в том, к чему может привести этот «запасной вариант»?

– Да.

– Соня. Ты молодец, умница, но не вставай под пули.

– Их не будет.

– Соня.

– Я устала. Все последние дни, даже недели, я только и занимаюсь, что решаю взрослые проблемы. Я хочу поиграть во что-нибудь детское.

Артур осекся.

– Прости. Что ты хочешь? Я... никогда не играл с детьми.

– Это заметно, но я тебя научу. Что ты умеешь делать лучше всего?

Артур смутился.

– Вообще-то стрелять.

– У тебя есть тир?

– Да.

– Пошли.

Спустя несколько дней вернулся Карл. Сердце Сони оказалось право и на этот раз. Магда жива. Но какой сюрприз ждал Артура. Он не знал: радоваться ему или плакать.

– Карл, возможно, ты ошибся?

– Нет: результаты ДНК не врут.

Это непостижимо. Он слепец, а не мудрец, как иногда считал себя. К тому же глупец. Была глубокая ночь. Артур отпустил Карла отдыхать, хотел выпить – толку. Тогда вспомнил, что есть человек, с которым можно поделиться самым сокровенным, и он отправился к Соне.

Сонная девочка села на кровати и, зевая, спросила:

– Что?

– Вот. Магда жива, Карл узнал ее адрес. Она директор детского интерната-лицея. Но ты не поверишь: у нее есть сын. Мой сын, Соня. Они двойняшки с твоей мамой.

– Класс!

– Это еще цветочки. Ягодки впереди.

– А есть и ягодки?

– Еще какие. Мой сын служит в ЭСВ. Более того, ты его знаешь. Это Юра.

– Юра? Адъютант Ритуса? Не смейся.

Но Артур был серьезен.

– Вот так класс! – ошалела Соня.

– Да уж! Я с тобой согласен... Он бывал у меня не раз по поручениям Ритуса. Я даже как-то давал ему билеты в оперу...

На следующее утро они как всегда сидели за столом и размышляли о плане дальнейших действий, но их размышления были прерваны. После стрельбы и драки на пороге появился Юли. Он целился в Артура и уже собирался нажать на курок, когда услышал Соню:

– Ну вот, весь завтрак испортил. Тебе мама сколько раз говорила, не вваливайся в дом с оружием в руках. Так и будешь стоять? Автомат опусти.

Она уже стояла между Юли и Артуром на линии огня. Артур, увидев это, дернул девочку прочь. Юли, испугавшись, что выстрелит в дочь, отбросил автомат и прыгнул в сторону Артура, сшиб его с ног, с размаху ударил по челюсти. Что-то хрустнуло, вероятно, зубы. Артур хотел подняться, но получил удар в грудь. А дальше случилось то, чего никто не ожидал. Соня, плача навзрыд, стреляла из автомата в воздух.

– Детка, все хорошо, – очнулся Юли. – Я заберу тебя отсюда. Сейчас мы пойдем с тобой.

– Нет, – кричала девочка.

И снова очередь.

– Прекрати истерику, – спокойно сказал Артур.

Он уже стоял у стола и вытирал салфеткой разбитую губу.

– Все нормально, как видишь. Всего-то пара выбитых зубов. Стоит из-за этого палить.

Девочка всхлипывала.

– Положи автомат, – продолжал Артур. – Мы не будем ни стрелять, ни драться. Честное слово.

Соня подошла к Артуру и отдала ему автомат.

– Завтрак стынет, – заметил он.

Соня села за стол и сквозь слезы начала есть. Юли смотрел на всхлипывающую дочь, с трудом понимая, что здесь происходит. Так ничего не поняв, молча вышел из дома. Около ворот его догнала Соня, раздетая, растрепанная, взволнованная.

– Папа, папа, папочка! Как же ты не поймешь... ну, не убивал он Кристину... Он хотел ее спасти... Она была без сознания... у нее болезнь... то же, что у Ритуса... Он...он...хотел выстрелить, чтобы привести в чувство, а она дернулась, пистолет соскользнул, и пуля попала в сердце...

Девочка гладила отца по руке, а он смотрел стеклянными глазами сквозь нее и время.

– Он сказал мне, что убил ее.

– Да. Так и получилось...почти.

- Он дал честное слово, а он никогда не врет. Я ему поверил.
- Я ему тоже верю и тебе верю. Папа, папочка, что с тобой? Папа!..

Вопль Сони заставил Артура слететь со ступенек дома. У ворот лежал Юли, а над ним визжала девочка. Карл пытался осмотреть Юли, тот не подавал признаков жизни. Артур ударил Сою по лицу:

- Прекрати, – и обратился к Карлу. – Что с ним?
- Похоже на сердечный приступ.

Наутро Соня проснулась от ощущения боли во всем теле. Она плохо помнила кошмар предыдущего дня, только фрагменты. Вот папа, лежащий на снегу. Вот Артур, бьющий ее по лицу. Опять Артур, несущий ее домой. Она сама, колотящая и кусающая Артура. Укол. Тишина. Соня потрогала щеку. Она раздулась, будто там был флюс. «Папа, папа умер!» – решила она и замерла, ожидая, что сейчас наступит конец света. Но конец света не наступал. Звонящая тишина давила. Уж лучше бы пришел и застрелил ее...

Дверь отворилась, и вошел Артур. Нахмурившись, посмотрел на Сою. Та с трудом узнала его: все лицо исцарапано, под глазом синяк, руки забинтованы.

– Любуешься на свое произведение искусства? – спросил он, присаживаясь в кресло. На кровать не рискнул. – Успокоилась? Можешь думать трезво?

Соня молчала.

– Ну, слава богу. Молчи, только не вопи, и не кусайся, и не царапайся, и не дерись, и не матерись. Да-да. Это все ты в одном лице. Насчет Юли: он жив, но болен и тяжело. У него инфаркт, пришлось отправить в больницу. Вот так-то. До тебя дошло, что я сказал?

Соня молча кивнула.

– Хорошо. Ты спустишься к завтраку или подать сюда?

– Сюда.

– Хорошо.

– Когда можно к папе?

– Завтра полетим.

– Почему не сегодня?

– Потому что у меня нет визы на тебя – его отправили в Германию.

Спустя два дня Соня сидела в палате у папы. Вчера врачи наотрез отказались пускать кого-либо к нему, сегодня сдались. Он лежал без сознания. Капельница медленно капала, на мониторе билось сердце. Соня держала его руку и следила за каждым биением, даже считала их.

Она никогда не думала, что ее папа может заболеть, даже простудой, а тут сердце. Оказывается, не такой он и сильный. Бедненький. Как ей хотелось помочь ему, но чем. Она гладила его руку, целовала ее. Вечером врачи сказали, что ей пора уходить. Она отказалась. Памятуя о недавнем срыве, Артур уговорил врачей позволить девочке остаться. В палату занесли кушетку. Соня пообещала, что обязательно ляжет на нее, чтобы уснуть, но так и просидела до утра. Забылась лишь перед рассветом, положив голову рядом с папиной рукой, чтобы он, придя в себя, сразу же нашел ее. Так и случилось. Вошла медсестра. Юли глазами попросил не будить девочку, медсестра согласно кивнула головой. Через несколько минут она успокоит еще одного человека, что все в порядке: мужчина очнулся, а девочка заснула. Артур облегченно вздохнет. Да, иметь такого ребенка – чудо, но и мука.

Юли тяжело шел на поправку. Жизнь нанесла чудовищные удары, равномерно, под дух, не давая времени на передышку: гибель Телешовых, родство со Смитом, развод с женой, пропажа дочери, правда о Крис. То, что Соня сказала правду, Юли не сомневался. Глядя на девочку, он и теперь был в полном отчаянии, как в тот день...

Через несколько дней после ухода Сони с полигона Семен столкнулся с Дашей на почте. Та оформляла подписку, Семен забирал почту. Поздоровавшись, он спросил, как дети. В свою очередь Даша поинтересовалась, как Соня.

– Я думаю, нормально, – ответил Семен.

– Почему она не ходит на занятия? Или Юли решил перевести ее в другую школу? – спросила Даша.

– Честно, Дарья Дмитриевна, не знаю. Вы извините, я спешу.

По приезде на полигон Семен, не вынимая почты, отправился к Юли. Тот от нечего делать бросал дротики в карту России.

– Юли, есть разговор.

– Иди со своими разговорами знаешь куда?

– Очень серьезный разговор. Я только что разговаривал с Дарьей Дмитриевной.

– С чего ты решил...

– Да не перебивай меня, осел. Где, по-твоему, сейчас Соня?

– Что значит где? Дома с матерью.

– То есть с Дарьей Дмитриевной?

– Семен, ты выпил с утра? У нее нет второй матери.

– Замечательно. Так вот, к твоему сведению, Даша думает, что Соня у тебя, и интересуется, почему дочь не ходит в школу.

– Не понял...

Юли убрал ноги со стола, бросил дротики и уставился на Семена. Тот повторил еще раз весь разговор с Дашей.

– Это еще не все. Несколько дней назад, сейчас скажу точно, ага, двадцать второго ноября я ехал с полигона. По дороге шла Соня. Как раз после того, как ты выставил ее с приказом расстрелять в случае чего. Она попросила довести ее до райцентра, якобы там погуляет, а потом вернется домой с автобусом. Я подвез, остановился у парка. Юли...эй, старик. Ты выпей чего-нибудь.

Семен налил коньяк в стакан, подал Юли, тот не реагировал:

– Да выпей тебе говорят.

Юли выпил, спросил:

– Что именно она сказала?

– Господи, да что я, помню, что ли – сколько дней прошло. Я просил ее, чтобы она не подвела меня, а то ты шкуру с меня спустишь.

– Шкуру! Да я сто шкур спущу с тебя и буду ждать, пока отрастет новая, чтобы потом снова содрать ее, – орал Юли.

– Ладно. Сдерешь, но потом. Где сейчас искать ее?

– Где? Да, где? Где же ты, ребенок? Она спрашивала о Смите... Ага... Значит, видела документы. Так. Значит, и телефон видела. Смит... Вот где она... Глупенькая. Пошла к волку в логово.

– Может, Ритусу позвонить?

– Я тебе позвоню! С того света будешь звонить! Два автомата мне с комплектом!..

– Папочка, привет, – Сонечка улыбалась в дверях. – Ты чего такой хмурый? Папуль, а я маме письмо сочинила, что мы с тобой отдыхаем.

– Отправила?

– Да.

– Твоя мама никогда больше не доверит мне ни тебя, ни мальчишек.

– Это еще почему?

– Какой отдых в разгар учебного года?

– Ой, правда. Я как-то не подумала. Папуль, ты не расстраивайся. Вот поправишься, помиришься с мамой, и не придется переживать, доверит или нет тебе мамочка нас. Мы всегда будем рядом.

– Соня, чуть медленнее, а то у меня в глазах зарябило от смены кадров. Хорошо?

– Хорошо, – девочка помолчала, а потом, не выдержав, сказала:

– А Артур говорит, что я твоя копия.

– Вот как. Что ж, пожалуй, он прав.

Помолчали.

– Он не только в этом прав, – пробормотала Соня.

– Соня, я же просил: помедленнее.

– Хорошо, – вздохнула девочка.

Она еще о чем-то болтала, но не значительном, а так, пустячном. Больше девочка разговора об Артуре не начинала. Юли понимал, как ей тяжело терпеть, молчать, даже загадал про себя: если три дня не будет упоминать – сам о нем заговорит. То ли сердце-вещун подсказало Соне, то ли судьба распорядилась, но она молчала. Более того, в последний день Юли сам наталкивал на разговор о нем – молчание. Перед самым ее уходом спросил:

– Ты одна едешь ко мне?

– Нет.

– Завтра не приходи. Пусть *он* придет.

– Хорошо, папуль, пока...

Юли не спал всю ночь. Он с тревогой ждал этого разговора. Пожалуй, самого главного в его жизни. Артур пришел после обхода, принес Сонечкин рисунок, сел. Нужно было о чем-то спросить, о незначительном, чтобы завязался разговор, но ни один, ни другой не знали, с чего начать.

– Это правда?

– Что?

– Что пистолет соскользнул?

– Да.

– Обычно у тебя руки не скользят.

– Было много крови.

– Чьей?

– Нашей.

– Расскажи.

– Вряд ли это нужно сейчас.

– Со мной все в порядке.

– Я обещал Соне, что с тобой и будет все в порядке.

– Чертова пигалица всех заставила под свою дудку плясать.

– Она миротворец. Сделала то, что даже маме с Ритусом не удалось.

– Почему не сказал?

– Тебе надо было жить. Любовь и ненависть – две силы, способные подвигнуть человека на великие подвиги и свершения. Любви не осталось. Все, что я мог, – обеспечить ненавистью.

– У тебя получилось.

– Я старался.

– Ты сказал, что Даша – моя дочь. Так у меня может быть ребенок?

– Не знаю.

– Провалы памяти?

– Сознания.

- Пожалуй, лучше продолжить в другой раз.
- Да.
- На следующий день Юли увидел светящуюся от счастья дочь.
- Папка, ты самый, самый, самый!
- Ты тоже ничего.
- Ты смеешься. Значит, идешь на поправку. Папуль, может, пока ты лежишь, мы с Артуром отлучимся на несколько дней?
- Далеко?
- В Россию.
- Зачем?
- Это допрос?
- С пристрастием.
- Ну, пап. Вредный! Артур разыскал Магду.... Там у них.... В общем, долгая история и глупая, почти как у вас с мамой. Без меня ему никак не справиться.
- С чего это ты взяла, что без такой пигалицы зеленой ему никак не справиться?
- Он дал слово не разыскивать ее, но теперь нарушил его. Нужны веские аргументы.
- И ты тот самый веский аргумент? – засмеялся Юли.
- Один из них.
- Ладно уж, миротворец, отправляйся, только не очень зазнавайся.
- Поеду опыта набираться. Главное-то впереди, – вздохнула девочка.
- Что именно?
- Ты и мама. Ты пока сил набирайся. Тебе их очень много потребуется. Одной разбитой губой вряд ли отделаешься.
- Пожалуй, ты права...

Артур долго упорствовал, но все-таки сдался: они ехали в Россию к Магде. Взрослый мужчина целиком положился на бредовые идеи семилетнего ребенка. Возможно, Соня и мала, но именно она заставила пожать руки друг другу двум ненавистным врагам. Девочка сказала, что нужно приехать после обеда в субботу с цветами, тортом, шампанским – как полагается.

Когда Магда открыла дверь и увидела незнакомую девочку, а за нею Артура, она не то, что удивилась, но как-то внутренне зажмурилась. После неловкого молчания предложила войти и проводила гостей в дом.

– Это Магда Брониславовна, – представил Артур жену Соне, – а эта молодая особа – Соня, моя родственница.

Последние слова были лишними и прозвучали коряво и надуманно. Соня понимала, что это от волнения. Поймет ли она? Магда накрыла на стол в зале. Соня с шумом помогала, спрашивала элементарные, порой, вещи. Говорила громко, заглушая тишину. Расспрашивала обо всем на свете: о книгах на полках шкафа, о панно на стене, о часах на столе, о цветке на подоконнике, о... Артур с благодарностью пару раз взглянул на нее. Она давала возможность им обоим прийти в себя от ощущения близости друг друга. На Магду он смотреть боялся, выше рук глаз не поднимал – слишком быстро билось сердце в груди. Внешне оба взрослые казались спокойными, но внешность бывает обманчивой.

– Ой, знаете что. Давайте я расскажу вам о маме.

И Соня говорила, говорила, говорила без конца. Она вспоминала мельчайшие детали из детства матери, по рассказам бабушки и бабушек, говорила о маме сегодняшней. Магда с вниманием слушала рассказ незнакомой девочки. Артур впитывал как губка, он ловил каждый миг жизни своей дочери. Часы показывали десятый час – Соня явно устала.

– Ну, все, взрослые. Я больше не могу, – честно призналась она.

– Заговорили мы тебя совсем, – словно очнувшись, сказала Магда, – прости меня, нерадивую хозяйку. Ты ведь с дороги – устала, давно пора спать.

– Да, пожалуй, – согласилась Соня, взглянув на Артура.

– Я застелю постель, – Магда встала из-за стола, вышла из комнаты.

– Ты так и будешь молчать?

– Я слушал.

– Замечательно. Он слушал. У меня уже язык одеревенел. Так и будешь сиднем сидеть?

Сделай что-нибудь.

– Что?

– Матерь божья! Ну и кто из нас ребенок? Откуда я, семилетняя девочка, могу знать, что в подобной ситуации должны делать взрослый мужчина и взрослая женщина.

Артур выглядел растерянным.

– Только, пожалуйста, без инфарктов.

– Хорошо.

– Постель готова. Правда, у меня не нашлось подходящей пижамы, – Магда стояла в дверях.

– Ничего, это пустяки.

Магда проводила девочку до ее комнаты.

– Это комната вашего сына?

– Почему ты решила, что сына? – удивилась Магда.

– Здесь нет кукол, а у меня их полно. К тому же, у вас не нашлось пижамы на меня.

Значит, сын, – Соня нашла выход из положения.

– Да, ты права, но мой сын очень взрослый, – улыбнулась женщина: какая умная девочка.

– Понятно, спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Артур рассматривал Юрину фотографию в шкафу, когда вошла Магда.

– Это Юра – твой сын, – она, сцепив пальцы в замок, стояла в дверях.

– Я знаю, – Артур не решился повернуться.

– Откуда? – удивилась Магда.

– Я с ним знаком, – Артур, наконец, повернулся.

– ?

– Правда, до недавнего времени не знал, что он мой сын, – мужчина неопределенно развел руками

– Вот уж право! – ахнула Магда.

– Это еще не все, – продолжил Артур. – Тебе лучше сесть.

Он указал на диван. Магда последовала его совету: села на диван, распрямив спину, попыталась улыбнуться.

– Девочка, тараторящая весь вечер, – твоя внучка, – Артур выдохнул с облегчением.

– Прости, – Магда в недоумении подняла глаза и посмотрела на него снизу вверх, – я что-то пропустила?

– Ее мать, Дарья Дмитриевна, наша с тобой дочь... Но и это еще не все... Ты в порядке?

– Да... насколько это возможно...

– Даша замужем за Юли!

В немой тишине Артур налил шампанского, подал бокал Магде. Та сначала не заметила, заметив, отстранила его, вышла. Спустя минуту принесла бутылку водки и два стакана.

– Я что-то плохо соображаю на трезвую голову.

– Ты права.

Артур распечатал бутылку, налил им по полстакана, потом еще. Выпили. Она сидела, он стоял. Не выдержал:

– Прогонишь?

– Нет.

– Спасибо.

– Тебе спасибо.

Выпили еще.

– Ты так и будешь стоять? Может, сядешь, наконец.

– Трудно начинать. Приходится заново узнавать друг друга.

– Да, ты прав.

– Давай сначала ты о себе и о сыне, – предложил Артур, – я о дочери знаю столько же, сколько и ты, да и то со слов Сони и Юли.

– Юли?

– Да. Эта особа... Эта замечательная особа помирила нас.

– Я считала это невозможно.

– Я сам так считал.

– Неисповедимы пути господни и промыслы его. Ну что ж, с меня так с меня. Сейчас.

Магда встала и открыла шкаф, достала оттуда несколько толстых альбомов с фото.

– Вот. Здесь все. Садись ближе. Я буду рассказывать и показывать.

Соня за стеной прислушивалась к их неторопливой, хотя и неразборчивой, беседе. По крайней мере, нет стрельбы и шума. Вот папа бы... он бы фиг два стал смотреть. Соня набрала номер телефона:

– Юра, здравствуй. Это Соня... Какая, какая... Вот черт, да не большая, а маленькая... Я! Встречаются же иногда отменные ослы. Ты как раз относишься к их числу. Ладно, слушай. Я спать хочу, поэтому буду говорить коротко.

Ты стоишь? Тогда сядь. Это лучше слушать в сидячем положении: падать легче. Я сейчас у тебя дома с твоим папой. Алло... Ты слушаешь? Алло, Юра... Нет, нет, именно с твоим – Артуром Георгиевичем Смитом. Усек? В общем, на сегодня меня хватило, а на завтрашний день уволь. Твоя очередь развлекать своих родичей. Зачем их развлекать?.. А затем, чтобы твоя мамочка снова не выставила твоего папочку. Чего они делают? Да я откуда знаю. Весь вечер молчали и не смотрели друг на друга. Вот приезжай и сам попробуй. Мне и так полжизни стоило затащить твоего папу сюда. Ой, как смешно. Ну и что, что полжизни – всего три с половиной года? Да пошел ты. Приедешь? Ну, то-то же. Пока... – Соня, наконец, с чистой совестью позволила себе сладко зевнуть и заснуть.

Артур и Магда рассматривали фотографии Юры.

– Почему их так много? – спросил Артур.

Уж слишком аккуратно все разложено по годам, месяцам, иногда датам. Здесь были Юрины тетради и грамоты.

– Так получилось, – Магда замолчала.

Артур вдруг понял, что сделано это не просто так, а специально... для него, Артура Георгиевича Бланки-Смита. Все-таки ждала! Надеялась, что когда-нибудь он приедет, и она расскажет о жизни сына.

– Магда, хорошая моя. Спасибо...

– Не надо, Артур.

– Я виноват.

– Нет, я.

– Хорошо. Тогда пропустим.

– Согласна.

Под утро и у нее голос стал хрипеть.

- Пожалуй, достаточно ощущений на этот час. Надо хоть чуточку отдохнуть.
- Не обидишься? Ты-то бодр.
- Нет-нет. Все, пора, пора. Отправляйся на отдых.
- Я тебе постелю.
- Я сам разберусь. Оставь альбомы, я посмотрю.

Когда Магда ушла, он еще раз стал перелистывать жизнь сына, пытаясь рассмотреть то, чего на фотографиях не было.

Утром Артур первым услышал звук подъезжающей машины, в окно увидел Юру с большим букетом цветов. Юра не стал открывать дверь своим ключом. Он всегда звонил, когда приезжал, точно так же, как сейчас. Магда, в халате, толком не проснувшись, в изумлении смотрела на улыбающегося сына. Любит он делать сюрпризы.

- Юрочка, сыночек.
- Мамуля, привет, – он делал вид, что не заметил ее смущения. – Войти-то хоть можно?
- Да, конечно, – совсем растерялась Магда.

Они вошли в коридор, где стоял, прислонившись к дверному проему, Артур. Он догадался, чьих это рук дело – вот паршивка.

- Доброе утро, – как ни в чем не бывало, поздоровался Юра.
- Доброе, – ответил Артур.

Юра раздевался, а Магда стояла с цветами между мужчинами и не знала, что сказать.

- Ты чего, мам? – спросил Юра, сделав вид, что не понимает ее замешательства.

– Юра, это... твой отец.

– Я знаю, – спокойно ответил Юра.

– Знаешь? Откуда? – изумилась Магда.

– Соня вчера звонила, – Юра выглядел чрезвычайно спокойным.

– Кто? – не поняла Магда.

– Соня, мам, Соня. Девочка такая. Надо сказать, препротивное существо. Вы ее плохо знаете – я хорошо.

– Ясно, – как-то неопределенно ответила Магда. – Пойду цветы поставлю и приготовлю завтрак.

Артур, оценив поведение сына, подтвердил свои догадки. Когда Магда ушла, спросил:

– Значит, только вчера узнал?

– Нет, – честно признался Юра и посмотрел отцу в глаза.

– А когда?

– Десять лет назад.

– Как?

– Случайно. Нашел у нее маленькую фотку.

– Тогда ты и появился в ЭСВ?

– Да.

– Конспиратор.

– Я не знал, почему вы расстались.

– А что мама?

– Ничего. Молчала.

– Совсем ничего?

– Совсем... только однажды... несколько лет назад... Но ей гордость не позволила.

– Дубина. Гордость... Мне бы сказал.

Юра отвернулся (знал бы он, чего стоили ему эти годы) и стиснул зубы, почувствовал руку на своем плече.

– Прости. Я не хотел обидеть тебя и маму. Ты здесь не при чем. Я рад, что мой сын именно ты.

Гордость не позволила попросить обняться с сыном. Гордость не позволила позволить это сделать сыну.

– Все в порядке, – ответил Юра...

Он смотрел на нее долго и нежно. Она что-то рассказывала, показывая по сторонам, но он видел лишь ее, только ее. Он не мог утолить своей жажды. «Ведь вода бывает нужна и сердцу». Они шли дальше и дальше по коридору, поднимаясь с одного этажа на другой.

– А здесь мой кабинет, – улыбалась она. – Хочешь чаю?

– Да.

– Секунду. Ну, чего стоишь, снимай пальто, вешалка справа от тебя.

Они пили чай с калачами, самыми вкусными на свете. Вдруг женщина остановилась, поняв, что за последние несколько часов он, кроме односложных ответов типа «да» – «нет», не произнес ни слова.

– Ты понимаешь хотя бы приблизительно, о чем я говорю? – спросила она, улыбаясь.

– Да.

– Это невероятно, – рассмеялась она.

Он лишь улыбался.

– Артур, очнись. Ты находишься в моем кабинете-доме.

– Почему доме? – спросил он.

– Наконец-то, первые слова, кроме «да» и «нет». Отвечаю на твой вопрос: потому, что часто задерживаюсь на работе, не хочу уходить домой: там ведь никто не ждет. У меня здесь холодильник, буфет, постель.

– Впечатляет.

Он огляделся по сторонам, с удивлением рассматривая предметы, окружающие ее в жизни. Уютно, просто, со вкусом. Кто бы сомневался.

– Выпить хочешь?

– Да.

– Наливай.

Магда достала бутылку коньяка. Они сидели напротив друг друга, растягивая удовольствие от ощущения близости дорогого человека. Тишину заполняло лишь тиканье часов, что стояли на столе.

– А... что будем дальше делать? – спросила она.

Он пожал плечами.

– Пожалуй, стоит убрать посуду. Завтра рабочий день.

Она поднялась и направилась в соседнюю комнату. Восстановив первоначальный порядок, женщина снова села.

– Что-то у меня тяжесть в голове. Наверное, выпила лишнее.

– Это вряд ли.

– Нет, правда.

– Скорее устала от впечатлений.

– Возможно, ты прав. Ты не будешь возражать, если я прилягу?

– Это же твой диван.

Магда оперлась на подлокотник, но оказалось напряжение последних часов, поэтому ожидаемого отдыха не наступило.

– Если хочешь – кури, пепельница на столе.

– Спасибо.

Опять молчание, которое прервал стук туфель, скинутых женщиной.

– Ноги озябли. Как была – так и выскочила из дома, а теперь замерзла, – поежившись, оправдывалась она.

Он курил, глядя, как женщина подобрала под себя ноги, положила голову на руку. Дым поднимался тонкой струйкой к потолку и там терялся, смешиваясь с его белизной. Затувив остатки сигары, мужчина еще раз окидывал взглядом кабинет.

– Нет, так неудобно.

Женщина встала и полезла в шкаф. Из антресолей помимо нужной подушки упала и другая постель.

– Черт! Нужен стул. Артур, одолжи, пожалуйста.

Мужчина подал стул. После двух неудачных попыток засунуть одеяло обратно, а дверцы закрыть, она сказала:

– Помоги, пожалуйста.

– Позволь?

Артур поймал одеяло, отстранив женщину, и бросил его на диван, затем подушку. Не глядя в сторону женщины, медленно, даже медленнее, чем следовало, снял пиджак, галстук, расстегнул ворот рубашки. Подойдя к Магде, увидел опущенную голову с чуть подрагивающими ресницами. Боясь обидеть, обнял за плечи, привлек к себе. Так они стояли несколько минут.

– Твое решение? – спросил он.

Магда удивилась: решение относительно чего? Не понимая, она молчала. Артур поднял ее голову и посмотрел в глаза:

– Ты мой талисман. Все эти долгие годы я мысленно представлял этот миг. Ради него и жил.

– Артур...

– Молчи, не надо слов.

Он медленно провел пальцами по ее губам, прикоснулся к ним своими губами...

Он появился еще на заре человечества. Путь к свету оказался запутан, долог, тернист. Несмотря на трудности, он нашел дорогу, пробился сквозь слой земли и, сначала маленькой струйкой, затем фонтанчиком заявил о себе. Шли годы, проходили десятилетия, бежали столетия, летели века; люди придумали ему название – родник, источник – он стал питать реку, впадающую в море. Воды его, тяжелые от знания, но прозрачные, как и в первые годы рождения, текли в разных местах по-особому. На мелководье река сверкала прозрачностью, так что на дне просматривались и голыши в иле, и разыгравшиеся рыбы; там, где встречались валуны, выброшенные скалой осколки себя, слышалось бормотание, возможно, даже причитание, а кое-где и недовольство, выраженное в звуках пены. Когда же воды приближались к водопаду, они, сами того не замечая, подчинялись общему ритму стихии – остановиться не было ни сил, ни возможности. Низвергаясь с высоты полета птицы, где, кажется, до горизонта так близко – лишь несколько ударов сердца, где синева и белизна сливаются воедино и непонятно, где небо, где земля, волны уподоблялись урагану, сметающему все на пути в бездну. Первозданный хаос пугал, но притягивал ненасытностью чувств и ощущений.

Обессилевшая женщина лежала на диване, чувствуя рядом дорогого человека. Собрав остатки разума воедино, спросила:

– Который час?

– Без четверти шесть.

– О, боже. Надо уходить, но, Артур, у меня нет сил пальцем пошевелить, не то чтобы одеться и спуститься вниз.

– Не волнуйся. Эта проблема решаема.

Он бережно оденет ее, уберет в кабинете, отвезет домой и уложит в постель, чтобы смиренная, наконец, сном, она могла остудиться. Через несколько часов она проснется, ощущая себя в новом, доселе непознанном качестве, а войдя в ванную и увидев свое тело, завопит на весь дом:

– Арт, я тебя убью.

– Чего это она? – спросит сын, стоя у плиты и готовя омлет.

– У нее чувствительная кожа, – смутившись, ответит отец.

– В конкретных местах?

– Везде.

Услышав ответ, Юра оценит силу характера отца: так любить и столько ждать.

Магда надела свитер под горло, но у мочек ушей, на шее все равно виднелись следы поцелуев. Она попыталась выпить кофе – не получилось: губы не слушались. Так и сидела: пристыженная и счастливая. Все старались не смотреть на нее, чтобы не смущать и так смущенную женщину.

Телефонный звонок раздался вдруг и звонко. Спрашивали Магду, отвечал Юра:

– Магда Брониславовна не может прийти на работу. Нет, она здорова, но прийти не может. У нее ненадлежащий для выхода вид. Что? Я приеду, и мы поговорим на месте. Хорошо?..

Магда принимала гостей. После последнего инцидента несколько недель назад делать это было, скажем, не очень приятно. После встречи с Артуром она вообще не могла прийти в себя, поэтому стала уязвимой, а это непозволительная роскошь. Сегодня она старалась казаться обычной, но под любопытными взглядами людей на самом деле выглядела строже и натянутее, чем всегда. За столом ни к чему не прикоснулась – не было аппетита.

– Магда Брониславовна, что-то вы не кушаете, – заметил Николай Иванович.

– Простите, – очнулась Магда.

– Может, вам теперь не до работы? – поинтересовался уязвленный Николай Иванович.

– Нет. Это моя мечта, и она может стать реальностью.

– Мечта... Красивое слово, но нужно смотреть правде в глаза: вы молодая, красивая женщина, муж, наверное, не из бедных. Махнете куда-нибудь на Карибы, и будете там жить не тужить. Зачем вам Россия, дети с проблемами?

В просторной столовой разместились без малого тридцать человек. Все они приехали для того, чтобы посмотреть на место реализации дорогостоящего проекта, уникального по своей сути не только в России, но и за рубежом. Теперь после долгих разговоров, хождений по территории интерната люди могли расслабиться, отдохнуть за малозначительными, то есть самыми важными разговорами ни о чем, пообедать.

Николай Иванович, губернатор области, действительно, был уязвлен, причем, в самое сердце. Столько лет ему нравилась эта женщина, столько лет добивался он ее благосклонности, дарил цветы, приглашал в театр, в ресторан, в... Когда-то он рассчитывал, что, победив на губернаторских выборах, сможет подняться в ее глазах. Какое там: она даже не заметила его восторга по этому поводу, просто поздравила и все. У него в подчинении сотни людей, готовых выполнить все его распоряжения. В своем кабинете он привык разговаривать с просителями. С ней все по-другому.

Он был привлекателен, в меру умен, целеустремленно шел по карьерной лестнице и рассчитывал, что рано или поздно покорит Эверест – нет, Магда не падет к его ногам, но, по крайней мере, позволит прикоснуться к себе.

Когда несколько недель назад Николай Иванович ехал в Кропотово, твердо решил, что без положительного ответа не уедет. Пусть даже ценой собственной карьеры: Магда стояла

того. Он вез огромный букет роз. Парадный вид бросался в глаза окружающим, но ему было все равно: пусть говорят и думают, что угодно. Он разводится с женой и устраивает жизнь с Магдой в любом качестве при ней. Она женщина гордая. Хорошо. Но и он не промах – не отступит, не позволит, применит мужскую силу, в конце концов. Он ведь ого-го. Она еще не знает этого. Ничего – сразу присмирееет, станет как шелковая. Но его ждал такой удар, от которого он не мог оправиться и до сегодняшнего дня. На его вопрос Юре, что с мамой, молодой человек спокойно ответил:

- Все в порядке. Просто приехал папа, и им надо побыть вместе.
- Кто приехал?
- Папа.
- Чей?
- Мой.
- А он жив?
- Разумеется. По-моему, мама никогда не говорила о нем, как о мертвом.
- Да она вообще о нем никак не говорила... Дела...

Николай Иванович в изумлении открыл рот. Он как-то не представлял Магду с мужчиной. Она для него была непорочной девой Марией.

Вечером он не поехал домой – не хотелось. Заперся у себя в кабинете, достал графин с водкой, закуски, поставил их на стол. В голове не укладывалось. Он столько лет рядом – в ответ ничего, кроме холодной учтивости. Стоило появиться на пороге *ему* – забыла обо всем на свете: три комиссии приехали по проекту, он, губернатор области, полномочный представитель президента. Что же это за человек?! Интересно, ох, как интересно на него взглянуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.